

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

**№ 4 (4)
2023**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Аватков В.А. – главный редактор, д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Крылов Д.С. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Останин-Головня В.Д. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Андронова И.В. – д-р экон. наук, РУДН, Москва, РФ

Асанканов А.А. – д-р ист. наук, академик НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика

Воробьев С.В. – д-р ист. наук, Да МИД РФ, Москва, РФ

Долгов Б.В. – д-р ист. наук, ИВ РАН, Москва, РФ

Ирхин А.А. – д-р полит. наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ

Каширина Т.В. – д-р ист. наук, МГЛУ, Москва, РФ

Койчуманова Ч.У. – д-р ист. наук, член-корреспондент НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика

Курылёв К.П. – д-р ист. наук, РУДН, Москва, РФ

Лункин Р.Н. – д-р полит. наук, ИЕ РАН, Москва, РФ

Макаров О.С. – д-р юрид. наук, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь

Малышева Д.Б. – д-р полит. наук, ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Мигранян А.А. – д-р экон. наук, ИЭ РАН, Москва, РФ

Панин В.Н. – д-р полит. наук, Институт международных отношений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, РФ

Пономарева Е.Г. – д-р полит. наук, МГИМО МИД России, Москва, РФ

Сафрастян Р.А. – д-р ист. наук, ИВ НАН РА, Ереван, Республика Армения

Сейдуманов С.Т. – д-р социол. наук, академик НАН РК, Алматы, Республика Казахстан

Феофанов К.А. – д-р полит. наук, Да МИД РФ, Москва, РФ

Штоль В.В. – д-р полит. наук, Да МИД РФ, Москва, РФ

Журнал «Ближний и Постсоветский Восток» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85544 от 27 июня 2023 г.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.00

ISSN 2949-2408

© ИНИОН РАН, 2023

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

MIDDLE & POST-SOVIET EAST

ACADEMIC JOURNAL

4 issues per year

**N 4 (4)
2023**

Founder

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Vladimir A. Avatkov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Danila S. Krylov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vasily D. Ostanin-Golovnya – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial board

Inna V. Andronova – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abylabek A. Asankanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Sergey V. Vorobiov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Boris V. Dolgov – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander A. Irkhin – Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Tatiana V. Kashirina – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Cholpon U. Koichumanova – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Konstantin P. Kurylev – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roman N. Lunkin – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Oleg S. Makarov – Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus

Dina B. Malysheva – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Aza A. Migranyan – Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viktor N. Panin – Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Elena G. Ponomareva – MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Ruben A. Safrastyan – Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia

Serik T. Seidumanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Konstantin A. Feofanov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Shtol – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ № ФС 77-85544.

Opinions of the authors may not coincide with ideas of editorial.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.00

ISSN 2949-2408

© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Кротков В.О. «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил	7
Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Турецкое присутствие на Балканах: методы, точки опоры, ограничения	18
Цибенко В.В. Столетие формирования парадигмы исторического сознания в Турецкой Республике: основные акторы и базовые сюжеты.....	42
Андианова Р.А. Раннее развитие межкультурных коммуникаций как ресурс преодоления ксенофобии: из опыта работы детских клубов при отелях в Турецкой Республике	64
Жевелева А.В., Жданов А.Ю. Инструменты и направления мягкой силы Турецкой Республики в государстве Палестина.....	76
Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт пост bipolarной эпохи: Россия, «Восток» и Запад.....	102
Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идейно-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств	115
Кислый А.Ю. Анализ деятельности Рабочей группы Московского Патриархата РПЦ и Управления по делам религий Турецкой Республики	138

CONTENTS

Vladimir O. Krotkov. “Soft Power” in the Central Asian Region: General Contours of the Balance of Power.....	7
Elena G. Ponomareva, Elena S. Arlyapova. Turkish Presence in the Balkans: Methods, Footholds, Limitations	18
Veronika V. Tsibenko. Hundred Years’ Formation of Historical Consciousness Paradigm in the Republic of Turkey: Main Actors and Basic Narratives	42
Rosa A. Andrianova. Early Development of Intercultural Communications as Resource for Overcoming Xenophobia: from the Experience of Children’s Clubs at Hotels in the Republic of Turkey	64
Alexandra V. Zheveleva, Artemiy Yu. Zhdanov. Instruments and Directions of Soft Power of the Republic of Türkiye in the State of Palestine.....	76
Vasily D. Ostanin-Golovnya. Ideological and Value Landscape of the Post-Bipolar Era: Russia, East and West	102
Razil I. Guzaerov, Alina I. Sbitneva. Ideas and Values in Politics of Turkey and Turkic States.....	115
Aleksandr Yu. Kisly. Analysis of Activities of Working Group of Moscow Patriarchate and Department of Religious Affairs of Türkiye	138

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01

УДК 327

«МЯГКАЯ СИЛА» В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ: ОБЩИЕ КОНТУРЫ БАЛАНСА СИЛ

КРОТКОВ Владимир Олегович

доктор политических наук, профессор кафедры
прикладной политологии Государственного
академического университета гуманитарных наук.

E-mail: vladimir.dussel@gmail.com

SPIN-код: 2722-8579

ORCID: 0009-0002-1274-4958

Для цитирования: Кротков В.О. «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4(4). – С. 7–17. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.

Аннотация. В статье рассматриваются общие теоретические подходы к концепту «мягкая сила». Данный феномен и инструментарий экстраполируется на регион Средней Азии. Резюмируется, что государства рассматриваемого региона на практике слабо используют мягкую силу и в большей степени выступают в роли объекта для влиятельных центров мирового господства как на Западе, так и на Востоке.

Ключевые слова: мягкая сила, Средняя Азия, международные отношения, мировая политика.

Благодарности. Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZNF-2023-0004 – «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (123022000042-0).

“Soft Power” in the Central Asian Region: General Contours of the Balance of Power

Vladimir O. KROTKOV

DSc in Political Science, Professor of the Department of “Applied Political Science” of the State Academic University of Humanities.

E-mail: vladimir.dussel@gmail.com

SPIN-code: 2722-8579

ORCID: 0009-0002-1274-4958

For citation: Krotkov V.O. (2023). “Soft Power” in the Central Asian Region: General Contours of the Balance of Power. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (4), pp. 7–17. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.

Abstract. The article discusses general theoretical approaches to the concept of “soft power”. This phenomenon and tools are extrapolated to the Central Asian region. It is summarized that the states of the region under consideration in practice make little use of soft power and to a greater extent act as an object for influential centers of world domination both in the West and in the East.

Keywords: soft power, Central Asia, international relations, world politics.

Acknowledgments. The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the FZNF-2023-0004 project – “Digitalization and formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects” (123022000042-0).

Современные международные отношения развиваются достаточно динамично, характеризуясь своей турбулентностью. Их нестабильность сопровождается стохастическими процессами и эксплициитными чертами, связанными с деинституционализацией, что обуславливает более активную роль международных, региональных и национальных акторов в отстаивании собственных интересов. В анализируемом контексте глобализационные тренды вступают в противоречия с деглобализационными векторами, которые в совокупности детерминируют сложную, эмерджентную ситуацию на разных уровнях международной проблематики. В результате ключевую роль приобретает инструментарий, с помощью которого глобальные центры силы и иные региональные субъекты

добиваются своих целей¹. В целом можно отметить, что методы и средства политической борьбы эпохи модерна перестают доминировать, а на их место приходят технологии, подходы, инструменты, приемы информационного общества.

В этой связи центры силы, которые активно вовлечены в постмодернистский переход и, соответственно, обладают ресурсами нового технологического уклада, способны существенным образом в экстерриториальном формате реализовывать свою волю, преследуя определенные интересы. Другими словами, брутальные подходы, прямолинейные решения, старые технологии соревнуются с гибкими инструментами, информационными и передовыми технологическими решениями, что является явным преимуществом, так как приводит к наименьшим издержкам при решении тех или иных наднациональных задач. Не случайно сам понятийно-категориальный аппарат современных международных отношений обогатился такими явлениями, как «мягкая сила», «острая сила», «цифровая дипломатия», «информационный суверенитет», «гибридная война» и др.

В рамках данной статьи осуществляется попытка в первом приближении рассмотреть феномен «soft power» и его практическую реализацию в Средней Азии. Считается, что основоположником рассматриваемого концепта в 1990-е годы был Дж. Най (при активном участии в разработке теории со стороны Р. Кеохейна²), который акцентировал внимание на мягких, притягательных, гибких механизмах реализации власти (влияния) в международной сфере³. То есть прямая сила, например, военная, стала рассматриваться как вторичный инструмент по сравнению с менее затратными и разрушительными гибкими формами влияния, чему очень способствовал активно развивающийся процесс глобализации, одним из результатов которого стала девальвация суверенитетов большинства государств мира. Помимо этого, мягкая сила доста-

¹ См.: Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности // Постсоветский материк. – 2022. – № 2. – С. 12–20.

² Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. – London; NY: Routledge, 2002.

³ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: ACT, 2014. – С. 177.

точно гармонично коррелирует с неоинституциональным теоретико-методологическим фреймом, который в конце XX в. стал доминировать, так как неформальные институции (структуры, процессы и нормы) начали играть более существенную практическую роль, что часто приводило к вытеснению на периферию властного поля сугубо формальных структур и правил. Так, очевидное влияние приобрели неэстатистские субъекты, например ТНК или международные неправительственные организации.

В то же время стоит отметить роль социального конструктивизма в рамках постмодернистского перехода самых могущественных центров международного влияния. Другими словами, экстерриториальные подходы, сетевые конструкты, информационно-пространственные характеристики, субъективные нарративы стали носить все большее значение в рамках исследований международных отношений. В этом плане категория «мягкая сила» вполне имманентна текучей (З. Бауман⁴) и отчасти горизонтальной реальности, где образы и символы играют значительно большую притягательную роль для многомиллионных социальных страт.

Инструментарий мягкой силы последние десятилетия показал себя как весьма действенный, так как в значительной степени преодолел цивилизационные, культурно-исторические, этноконфессиональные различия и расколы, но, конечно, не унифицировав рассматриваемую социальную дифференциацию и противоречия, с ней связанные. В большей степени можно говорить об усилении постнеклассической научной парадигмы, которой имманентен феномен мягкой силы. Роль соблазна в рефлексии Ж. Бодрийяра⁵ заняла важное место в постмодернистском дискурсе, который в данной части релевантен атрибутивным качествам мягкой силы.

В определенной степени канве анализа конгруэнтны мысли А. Грамши⁶, считавшего, что любая гегемония, как и ее распад, связаны с ролью «культурного ядра», которое консолидирует социальное пространство на основе множества аксиологических, по-

⁴ Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. – М.; Питер, 2008. – 238 с.

⁵ Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – 317 с.

⁶ Грамши А. Тюремные тетради. – М.: Издательство политической литературы. – 1991. – 560 с.

литических, экономических, культурных и производных явлений. В то же время оно может быть подвергнуто дестабилизации под воздействием «мягких» инструментов «молекулярной агрессии».

Опираясь на методологию Дж. Ная, следует подчеркнуть, что эффективность «soft power» в современных реалиях покоятся на неагрессивных в физическом плане подходах. То есть, сила или власть реализуются через перманентное формирование институционального дизайна в обществах, которые являются объектом, что влечет за собой доминирование определенных ценностных установок, норм поведения, социальных практик, символических ориентаций. Это все достигается через образовательную, культурную, гуманитарную, информационную сферы. Очевидно, что самым главным объектом для применения мягкой силы является молодое поколение, как группа, за которой будущее, если говорить в темпоральном контексте. В результате конституируется идея международного сотрудничества, как важного элемента определенной идентичности.

При этом необходимо акцентировать внимание на том, что мягкая сила – это комплексное явление, которое имеет многоаспектный характер и может выражаться в разных формах и с разной интенсивностью. В современном мире субъект-объектные отношения не могут анализироваться в одномерном формате. Так, субъект, реализующий инструментарий мягкой силы, может быть параллельно объектом подобного влияния со стороны иного международного или регионального актора. Более того, эти отношения могут протекать с разной степенью интенсивности, на определенных этапах развития в явно эксплицитной форме (например, в период цветных революций), в иные периоды – в латентном формате, как так изменились приоритеты. Как справедливо отмечает М.А. Неймарк, любые редукционистские интерпретации относительно практической реализации концепта мягкой силы с методологической точки зрения выглядят не очень привлекательно⁷.

Поскольку тематика данной статьи связана не только с теоретико-методологическими основаниями реализации мягкой силы, следует коснуться кейса, который локализован Средней Азией.

⁷ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике / Дипломатическая Академия МИД России. – М.: Дашков и К°, 2017. – С. 44.

Если анализировать российское влияние, то следует отметить, что «регион Центральной Азии, – как пишет М.М. Лебедева, – включен в интеграционные процессы на постсоветском пространстве, а, следовательно, взаимодействие оказывается более тесным, чем с иными государствами, находящимися вне региона. Вторых, в ЦА до сих пор распространен русский язык, хотя сфера его использования и сужается. В-третьих, имеются связи с Россией, обусловленные родственными и дружескими связями, а также профессиональными связями»⁸.

При потенциальных возможностях активно влиять в данной региональной группе, российский вектор, как впрочем и китайский, в большей степени реализуется через формальные программно-концептуальные внешнеполитические действия, что выглядит не в полной мере имманентно сути мягкой силы. Напротив, США, ЕС и иные субъекты активно используют всю линейку влияния, что соответствует классическому пониманию «мягкости», так как активно продвигаются языковые программы и направления подготовки в рамках высшего образования, развиваются преподавательский и студенческий обмены, вовлекаются преимущественно молодежные страты в деятельность экологического, гуманистического, гендерно-эгалитарного характера. Но, как прогнозировал в компаративистском стиле Дж. Най: «Мягкая сила азиатских стран отстает от силы США, Европы и Японии, но она, вероятно, увеличится»⁹. Последние годы нынешнего века как раз показывают резко возросшее влияние Китая, например, на страны Африки или Юго-Восточной Азии. Можно заключить, что современное глобальное международное или региональное влияние в политико-экономической сфере неразрывно связано с параллельным давлением через инструменты мягкой силы.

В то же время, выделяя ресурсных лидеров Средней Азии, следует подчеркнуть, что они также пытаются формировать свою политику с помощью анализируемых методов и инструментов.

⁸ Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 49–50.

⁹ Nye J.S. Soft power matters in Asia // The Japan Times. – 05.12.2005. – URL: <https://www.belfercenter.org/publication/soft-power-matters-asia> (дата обращения: 05.10.2023).

В частности, А.М. Жакьянова выделяет следующие преимущества казахстанской мягкой силы:

- культурное-историческое наследие как основополагающий фактор;
- географическое положение и размеры страны;
- достижения социально-экономического развития, которые позволили совместить персоналистский авторитаризм с активной экономико-инвестиционной политикой;
- многонациональность и религиозная политика¹⁰.

Но эти, казалось бы, структурные и процедурные преимущества далеко не всегда приводят к аксиологическому влиянию, чтобы можно было говорить о сформированных казахстанских паттернах, на которые хотят ориентироваться иные социальные общности. Даже их публичная дипломатия Web 2.0 выстроена весьма неэффективно.

Вторым значимым игроком в регионе является Узбекистан, ВВП которого занимает вторую позицию, а численность населения – первую. Это государство граничит со всеми республиками Средней Азии, занимая стратегическое геоэкономическое и геополитическое положение. По мнению Р.Б. Махмудова, наиболее эффективно «мягкая сила» Узбекистана «проявляет себя в отношении стран Центральной Азии, что дает возможность значительно повысить общий уровень взаимного доверия как на официальном уровне, так и на уровне контактов граждан»¹¹. Одним из знаковых аспектов этого сотрудничества и влияния является гуманитарное сотрудничество с Таджикистаном. В целом рассматриваемый актор делает акцент на экономических рычагах влияния, тем самым преодолевая низкий уровень жизни граждан страны.

На этом фоне истеблишмент Таджикистана пошел по привычному пути и регламентировал в своей Концепции внешней политики положения, которые соответствуют инструментам мягкой силы. На практике эти шаги выражаются в позиционировании образа страны через культурные, образовательные, гуманитарные и

¹⁰ Жакьянова А.М. Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 103–106.

¹¹ Махмудов Р.Б. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 1 (50). – С. 124. – DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.

иные аспекты в институциях ООН. Помимо этого, как пишет Н.А. Салибаева, существует государственное «содействие объединениям соотечественников за рубежом и защита этнокультурной идентичности, а также оказание правовой и культурно-просветительской поддержки зарубежным соотечественникам»¹². Так же можно отметить информационное воздействие, в том числе через дипломатические и консульские инстанции, на различные внешние круги и группы, с целью укрепления позитивного имиджа Таджикистана. Вместе с тем, наблюдаются попытки компетентных органов по противодействию киберпреступлениям и информационным угрозам, направленным на дестабилизацию политической системы Таджикистана.

Затрагивая в анализируемом контексте Республику Кыргызстан, следует отметить не очень большие ресурсные возможности государства, чтобы масштабно инвестировать в инструментарий мягкой силы. В целом зависимость Республики от российского экономического, политического, инвестиционного, информационного влияния достаточно высокая и, что крайне важно, проявляется долгое время¹³. Один из аспектов выражается в том, что «российские ТВ-каналы стабильно находятся среди наиболее популярных»¹⁴.

Наряду с этим следует отразить иной вектор мягкой силы, который играет важную роль в Средней Азии в целом, и в Киргизии в частности. Это, как пишут аналитики, «идеологическое воздействие на население (в первую очередь на молодежь) через сеть из десятков западных НПО, образовательные программы, финансируемые Западом, СМИ и интернет-ресурсы. Не случайно именно в Киргизии расположился Американский университет Центральной Азии (АУЦА, AUCA) – кузница кадров прозападной элиты

¹² Салибаева Н.А. К вопросу о концепции «Мягкой силы» во внешней политике Республики Таджикистан // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 4 (54). – С. 18.

¹³ Блищенко В.И. Проблемы независимой Киргизии и интересы России // Обозреватель. – 2020. – № 4 (363). – С. 86.

¹⁴ Масаулов С.И. Популярность российского ТВ в Казахстане и Киргизстане. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/populyarnost-rossiyskogo-tv-v-kazakhstane-i-kyrgyzstane/> (дата обращения: 15.10.2023).

всего региона»¹⁵. Надо признать, что финансовые, дипломатические, организационные, информационные ресурсы различных международных фондов, неправительственных организаций являются серьезным фактором влияния на социальные ориентации и ценности в республике.

Помимо этого следует отметить продолжение политики изоляционизма со стороны политической элиты Туркменистана. Династический способ передачи власти 2022 г. не повлиял на активную внешнюю политику республики на фоне внутренних социально-экономических проблем. В целом наблюдается существенная экономическая зависимость страны от Китая. В данном контексте следует привести позицию В.А. Аваткова, согласно которой турецкая «мягкая сила» выступает немаловажным фактором, который заставляет истеблишмент Туркменистана «противостоять, максимально блокируя на территории страны деятельность таких важных ее проводников, как ТЮРКСОЙ и ТИКА. Вместе с тем на настоящий момент среди обучающихся в турецких вузах иностранных студентов больше всего именно туркмен»¹⁶.

В целом роль государств Средней Азии в области мягкой силы серьезным образом уступает как ведущим западным странам, так и более влиятельным восточным игрокам (Саудовская Аравия, Катар, Индия, Южная Корея и др.), находясь в одном ряду с африканскими странами. Более детально расстановку стран можно увидеть через призму глобального индекса мягкой силы в 2023 г. (Global Soft Power Index, 2023)¹⁷.

В качестве общего вывода можно сформулировать следующую идею: Средняя Азия является достаточно привлекательным регионом мира, который имеет множество различных противоречий. Государства этого региона представляют собой разный уровень развития, но ни одно из них на сегодняшний день не явля-

¹⁵ Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия (продолжение) // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 3 (261). – С. 74–75.

¹⁶ Аватков В.А., Рыженков А.С. Туркменистан и Туркоцентрическая интеграция // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 1 (54). – С. 78. – DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-68-85. – EDN ZVMGLH.

¹⁷ Global Soft Power Index, 2023. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 01.10.2023).

ется активным актором, который эффективно использует инструментарий мягкой силы, преследуя свои стратегические интересы. А более сильные игроки мирового политического пространства (США, Китай, ЕС, Турция) давно и активно применяют мягкую силу в анализируемом регионе. На это так же указывают эндогенные и экзогенные критерии, согласно которым, с точки зрения О.Г. Леоновой¹⁸, детерминируется эффективность soft power.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Туркменистан и Туркоцентрическая интеграция / В.А. Аватков, А.С. Рыженков // Россия и новые государства Евразии. – 2022. – № 1 (54). – С. 68–85. – DOI: 10.20542/2073-4786-2022-1-68-85.
2. Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия (продолжение) // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 3 (261). – С. 74–87.
3. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. – М.; Питер, 2008. – 238 с.
4. Блищенко В.И. Проблемы независимой Киргизии и интересы России // Обозреватель. – 2020. – № 4 (363). – С. 78–87.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – 317 с.
6. Грамши А. Тюремные тетради. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 560 с.
7. Жакьянова А.М. Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 101–110.
8. Кротков В.О. Идентификация тенденций современных международных отношений: формирование новой субъектности // Постсоветский материк. – 2022. – № 2. – С. 12–20.
9. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 47–55.
10. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. – 2013. – № 4 (279). – С. 27–40.

¹⁸ Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель. – 2013. – № 4 (279). – С. 29.

11. Масаулов С.И. Популярность российского ТВ в Казахстане и Кыргызстане. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/populyarnost-rossiyskogo-tv-v-kazakhstane-i-kyrgyzstane/> (дата обращения: 15.10.2023).
12. Махмудов Р.Б. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 1 (50). – С. 121–134. – DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.
13. Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
14. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике / Дипломатическая Академия МИД России. – М.: Дашков и К°, 2017. – С. 31–42.
15. Салибаева Н.А. К вопросу о концепции «Мягкой силы» во внешней политики Республики Таджикистан // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 4 (54). – С. 12–22.
16. Global Soft Power Index, 2023. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 01.10.2023).
17. Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. – L.; NY: Routledge, 2002. – 298 p.
18. Nye J.S. Soft Power Matters in Asia // The Japan Times. – 05.12.2005. – URL: <https://www.belfercenter.org/publication/soft-power-matters-asia> (дата обращения: 05.10.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.02

УДК 327.8

ТУРЕЦКОЕ ПРИСУТСТВИЕ НА БАЛКАНАХ: МЕТОДЫ, ТОЧКИ ОПОРЫ, ОГРАНИЧЕНИЯ

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры
сравнительной политологии МГИМО МИД России.

E-mail: nastyat304@mail.ru

SPIN-код: 9664-7471

ORCID: 0000-0001-8370-8597

АРЛЯПОВА Елена Сергеевна

кандидат политических наук, научный сотрудник
Института системно-стратегического анализа (ИСАН).

E-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

SPIN-код: 2152-6679

ORCID: 0000-0002-8095-7229

Для цитирования: Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Турецкое присутствие на Балканах: методы, точки опоры, ограничения // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4(4). – С. 18–41. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.02.

Аннотация. На протяжении столетий Балканы были особой зоной турецкого влияния. Разрушение Османской империи, мировые войны и социалистический эксперимент существенно изменили место и роль Турции в регионе. Очередное переформатирование балканского пространства в конце XX в. открыло новое окно возможностей для Турецкой Республики – медленно, но настойчиво она возвращала утраченные позиции. В статье на примере стран Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория и полития Косово) проанализированы методы и точки опоры внешнеполитического влияния Анкары; выявлены объективные ограничения усиления ее присутствия в регионе. Основное внимание акцентировано на комплексе мер социально-гуманитарной направленности (прежде всего в сфере религии, миграции, образования и самоидентификации), благодаря которым Турция занимает особое место среди влиятельных региональных акторов.

Не менее значимую роль в продвижении положительного образа страны в регионе играет личностный фактор Р.Т. Эрдогана. Прагматизм и политическая энергия турецкого лидера во многом определяют автономность внешней политики республики и способность играть роль потенциального и реального посредника. В условиях активизировавшегося украинского кризиса исследовательский интерес к политической активности Турции на Балканах обоснован не только с эвристической, но и с практической точки зрения – это важно для определения стратегических перспектив России на балканском направлении.

Ключевые слова: Турция, Западные Балканы, внешняя политика, неоосманизм, «мягкая сила», Эрдоган.

Turkish Presence in the Balkans: Methods, Footholds, Limitations

Elena G. PONOMAREVA

DSc in Political Science, Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation.

E-mail: nastya304@mail.ru

SPIN-code: 9664-7471

ORCID: 0000-0001-8370-8597

Elena S. ARLYAPOVA

PhD in Political Science, Institute of System-Strategic Analysis (ISSA).

E-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

SPIN-code: 2152-6679

ORCID: 0000-0002-8095-7229

For citation: Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. (2023). Turkish Presence in the Balkans: Methods, Footholds, Limitations. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(4), pp. 18–41. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.02.

Abstract. For centuries, the Balkans have been a special zone of Turkish influence. The destruction of the Ottoman Empire, world wars and the socialist experiment significantly changed the place and role of Turkey in the region. Another reformatting of the Balkan space at the end of the twentieth century opened a new window of opportunity for the Turkish Republic – slowly but persistently it regained lost positions. On the example of the Western Balkan countries (Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro and the polity of Kosovo), the article analyzes the methods and points of support for Ankara's foreign policy influence; it also

highlights objective constraints for strengthening its presence in the region. The main focus is on a set of social and humanitarian measures (first of all, in the spheres of religion, migration, self-identification mechanisms, education), thanks to which Turkey takes up a special place among influential regional actors.

The personal factor of R.T. Erdogan plays an equally significant role in promoting a positive image of the country in the region. The pragmatism and political energy of the Turkish leader largely determine the autonomy of the republic's foreign policy and the ability to play the role of a potential and real mediator. In the context of the intensified Ukrainian crisis, the research interest in Turkey's political activity in the Balkans comes not only from a heuristic, but also from a practical point of view – this is important for determining Russia's strategic prospects in this direction.

Keywords: Turkey, Western Balkans, foreign policy, Neo-Ottomanism, Soft power, Erdogan.

Балканы были и остаются плотной по числу игроков зоной. Здесь причудливым образом переплетаются интересы всех ведущих акторов мировой политики, борьба за которые во многом определяет не только векторы развития балканских столиц, но и судьбы региональных лидеров, часто становившихся разменной монетой в спорах великих держав (достаточно вспомнить эволюцию судеб С. Милошевича, З. Джинджича, Б. Трайковского и даже любимцев британо-американского тандема М. Джукановича и Х. Тачи).

Последние тридцатилетие было отмечено высоким уровнем конфликтности на пространстве бывшей Югославии, имевшим как внутренние, так и внешние причины. Украинский кризис добавил остроты балканской повестке, оживил «замороженные конфликты» не только внутри границ регионального поля, но и за его периметром. В прямой зависимости от исхода вооруженного противостояния на Украине и отдельно от него столкновение или, как минимум, активизация внешних игроков на балканском направлении выглядят неминуемыми. Очередным подтверждением сказанному стали столкновения на севере Косово 24 сентября 2023 г. По мнению местных и российских экспертов, это обострение ситуации, приведшее к гибели четырех сербов и одного полицейского частично признанной «Республики Косово» стало самым опасным за

последнее десятилетие^{1,2}. В экстренном обращении к нации президент Сербии А. Вучич напомнил, что «много раз и в Нью-Йорке, и в Брюсселе предупреждал, что такое может произойти... Это произошло. Сербы взбунтовались. Они не желают больше терпеть террор Курти... Всего за полтора часа сербы оказались в полном окружении, на них было совершено жестокое нападение. Ответственность за решение ситуации должны были взять на себя миротворцы KFOR». В заключение Вучич подчеркнул: «Сербия никогда не признает чудовищное творение, которое вы (Запад. – Авт.) создали с помощью бомбардировок и лжи. Мы всегда готовы к диалогу, но забудьте о признании Косова»³.

В отечественной и мировой литературе применительно к Балканам внимание акцентируется, как правило, на западном (евроатлантическом) векторе влияния. Между тем собирательный, причем часто положительный образ Востока уже давно закрепился в разных частях региона. Одна из главных восточных «скрипок» в балканском «оркестре» принадлежит Турции.

В данной статье анализ турецкого присутствия географически охватывает пока еще полностью не поглощенную евроатлантическими структурами зону, известную под политическим неологизмом «Западные Балканы». Это Албания, Босния и Герцеговина (БиГ), Северная Македония, Черногория, Сербия и полития Косово. Именно промежуточное положение, отсутствие жестких институциональных рамок и нормативов, формируемых Брюсселем, позволяет Турции все активнее присутствовать в этих странах.

¹ Мартынов А. Косово је Србија // RT на русском. – 26.09.2023. – URL: <https://russian.rt.com/opinion/1208721-martynov-situaciya-serbiya-kosovo?ysclid=ln1uletd6680864226> (дата обращения: 27.09.2023).

² Карпов А., Дуюн В. «Не делаем ничего тайно»: Сербия ответила на претензии по поводу войск на границе с Косово // RT на русском. – 03.10.2023. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/1211299-serbiya-kosovo-armiya?ysclid=ln9zsarlto255366655> (дата обращения: 03.10.2023).

³ Президент Сербии исключил возможность признания независимости Косово // Telegram-канал «RT на Балканах». – 24.09.2023. – URL: https://t.me/rtbalkan_ru/2497 (дата обращения: 27.09.2023).

Анкара в роли автономного игрока и потенциального посредника

С момента активизации украинского кризиса Турция довольно успешно играет роль «потенциального посредника»⁴. Очередная встреча В. Путина и Р.Т. Эрдогана в Сочи 4 сентября 2023 г., а также позиция Анкары на саммите G20 в Нью-Дели 9–10 сентября 2023 г., хотя и не принесли конкретных результатов по возобновлению так называемой «зерновой сделки», стали еще одним подтверждением верно выбранного Белым дворцом (тур. Ak Saray – официальная резиденция президента Турции) вектора повышения своей мирополитической значимости – к Анкаре прислушиваются. «Мир (по-турецки – *barış*) в регионе, о котором так много говорит Эрдоган, еще, к сожалению, далеко. Но президент Турции, укрепив свои позиции в мае 2023 г., неплохо пользуется своим положением уже сейчас. Война и хаос приносят ему вполне весомый “барыш”, а каждый намек на хоть какое-то урегулирование – еще больший»⁵. Очевидно, что признание G20 в итоговой декларации наличия «различных взглядов и оценок ситуации среди членов общества»⁶ в отношении украинского кризиса, что вполне устраивает Москву, скорее всего было определено турецкой позицией. Так или иначе, на всех площадках Анкара подтверждает стремление «развиться в глобального игрока»⁷. И Балканы в этом смысле

⁴ Исламов Д. «Хочу быть владычицей морской»: Турция как потенциальный посредник на Западных Балканах // РСМД. – 22.09.2022. – URL: <https://russian-council.ru/Analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/khochu-byt-vladychitsey-morskoy-turtsiya-kak-potentsialnyy-posrednik-na-zapadnykh-balkanakh/> (дата обращения: 16.09.2023).

⁵ Кривошеев К. Вежливый отказ: чем закончились переговоры Путина и Эрдогана в Сочи // Forbes. – 05.09.2023. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/495899-vezlivyyj-otkaz-cem-zakoncils-peregovory-putina-i-erdogana-v-soci> (дата обращения: 18.09.2023).

⁶ Шестаков Е. Россия отстояла свои интересы в итоговой декларации саммита G20 // Российская газета. – 09.09.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/09/09/sergej-lavrov-otstoial-interesy-rossii-v-itogovoj-deklaracii-sammita-g20-v-deli.html?ysclid=lmd4bwspuz911895060> (дата обращения: 19.09.2023).

⁷ Arežna S. Turkish Foreign Policy Towards Balkans and Serbia Under Davutoğlu Administration // Marmara University Journal of Political Science. – 2018. – Vol. 6, N 2. – P. 206. – DOI: 10.14782/ipsus.460138.

являются для Турции знаковым местом, но далеко не всегда желаемое означает действительное.

Балканские эксперты определяют Турцию «четко региональной державой», которая «не может заместить собой США или ЕС»⁸. Нам, вслед за коллегами, также представляется, что на данный момент международный вес Белого дворца не позволяет ему войти в список грандов большой политики. Кроме того, как справедливо отмечают сторонники его включения в этот реестр, «предел и ближайшая стратегическая цель для Турецкой Республики – ... обретение статуса мультирегионального лидера»⁹ посредством восстановления главенствующего положения в регионах, примыкающих к территориальным границам государства. Поэтому Турция и до, и в течение текущего кризиса остается весьма значимым внешним игроком, но представляющим прежде всего региональную силу.

Посреднические успехи республики в значительной степени определены относительной автономностью турецкой политики от Североатлантического альянса, значимым членом которого является Анкара, а также институциональной дистанцированностью от Брюсселя. В то же время периодически резкие риторика и действия Эрдогана (например, позиция по вступлению Финляндии и Швеции в НАТО) не означают отказа Турции от сбалансированной политики – даже «беглый взгляд на то, что сказал Эрдоган и что ответили его собеседники, особенно на Западе, демонстрирует, что Анкара вряд ли сбилась с (евроатлантического. – *Avt.*) пути»¹⁰. Что же касается ЕС, то «долгий путь к европейскому дому»¹¹ от-

⁸ Shehu R. Next generation Turkey and its foreign policy in the Western Balkans // Eastern Focus Quarterly. – 2021. – URL: <https://www.eastern-focus.eu/2021/03/next-generation-turkey-and-its-foreign-policy-in-the-western-balkans/> (дата обращения: 23.09.2023).

⁹ Лобанов К.Н., Шахов В.В. Западные Балканы как объект геополитического анализа современной ситуации в регионе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 56–67. – DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-56-67.

¹⁰ Унал Х. Турецкий век на фоне многополярности? // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – С. 214. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-213-218.

¹¹ Мигранян А.М. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. – 1989. – № 7. – С. 166–184.

рыл для Анкары новые возможности – отсутствие нормативных обременений со стороны Брюсселя позволяет проводить в регионе политику в интересах республики, а не наднационального объединения. При этом официальная балканская стратегия Анкары оперирует такими ценимыми европейцами принципами, как «региональная ответственность» и «инклузивность»; «безопасность для всех», «максимальная экономическая интеграция», «сохранение полизитнических, поликультурных и поликонфессиональных социальных структур в регионе»¹². Заявленные устремления в отношении Западных Балкан полностью соотносятся с шестью базовыми принципами общей турецкой внешней политики «новой эры»: это баланс между безопасностью и свободой, отсутствие проблем с соседями, многоаспектная внешняя политика, активная региональная внешняя политика, совершенно новый дипломатический стиль и ритмичная дипломатия¹³.

Важно, что в материалах турецкого МИД Западные Балканы не выделены в отдельный сектор, а фигурируют под общим наименованием «Балканы» наряду с Болгарией, Румынией, Словенией и Хорватией. Этот подход более близок к видению региона российским внешнеполитическим ведомством, соответствующий департамент которого охватывает тот же набор стран, что и турецкие коллеги, плюс Грецию, Кипр и саму Турцию¹⁴.

Что же касается региональной стратегии Белого дворца, то она является неотъемлемой частью реанимированной в свое время доктрины неоосманизма¹⁵. В ней наряду с Ближним Востоком, Северной Африкой, Центральной Азией, Кавказом и Крымом в качестве основных практических направлений фигурируют и Балканы.

¹² Relations with the Balkan Region // Republic of Turkiye Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-with-the-balkan-region.en.mfa> (дата обращения: 23.09.2023).

¹³ Davutoğlu A. Zero Problems in a New Era // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkiye. – 11.03.2013. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa> (дата обращения: 23.09.2023).

¹⁴ Организационная схема МИД России по состоянию на 20 сентября 2023 г. // МИД России. – URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1412885&lang=ru> (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁵ Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 33.

Следует отметить, что в экспертном сообществе достаточно скептиков относительно реальных возможностей Анкары «по-настоящему осуществлять экспансионистскую стратегию в регионе»¹⁶, а в Европе многие оценивают «неоосманизм» как несколько переоцененный феномен¹⁷. В России и на Балканах (особенно в сербской зональности) больше сторонников критического отношения к Турции. Они беспокойно относятся к усилению ее присутствия в регионе, отмечают напористость и активную дипломатию, широкий арсенал инструментов для продвижения важной для Турции и турков политической и иного рода повестки¹⁸, а потому весьма напряженно реагируют на любые посреднические усилия, видя в них прежде всего возможности усиления позиций наследников Османской империи.

Такого рода опасения подтвердились летом 2023 г. Одним из итогов очередного обострения ситуации на севере частично признанной «Республики Косово» стало размещение в крае турецких военных. Это событие имело для сербов экзистенциальное значение. Около 500 солдат и офицеров из 65-й механизированной пехотной бригады армии Турции составили основную часть подкрепления сил НАТО на севере края. Такое решение было принято КФОР после масштабных столкновений косовских сербов с приштинскими силовиками и миротворческим контингентом из-за нелегитимной процедуры выборов муниципальных властей. Это – с одной стороны. С другой – этот способ военного возвращения Турции на Балканы – яркий пример использования НАТО как инструмента своей игры на балканском поле.

¹⁶ Aydintaşbaş A. From myth to reality: How to understand Turkey's role in the Western Balkans // Policy Brief. – 2019. – P. 3. – URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

¹⁷ Rustemi A., de Wijk R., Dunlop C., Perovska J., Palushi L. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans // Hague: Hague Centre for Strategic Studies. – 2019. – P. 136. – URL: https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf (дата обращения: 29.09.2023).

¹⁸ Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Активизация Анкары на Западных Балканах: подходы, инструменты, составляющие // Полития: анализ, хроника, прогноз. – 2023. – № 2. – С. 132, 134. – DOI: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-130-150.

Личностный фактор балканской политики Анкары

Текущую фазу отношений Анкары с западнобалканскими столицами, отчет которой ведется с ухода А. Давутоглу с поста премьер-министра в 2016 г., можно охарактеризовать как «эрдоганизм». В качестве отличительной черты этого феномена называют «прагматизм» турецкого лидера, умеющего, благодаря особому «политическому инстинкту», развивать «взаимовыгодную лояльность с сильными лидерами»¹⁹. Однако именно на Балканах «Эрдоган пользуется таким признанием, которого ему часто не хватает в других частях мира»²⁰. Во многом это есть результат регулярных прямых контактов главы Турции и наличие особых личных отношений с руководством балканских стран. При этом «прагматизм» Эрдогана включает развитие экономических отношений, внешней торговли и расширение взаимодействия с мусульманскими общинами. Правда, в последнем случае он выступает в ключе «борьбы с гюленизмом»²¹.

Изучая личностный фактор турецкой внешней политики, нельзя упустить еще одну ключевую для Западных Балкан фигуру – Ахмета Давутоглу. Этот сначала «теневой»²², затем и действующий с 2009 по 2014 г. министр иностранных дел и премьер (2014–2016) отводил Балканам (наряду с Кавказом и Ближним Востоком) принципиальную роль²³. В его видении, с целью выполнения истори-

¹⁹ Rašidagić E.K., Hesova Z. Development of Turkish Foreign Policy Towards the Western Balkans with Focus on Bosnia and Herzegovina // Croatian International Relations Review. – 2020. – Vol. XXVI, N 86. – P. 119. – DOI: 10.37173/cirr.26.86.4.

²⁰ Güzeldere E.E. Turkey's Soft Power in the Balkans Reaching its Limits // ELIAMEP. Hellenic Foundation for European and Foreign Policy. – 01.07.2021. – URL: <https://www.eliamer.gr/en/publication/ta-ōria-της-ήπιας-ισχύος-της-τουρκίας-σ/> (дата обращения: 22.09.2023).

²¹ Rustemi A., de Wijk R., Dunlop C., Perovska J., Palushi L. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans // Hague: Hague Centre for Strategic Studies. – 2019. – P. 135. – URL: https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf (дата обращения: 29.09.2023).

²² Давутоглу А. Справка ТАСС // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/davutoglu-ahmet> (дата обращения: 22.09.2023).

²³ Мамедов И.М. Доктрина «стратегической глубины» А. Давутоглу и Балканы // Славянский альманах. – 2021. – № 3–4. – С. 129.

ческого предназначения «стратегической глубины»²⁴ и превращение Турции в глобальную державу, интерес к данным регионам, как и активизация работы в них, должны были дополнить ориентацию Анкары на Запад. Именно Давутоглу, «свято веривший в потенциал “мягкой силы”» (именно по такому пути пошла Турция в западнобалканском регионе), «развил многие из своих идей о глобальном положении Турции в ответ на то, что происходило на Балканах»²⁵ (имеется в виду боснийская война 1992–1995 гг.).

Несмотря на то, что «новый османизм» позиционирует страну исключительно как региональную супердержаву, географическую и культурную наследницу Османской и Византийской империй²⁶, ярко выраженное стремление Турции «развиться в глобального игрока»²⁷, «добраться статуса надрегиональной державы»²⁸ в последние годы все заметнее. Анкара, несомненно, «хочет видеть себя в центре мировых политических процессов»²⁹. И, надо сказать, это желание не только дискурсивное. Как уже отмечалось, с началом горячей фазы украинского кризиса более востребованной стала ее роль «потенциального посредника» в переговорных комбинациях по различным вопросам, начиная от обмена пленными и так называемой «зерновой сделки» и заканчивая «мирными» инициативами.

²⁴ Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – Kür e Yayınları, 2001. – P. 584.

²⁵ Aydintaşbaş A. From myth to reality: How to understand Turkey's role in the Western Balkans // Policy Brief. – 2019. – P. 9, 11. – URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

²⁶ Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство // Regnum. – 16.11.2011. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1467970.html> (дата обращения: 24.09.2023).

²⁷ Arežina S. Turkish Foreign Policy towards Balkans and Serbia under Davutoğlu Administration // Marmara University Journal of Political Science. – 2018. – Vol. 6, N 2. – P. 206.

²⁸ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная мысль. – 2020. – № 2.

²⁹ 2023 год станет решающим с точки зрения будущего Турецкой Республики. Интервью с В.А. Аватковым // Международная жизнь. – 07.01.2023. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38498> (дата обращения: 20.09.2023).

Посреднические амбиции Турции – важный аспект новой внешней политики. На «османском пространстве» республика стремится демонстрировать свои существенные и во многом уникальные возможности в качестве серьезного и независимого от мнения «старших союзников»³⁰ игрока мировой политики. Такие изменения в представительстве и самоощущении – «Турция больше не позиционирует себя как часть чужих проектов»³¹, «не считает себя периферией и “младшим партнером” США и НАТО»³² – результат работы правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и ее лидера. Турция эпохи Эрдогана мыслит и преподносит «себя “хабом”, причем, не только в значении “центра торговли энергией”»³³ (официально поставленная задача), но и «центра притяжения, через который должны проходить пути и смыслы»³⁴. Это весьма амбициозная новая идея развития и geopolитическая цель современной Турции заслуживает не только пристального научного анализа, но и политического осмысления российским руководством при планировании своей внешнеполитической повестки.

Это особенно важно в свете наличия у Турции (в отличие от России) широкой институциональной базы влияния в регионе. Наиболее значимыми инициативами в направлении Балкан с точки зрения Анкары являются Процесс сотрудничества стран Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ) и «его оперативное подразделение»³⁵ Совет регионального сотрудничества (CPC). Обе струк-

³⁰ Какую роль в мировых делах играет Анкара, и хорошо ли это у нее получается // Профиль. – 31.10.2022. – URL: <https://profile.ru/politics/kakuju-rol-v-mirovyh-delah-igraet-ankara-i-udaetsya-li-ej-eto-1188147> (дата обращения: 20.09.2023).

³¹ Аватков В.А. Турецкая Республика накануне своего столетия // Свободная мысль. – 2023. – № 1. – С. 112.

³² Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 32–39.

³³ Экен Э. Может ли Турция стать газовым хабом? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 9. – С. 56. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-55-63.

³⁴ Аватков В.А. Турецкая Республика накануне своего столетия // Свободная мысль. – 2023. – № 1. – С. 112.

³⁵ Türkiye's Relations with the Regional Cooperation Council // Сайт МИД Турецкой Республики. – URL: https://www.mfa.gov.tr/the-regional-cooperation-council-rcc_en.mfa (дата обращения: 23.09.2023).

туры, по замыслу, представляют собой «полезные и взаимодополняющие механизмы евроатлантической интеграции региона»³⁶. СРС позиционируется преемником Пакта о стабильности для Юго-Восточной Европы³⁷ и действует под политическим руководством организации «Процесс сотрудничества стран Юго-Восточной Европы»³⁸. В отношении последней Турция делает акцент на ее внутреннем, региональном происхождении, называя «подлинным голосом региона», в отличие от целого ряда других, внешних инициатив. Председательствовала в ПСЮВЕ Турция трижды: в 1998–1999, 2009–2010 и 2020–2021 гг. И, надо сказать, активно использовала представившиеся возможности для утверждения в роли одного из главных медиаторов в изучаемом регионе. Особенно плодотворным в этом смысле был второй срок – с конкретными ощутимыми результатами предпринятых усилий.

Эффективное продвижение Турции в регион было в значительной степени определено финансовым кризисом 2007–2008 гг., прервавшим усилия ЕС по реструктуризации балканской экономики. На фоне ослабления активности ЕС, с одной стороны, и ухудшения экономической ситуации в западнобалканском регионе, с другой, Турецкая Республика «воспользовалась возможностью, чтобы, как однажды заявил Давутоглу, продолжить с того места, на котором остановился ЕС, инициировав независимые политические усилия в регионе»³⁹. Именно 2008 г. часто называют поворотной датой в развитии современных отношений Турции и Западных Балкан, приведшей к их заметной интенсификации. Кроме того, «после того, как посредники Бутмира из Вашинг-

³⁶ South East European Countries Cooperation Process (SEECP) // Сайт МИД Турецкой Республики. – URL: https://www.mfa.gov.tr/south-east-european-countries-cooperation-process-_seecp_.en.mfa (дата обращения: 27.09.2023).

³⁷ Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (пер. с англ.). 10 июня 1999 г. // Современная Европа. – 2000. – № 3. – С. 112–123.

³⁸ Сотрудничество в Юго-Восточной Европе // Per Concordiam. Journal of European Security and Defense Issues. – 30.03.2015. – URL: <https://perconcordiam.com/cooperation-in-southeast-europe-2/> (дата обращения: 27.09.2023).

³⁹ Ekinci M.U. A Golden Age of Relations: Turkey and the Western Balkans During the AK Party Period // Insight Turkey. – 2014. – Vol. 16, N 3. – P. 107–108.

тона и Брюсселя “собрали вещи” в октябре 2009-го⁴⁰ и оставили чувство глубокой неудовлетворенности переговорами у балканских участников, пространство для последующих действий идущей к региональному лидерству Турции существенно расширилось. Ускоренное развитие отношений между страной и Западными Балканами было основано на двух важных принципах: региональной ответственности, «которая относится к добровольному участию конфликтующих сторон в решении проблемы, стоящей перед регионом»⁴¹, а также инклузивности – принятия во внимание аргументов всех сторон и сформированных на этой основе действий. Низкая отправная точка отношений Турции и Балкан предоставила турецкому министру иностранных дел уникальную возможность для проверки на практике своей доктрины «нулевых проблем»⁴².

Сотни раз название этой турецкой внешнеполитической доктрины обыгрывалось в аналитических материалах и публикациях СМИ в негативном ключе: «от ноля проблем с соседями – к нулю соседей без проблем»⁴³, «от ноля проблем – к нулю друзей»⁴⁴, «ноль проблем с соседями – множество проблем»⁴⁵ и т.п. Однако следует помнить, что изначально доктрина изначально ориентирована на Ближний Восток, а также на то, что ведущую роль в реали-

⁴⁰ Bechev D. Turkey in the Balkans: Taking a Broader View // Insight Turkey. – 2012. – Vol. 14, N 1. – P. 139.

⁴¹ Koç Z.E., Önsoy M. An Evaluation of Turkey’s Western Balkans Policy under the AKP and Prospects for the Post-Davutoğlu Era // SUTAD. – 2018. – N 43. – P. 361.

⁴² Bechev D. Turkey in the Balkans: Taking a Broader View // Insight Turkey. – 2012. – Vol. 14, N 1. – P. 139. – URL: https://www.academia.edu/9971789/Turkey_in_the_Balkans_Taking_a_Broader_View (дата обращения: 27.09.2023).

⁴³ Мамедов Р. Турецкий поворот: снова на пути к «нулю проблем с соседями»? // РСМД. – 21.07.2016. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskiy-povorot-snova-na-puti-k-nulyu-problem-s-sosedyami/> (дата обращения: 27.09.2023).

⁴⁴ Zalewsky P. How Turkey Went From ‘Zero Problems’ to Zero Friends // Foreign Policy. – 22.08.2013. – URL: <https://foreignpolicy.com/2013/08/22/how-turkey-went-from-zero-problems-to-zero-friends/> (дата обращения: 27.09.2023).

⁴⁵ Dorsey J.M. In Turkey, zero problems with neighbours mean multiple problems // Modern Diplomacy. – 08.09.2022. – URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/09/08/in-turkey-zero-problems-with-neighbours-mean-multiple-problems/> (дата обращения: 27.09.2023).

зации нового направления во внешней политике сыграл Эрдоган, а не Давутоглу. В то же время именно действующий президент «прагматично восстановил дипломатические связи с регионом Западных Балкан, установив прекрасные личные отношения с западнобалканскими лидерами»⁴⁶.

Так или иначе, улучшение отношений с балканскими политиями – уже в активе новой турецкой внешней политики, и существенная роль в достижении такой высоты сотрудничества принадлежит личностному фактору, «прагматизму» и политической ловкости Эрдогана.

Точки опоры турецкого влияния на Балканах

В качестве главной точки опоры Турции в регионе часто выделяют ислам – родство со многими мусульманскими общиными на Балканах, а также неоосманский нарратив, сочетающий духовно-религиозную тематику с обширным историко-культурным контекстом, который не предполагает «больше разрыва связи с Османской империей»⁴⁷. В то же время, как верно замечают отечественные специалисты, «сводить турецкое влияние и в целом турецкую политику лишь к этнорелигиозному фактору и историческим контекстам было бы неправильно»⁴⁸. Важной составляющей внешней политики Турции по отношению к Балканам является обоюдная (на протяжении XX в.) миграционная политика Анкары и Белграда – столицы Югославского королевства и социалистической федерации, одним из результатов которой стало наличие многочисленных балканских диаспор в Турецкой республике. Со времени ее основания в 1923 г. более 1,6 млн иммигрантов

⁴⁶ Rrustemi A., de Wijk R., Dunlop C., Perovska J., Palushi L. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans // Hague: Hague Centre for Strategic Studies. – 2019. – P. 129. – URL: https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf (дата обращения: 27.09.2023).

⁴⁷ Аватков В.А. Турецкая Республика накануне своего столетия // Свободная мысль. – 2023. – № 1. – С. 113.

⁴⁸ Энтина Е.Г. Незападные Балканы. – М.: Галактика, «Зебра Е», 2022. – С. 400–401.

балканского происхождения осели в стране⁴⁹. Впрочем, звучат и большие цифры – от 3 до 7 млн с XIX в. и по настоящее время^{50,51}.

Количество турок, проживающих на Балканах, существенно скромнее. Однако они представлены во всех странах региона, включая политию Косово. По данным турецкого МИД на 2019 г., в Албании проживает 8 тыс. человек граждан республики, БиГ – 10,7 тыс., Косово – 3,5 тыс., Северной Македонии – 12 тыс., Сербии – 0,6 и Черногории – 2 тыс.⁵² Подчеркнем, что это данные официально зарегистрированных жителей. Реальное число граждан Турции, проживающих в странах Западных Балканах, очевидно больше.

Отличающиеся на порядок цифры фигурируют в контексте не гражданской, а этнорелигиозной идентичности представителей турецких общин на Балканах, имеющих гражданство стран проживания, но сохраняющих культурно-религиозную самобытность. Здесь первые позиции занимают Северная Македония и Косово – 83,5 тыс. (третья по численности группа населения) и 18,8 тыс. (пятая по численности группа) человек соответственно^{53,54}. В остальных западнобалканских странах турки «по происхождению и ощущению», вероятно, вошли в категорию «другие» (как, например, в Сербии, где эта группа приближается к 10% значению⁵⁵),

⁴⁹ İçduygu A., Sert D. The Changing Waves of Migration from the Balkans to Turkey: A Historical Account // Vermeulen H., Baldwin-Edwards M. and R. van Boeschoten (eds.). Migration in the Southern Balkans. From Ottoman Territory to Globalized Nation States. – Springer Open, 2015. – Р. 86. – DOI: 10.1007/978-3-319-13719-3_5.

⁵⁰ Свиштунова И.А. Балканская политика Турции: роль этноконфессиональных меньшинств // Современная Европа. – 2020. – № 4. – С. 66. – DOI: 10.15211/soveurope420206171.

⁵¹ Энтина Е.Г. Незападные Балканы. – М.: Галактика, «Зебра Е», 2022. – С. 401.

⁵² Buyuk H.F., Clapp A., Haxhiaj S. Diaspora Politics: Turkey's New Balkan Ambassadors // BalkanInsight. – 19.03.2019. – URL: <https://balkaninsight.com/2019/03/19/diaspora-politics-turkeys-new-balkan-ambassadors/> (дата обращения: 27.09.2023).

⁵³ Ülke Künyesi. Kuzey Makedonya Cumhuriyeti // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/makedonya-kunyesi.tr.mfa> (дата обращения: 27.09.2023).

⁵⁴ Ülke Künyesi. Kosova Cumhuriyeti // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/kosova-kunyesi.tr.mfa> (дата обращения: 27.09.2023).

⁵⁵ Ülke Künyesi. Sırbistan Cumhuriyeti // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/sirbistan-kunyesi.tr.mfa> (дата обращения: 27.09.2023).

либо в категорию лиц, не указавших свою этническую принадлежность (каковых, например, в Черногории практически 5%⁵⁶). Этно-конфессиональная самоидентификация может давать обратную предыдущей ситуацию, когда показатели численности могут быть завышены, будучи основанными на «субъективной идентичности» респондентов, и включать в себя не только этнических турок, но также и мусульман нетурецкого происхождения, называющих себя «турками», т.е. ассоциировать ислам с турецким народом – что соответствует османской традиции.

Во «внешнеполитической плоскости религиозный аспект во многих случаях тесно переплетается с этнонациональным»⁵⁷, что усиливает транслируемый вовне имидж страны как одного из мощных центров притяжения всего исламского мира и «заступницы мусульман». Такой верно выбранный посыл позитивно воспринимается целевой аудиторией на Балканах. Показательно, что при ответе на вопрос: «в какой стране вы хотели бы жить, если надо было бы выбрать вторую родину?» – «Турция оказалась абсолютным лидером по притягательности для мусульман во всех балканских странах»⁵⁸ (исследование охватывало восемь из них).

И все же Западные Балканы не являются региональным лидером по данному показателю: даже совокупное количество их резидентов – граждан Турции почти вдвое меньше такового в одной лишь Болгарии (60 тыс. человек). Но даже это малое сформированное число укрепляет турецкое присутствие, делает его заметным в повседневной жизни изучаемого региона. Например, в кафе Нови Пазара (город на юге Сербии с преимущественно мусульманским населением) стамбульские футбольные клубы «Фенербахче» или «Галатасарай» вызывают больше эмоций, чем белградские «Црвена звезда» или «Партизан», а Эрдоган с 2018 г. является почетным гражданином города.

⁵⁶ Ülke Künyesi. Montenegro // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/karadag-kunyesi.en.mfa> (дата обращения: 27.09.2023).

⁵⁷ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 296–297. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.

⁵⁸ Свищунова И.А. Балканская политика Турции // Современная Европа. – 2020. – № 4 (97). – С. 68. – DOI: 10.15211/soveurope42020617.

В ряду значимых точек опоры Анкары следует назвать крупнейшую (пятая по величине в мире^{59,60}) разветвленную дипломатическую сеть и уровень цифровой дипломатии. В 2023 г. Турция заняла четвертое место среди государств G-20 по индексу цифровой дипломатии, значительно опередив Великобританию, Россию, Германию и других тяжеловесов мировой политики⁶¹. Так или иначе, Турция в настоящее время входит в топ-5 по показателям активности соответствующих ведомств и структур (главы государства, министерства и министров иностранных дел, посольств и т.п.). Такая активность на внешнем контуре не может не приносить свои плоды.

Существенным дополнением комплексного подхода к формированию и реализации стратегии влияния являются высокие темпы освоения образовательного пространства Западных Балкан, а также поддержка существующих и учреждение новых религиозных и светских учебных заведений. Эта работа ведется с 1990-х годов, и к настоящему моменту сетью прямо или косвенно относящихся к Турции образовательных организаций охвачен весь регион. Там, где по численности преобладают мусульмане, республика играет важнейшую роль в системе религиозного образования.

Восстановление и строительство мечетей и исламской инфраструктуры вообще – важная сфера вложений Анкары. Показательно, что вхождение Турции в уже реализуемые проекты и предложение ею новых инициатив религиозной направленности воспринималось в ЕС и в целом на Западе гораздо спокойнее, чем вовлечение в подобного рода программы Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и Кувейта. Несмотря на наличие таких исламских авторитетов, обладающих к тому же огромными финансовыми возможностями, Турции удается (по крайней мере, пока) «сохра-

⁵⁹ Turkey boasts no. 5 diplomatic network in the world // Anadolu Ajansi. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/infographics/turkey-boasts-no-5-diplomatic-network-in-the-world/1058710> (дата обращения: 29.09.2023).

⁶⁰ 2021 country ranking // Global Diplomacy Index. – URL: https://globaldiplomacyindex.lowyinstitute.org/country_rank.html (дата обращения: 29.09.2023).

⁶¹ Evolution of digital diplomacy index // Digital Diplomacy Index. – URL: <https://digital-diplomacy-index.com/index/> (дата обращения: 29.09.2023).

нять за собой право выступать в качестве “защитницы” мусульман на Западных Балканах⁶².

Таким образом, не экономика (по этому параметру Турция не может конкурировать с ЕС, Китаем и даже Россией), а комплекс мер социально-гуманитарной направленности, что чаще всего определяют как механизмы и инструменты «мягкой силы», являются главными точками опоры турецкого влияния на Балканах и закрепляют за Анкарой особое место среди влиятельных региональных игроков.

* * *

Отдавая должное постоянству политической воли, настойчивости разносторонних усилий и, как следствие, закономерным успехам Турции в продвижении своих интересов на Западных Балканах на данном этапе, не следует обходить вниманием ряд объективных ограничителей движения в глубь региона. Наиболее очевидные лежат в экономической плоскости. Выстраивание сети эффективных контактов, создание благоприятных условий для сотрудничества (в смысле отмены или снижения тарифов и пошлин), мощное инвестирование и т.п., несомненно, показывают отчетливо выраженный в показателях рост. Причем, рост не только в плане количества и качества экономического взаимодействия сторон, но и рост политических дивидендов для их представителей.

Однако ничто из перечисленного не может изменить главного – западнобалканский рынок пока не привлекателен для турецкого бизнеса в искомом и воображаемом во внешнеполитическом дискурсе Анкарой объеме. Несмотря на все обходные заявления об «особой роли, экономическом и торговом исключительном значении», Турция торгует больше с ЕС, Китаем и РФ, а Западные Балканы – с ЕС, который удерживает абсолютное лидерство в данной сфере. Поэтому за рамками внешнеполитической риторики, «предназначенной, главным образом, для внутрен-

⁶² Vračić A. Turkey’s Role in the Western Balkans // SWP Research Paper. – 2016. – P. 6. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2016RP11_vcc.pdf (дата обращения: 27.09.2023).

него потребления»⁶³, существует реальность настоящей турецкой «мощи», основанной не на экономическом фундаменте, а личных связях с балканскими лидерами и разветвленной социально-гуманистической сетью. Но даже по этим параметрам слова не всегда подтверждаются фактами. При всей широте используемого Турцией инструментария «мягкой силы», ее потенциал не сравним с возможностями, имеющимися в этой сфере у Брюсселя и отдельных стран – членов ЕС. Более того, все чаще слышны оценки, нивелирующие турецкие достижения на Западных Балканах: «урок, который Турция извлекла из двадцати лет интенсивного взаимодействия, заключается в том, что “мягкая сила” имеет свои пределы»⁶⁴.

Эта категоричность затрагивает и традиционные в контексте турецкого влияния сферы – такие как защита и покровительство мусульманских общин. С одной стороны, поддержка особых отношений с ними в преимущественно мусульманских районах БиГ, Косово, Албании, Македонии и сербском Санджаке повлекла за собой ослабление турецкого влияния на немусульманские общины этих земель. С другой стороны, сближение Турции с православной Сербией не прошло бесследно для лояльности по отношению к «заступнице мусульман» со стороны местных религиозных меньшинств. В итоге Анкара не сумела убедить общественность Западных Балкан ни в своем универсальном подходе к региону, ни в своей беспристрастности. А не раз уже подвергавшаяся справедливой критике «небрежная риторика турецкой публичной дипломатии» часто усугубляет и без того серьезные разногласия между различными этноконфессиональными группами на местах.

И все же анализ политики Анкары в направлении Западных Балкан дает основания говорить о «мягкой силе» как основном подходе в продвижении турецких интересов в регионе. В рамках выбранной стратегии доминирующим представляется фокус на

⁶³ Aydintasbaş A. From myth to reality: How to understand Turkey's role in the Western Balkans // Policy Brief. – 2019. – P. 19. – URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans.pdf (дата обращения: 27.09.2023).

⁶⁴ Güzeldere E.E. Turkey's Soft Power in the Balkans Reaching its Limits // ELIAMEP. Hellenic Foundation for European and Foreign Policy. – 01.07.2021. – URL: <https://www.eliamep.gr/en/publication/τα-όρια-της-ήπιας-ισχύος-της-τουρκίας-σ/> (дата обращения: 27.09.2023).

экономическом взаимодействии и установлении доверительных (прежде всего, личных и часто в ущерб институциональным) отношений. В экономической плоскости внимание по-прежнему уделяется наращиванию частоты и качества контактов между странами, в том числе на самом высоком уровне; торговле и инвестированию⁶⁵.

В заключение следует отметить, что при всех ограничениях, которые имеют объективный характер, год 100-летия республики Турция встречает как страна, прочно закрепившаяся в зоне своего социокультурного и политического влияния. Процесс рождения обновленной балканской «владычицы» не может не рождать исторических аллюзий, но сами по себе они не могут его остановить. Сохранение своих позиций в регионе требует от России более активных действий, которые желательно предварить тщательным изучением внешнеполитического опыта Анкары.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Турецкая Республика накануне своего столетия // Свободная мысль. – 2023. – № 1. – С. 111–115.
2. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 291–302. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>.
3. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная мысль. – 2020. – № 2. – С. 115–128. – URL: <http://www.svom.info/entry/1022-politicheskij-kurs-sovremennoj-turcii-glavnye-osob/> (дата обращения: 20.09.2023).
4. Андреев В. Стратегия Турецкой Республики на Западных Балканах // РСМД. – 05.03.2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/strategiya-turetskoy-respublikи-na-zapadnykh-balkanakh/?ysclid=lckt8h2qda944958590> (дата обращения: 25.09.2023).
5. Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Турция на Западных Балканах сегодня: цифры и оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 8. – С. 113–123. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-110-120.

⁶⁵ Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Турция на Западных Балканах сегодня: цифры и оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 8. – С. 120. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-110-120.

6. Бахревский Е. Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство // Regnum. – 16.11.2011. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1467970.html> (дата обращения: 24.09.2023).
7. Давутоглу А. Справка ТАСС. – URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/davutoglu-ahmet> (дата обращения: 20.09.2023).
8. Исламов Д. «Хочу быть владычицей морской»: Турция как потенциальный посредник на Западных Балканах // РСМД. – 22.09.2022. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/khochu-byt-vlady-chitsey-morskoy-turtsiya-kak-potentsialnyy-posrednik-na-zapadnykh-balkanakh/?phrase_id=95126859&ysclid=lckszv4ke3444890425 (дата обращения: 16.09.2023).
9. Какую роль в мировых делах играет Анкара, и хорошо ли это у нее получается // Профиль. – 31.10.2022. – URL: <https://profile.ru/politics/kakuju-rol-v-mirovyh-delah-igraet-ankara-i-udaetsya-li-ej-eto-1188147/> (дата обращения: 20.09.2023).
10. Калоева Е.Б. Балканы между Западом и Россией: Взгляд сквозь призму общественного мнения // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 3. – С. 83–113.
11. Карпов А., Дуюн В. «Не делаем ничего тайно»: Сербия ответила на претензии по поводу войск на границе с Косово // RT на русском. – 03.10.2023. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/1211299-serbiya-kosovo-armiya?ysclid=ln9zsarlto255366655> (дата обращения: 03.10.2023).
12. Кривошеев К. Вежливый отказ: чем закончились переговоры Путина и Эрдогана в Сочи // Forbes. – 05.09.2023. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/495899-vezlivyyj-otkaz-cem-zakoncilis-peregovory-putina-i-erdogana-v-soci?ysclid=lmd3ytm9nu535602821> (дата обращения: 18.09.2023).
13. Лобанов К.Н., Шахов В.В. Западные Балканы как объект геополитического анализа современной ситуации в регионе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 56–67. – DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-56-67.
14. Мамедов И.М. Доктрина «стратегической глубины» А. Давутоглу и Балканы // Славянский альманах. – 2021. – № 3–4. – С. 126–147.
15. Мамедов Р. Турецкий поворот: снова на пути к «нулю проблем с соседями»? // РСМД. – 21.07.2016. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskiy-povorot-snova-na-puti-k-nulyu-problem-s-sosedyami/> (дата обращения: 27.09.2023).

16. Мартынов А. Косово је Србија // RT на русском. – 26.09.2023. – URL: <https://russian.rt.com/opinion/1208721-martynov-situaciya-serbiya-kosovo?ysclid=lnlulecd6680864226> (дата обращения: 27.09.2023).
17. Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2 (47). – С. 32–39.
18. Мигранян А.М. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. – 1989. – № 7. – С. 166–184.
19. Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (пер. с англ.). 10 июня 1999 г. // Современная Европа. – 2000. – № 3. – С. 112–123.
20. Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Активизация Анкары на Западных Балканах: подходы, инструменты, составляющие // Полития: анализ, хроника, прогноз. – 2023. – № 2. – С. 130–150. – DOI: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-130-150.
21. Президент Сербии исключил возможность признания независимости Косово // RT на Балканах. – 24.09.2023. – URL: https://t.me/rtbalkan_ru/2497 (дата обращения: 27.09.2023).
22. Свищунова И.А. Балканская политика Турции: роль этноконфессиональных меньшинств // Современная Европа. – 2020. – № 4. – С. 61–71. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveugpore420206171>.
23. Сотрудничество в Юго-Восточной Европе // Per Concordiam. Journal of European Security and Defense Issues. – 30.05.2015. – URL: <https://perconcordiam.com/cooperation-in-southeast-europe-2/> (дата обращения: 27.09.2023).
24. Унал Х. Турецкий век на фоне многополярности? // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – С. 213–218. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-213-218.
25. Шестаков Е. Россия отстояла свои интересы в итоговой декларации саммита G20 // Российская газета. – 11.09.2023. – URL: <https://tg.ru/2023/09/09/sergej-lavrov-otstoial-interesyi-rossii-v-itogovoj-deklaracii-sammita-g20-v-deli.html?ysclid=lmd4bwspuz911895060> (дата обращения: 19.09.2023).
26. Экен Э. Может ли Турция стать газовым хабом? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 9. – С. 55–63.
27. Энтина Е.Г. Незападные Балканы. – М.: Галактика, «Зебра Е», 2022. – 656 с.
28. 2023 год станет решающим с точки зрения будущего Турецкой Республики. Интервью с В.А. Аваковым // Международная жизнь. – 07.01.2023. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38498> (дата обращения: 20.09.2023).
29. Aреžna S. Turkish Foreign Policy Towards Balkans and Serbia Under Davutoğlu Administration // Marmara University Journal of Political Science. – 2018. – Vol. 6, N 2. – P. 203–216. – DOI: 10.14782/ipsus.460138.

30. Aydintaşbaş A. From myth to reality: How to understand Turkey's role in the Western Balkans // Policy Brief. – 2019. – P. 3. – URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/from_myth_to_reality_how_to_understand_turkeys_role_in_the_western_balkans.pdf (дата обращения: 27.09.2023).
31. Bechev D. Turkey in the Balkans: Taking a Broader View // Insight Turkey. – 2012. – Vol. 14, N 1. – P. 131–136. – URL: https://www.academia.edu/9971789/Turkey_in_the_Balkans_Taking_a_Broader_View (дата обращения: 27.09.2023).
32. Buyuk H.F., Clapp A., Haxhaj S. Diaspora Politics: Turkey's New Balkan Ambassadors // BalkanInsight. – 19.03.2019. – URL: <https://balkaninsight.com/2019/03/19/diaspora-politics-turkeys-new-balkan-ambassadors/> (дата обращения: 27.09.2023).
33. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. Küre Yayıncılı, 2001. – 584 p.
34. Davutoğlu A. Zero Problems in a New Era // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – 11.03.2013. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/zero-problems-in-a-new-era.en.mfa> (дата обращения: 23.09.2023).
35. Dorsey J.M. In Turkey, zero problems with neighbors mean multiple problems // Modern Diplomacy. – 08.09.2022. – URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/09/08/in-turkey-zero-problems-with-neighbours-mean-multiple-problems/> (дата обращения: 27.09.2023).
36. Ekinci M.U. A Golden Age of Relations: Turkey and the Western Balkans During the AK Party Period // Insight Turkey. – 2014. – Vol. 16, N 3. – P. 103–125.
37. Güzeldere E.E. Turkey's Soft Power in the Balkans Reaching its Limits // ELIAMEP. Hellenic Foundation for European and Foreign Policy. – 01.07.2021. – URL: <https://www.eliamep.gr/en/publication/τα-όρια-της-ήπιας-ισχύος-της-τουρκίας-σ/> (дата обращения: 27.09.2023).
38. İçduygu A., Sert D. The Changing Waves of Migration from the Balkans to Turkey: A Historical Account // Vermeulen H., Baldwin-Edwards M. and R. van Boeschoten (eds.). Migration in the Southern Balkans. From Ottoman Territory to Globalized Nation States. – Springer Open, 2015. – P. 85–104. – DOI: [10.1007/978-3-319-13719-3_5](https://doi.org/10.1007/978-3-319-13719-3_5).
39. Koç Z.E., Önsoy M. An Evaluation of Turkey's Western Balkans Policy under the AKP and Prospects for the Post-Davutoğlu Era» // SUTAD. – 2018. – N 43. – P. 355–367.
40. Rašidagić E.K., Hesova Z. Development of Turkish Foreign Policy Towards the Western Balkans with Focus on Bosnia and Herzegovina // Croatian International Relations Review. – 2020. – Vol. XXVI, N 86. – P. 96–129. – DOI: <https://doi.org/10.37173/cirr.26.86.4>.

41. Relations with the Balkan Region // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-with-the-balkan-region.en.mfa> (дата обращения: 23.09.2023).
42. Rustemi A., de Wijk R., Dunlop C., Perovska J., Palushi L. Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans. – Hague: Hague Centre for Strategic Studies. – 2019. – URL: https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf (дата обращения: 27.09.2023).
43. Shehu R. Next generation Turkey and its foreign policy in the Western Balkans // Eastern Focus Quarterly. – 2021, March. – URL: <https://www.eastern-focus.eu/2021/03/next-generation-turkey-and-its-foreign-policy-in-the-western-balkans/> (дата обращения: 23.09.2023).
44. South East European Countries Cooperation Process (SEECP) // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: https://www.mfa.gov.tr/south-east-european-countries-cooperation-process_seecp_en.mfa (дата обращения: 27.09.2023).
45. Türkiye’s Relations with the Regional Cooperation Council // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: https://www.mfa.gov.tr/the-regional-cooperation-council_rcc_en.mfa (дата обращения: 23.09.2023).
46. Vračić A. Turkey’s Role in the Western Balkans // SWP Research Paper. – 2016. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2016RP11_vcc.pdf (дата обращения: 27.09.2023).
47. What is ‘malign’ about external influence in the Western Balkans? Unpacking the role of non-Western powers // Online debates led by the Prague Security Studies Institute. – 2021. – URL: <https://wbc-rti.info/object/event/21421> (дата обращения: 23.09.2023).
48. Zalewsky P. How Turkey Went From ‘Zero Problems’ to Zero Friends // Foreign Policy. – 22.08.2013. – URL: <https://foreignpolicy.com/2013/08/22/how-turkey-went-from-zero-problems-to-zero-friends/> (дата обращения: 27.09.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.03

УДК 327+94

СТОЛЕТИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАДИГМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ И БАЗОВЫЕ СЮЖЕТЫ

ЦИБЕНКО Вероника Витальевна

доктор исторических наук, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета.

E-mail: tsibenkova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-5755-1231

Для цитирования: Цибенко В.В. Столетие формирования парадигмы исторического сознания в Турецкой Республике: основные акторы и базовые сюжеты // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4(4). – С. 42–63. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.03.

Аннотация. Исследование представляет анализ исторической политики и этногенетических мифов в Турецкой Республике как основы для формирования парадигмы исторического сознания. В первой части рассматриваются основные акторы – национальный лидер, государственные и негосударственные организации, выполняющие заказ по формированию исторического сознания (Турецкое историческое общество, Турецкие очаги, Народные дома). Во второй части представлен анализ базовых сюжетов, представляющих основные стратегии исторической политики в Турции и формирующих каркас парадигмы исторического сознания от создания республики до настоящего времени. К ним отнесены: Война за независимость, исход из Эргенекона, завоевание Стамбула и концепция 16 великих турецких государств. В результате проведенного анализа были выделены инструменты и типы акторов исторической политики. Сделан вывод, что Государственные элиты в Турецкой Республике на протяжении столетия последовательно занимаются формированием исторического сознания. За сто прошедших лет в Турецкой Республике была сформирована композитная, многосоставная парадигма исторического сознания, которая включает как взаимодополняющие, так и взаимоисключающие элементы. Это позволяет выстраивать более гибкую политику и задает вариативность развития, одновременно порождая

высокую конфликтность исторических трактовок и перспективных образов будущего. Эти образы будущего в их идеальном типе можно условно определить как кемалистский, реваншистский, пантюркистский и поступательно национализирующий. В перспективе наиболее вероятно сочетание типов в разной пропорции в зависимости от текущей политической конъюнктуры и общественного запроса.

Ключевые слова: Турция, историческая политика, историческое сознание, война за независимость в Турции, Мустафа Кемаль Ататюрк, Эргенекон, падение Константинополя, 16 великих турецких государств.

Hundred Years' Formation of Historical Consciousness Paradigm in the Republic of Turkey: Main Actors and Basic Narratives

Veronika V. TSIBENKO

DSc in History, Director of the Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities of the Southern Federal University.

E-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-5755-1231

For citation: Tsibenko V.V. (2023). Hundred Years' Formation of Historical Consciousness Paradigm in the Republic of Turkey: Main Actors and Basic Narratives. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (4), pp. 42–63. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.03.

Abstract. The study presents an analysis of the historical politics and ethnogenetic myths in the Republic of Turkey, which served as the foundation for the development of a paradigm of historical consciousness. The first section examines the key actors involved in shaping historical consciousness, including the national leader, state and non-state organisations such as the Turkish Historical Society, Turkish Hearths, and People's Houses. The second section analyses the fundamental narratives that represent the main strategies of historical policy in Turkey, creating the framework for the paradigm of historical consciousness from the establishment of the republic to the present day. These narratives encompass events such as the War of Independence, the exodus from Ergenekon, the conquest of Istanbul, and the concept of the 16 great Turkish states. Through this analysis, the study identifies the tools and actors involved in historical politics. It concludes that the state elites in the Republic of Turkey have been consistently engaged in the formation of historical consciousness over the past century. As a result, a complex paradigm of historical consciousness has emerged, consisting of both complementary and conflicting elements. This allows to adopt more flexible approach to policy-making and allows to set the variability of development, at the same

time generating a high conflict of interpretations of history and visions of the future. These visions of the future can be categorised as Kemalist, Revanchist, Pan-Turkist, and Progressively Nationalizing, although a combination of these types in varying proportions is likely in the future, depending on the political climate and public demand.

Keywords: Turkey, historical policy, historical consciousness, Mustafa Kemal Atatürk, Turkish War of Independence, Ergenekon, Fall of Constantinople, 16 Great Turkish States.

Переход от имперской к республиканской форме государственности предполагает кардинальную трансформацию общественного сознания, в том числе в части осмыслиения собственной истории. Принятая на государственном уровне парадигма исторического сознания определяет не только то, как общество видит свое прошлое, но и то, каким оно хочет видеть свое будущее, что, соответственно, влияет на пути государственного развития.

Официальной точкой отсчета истории Турецкой Республики считается ее провозглашение Великим национальным собранием Турции 29 октября 1923 г., что позволяет сегодня подвести итог столетию формирования исторического сознания, проследить основные этапы развития его парадигмы и скорректировать прогнозы в отношении дальнейших перспектив.

Целью данного исследования выступает изучение парадигмы исторического сознания, ее основных особенностей и результатов формирования. Поскольку такая парадигма формируется в первую очередь на государственном уровне, главной задачей становится изучение государственной исторической политики – ее акторов и содержания. Для качественного анализа содержания исторической политики необходимо отобрать сюжеты, которые носят характер этногенетических мифов, т.е. формируют историческое сознание в части общего происхождения членов общества.

Исследование организовано в двухчастном формате. В первой части рассматриваются основные акторы – национальный лидер, государственные и негосударственные организации, выполняющие заказ по формированию исторического сознания. Во второй части представлен анализ базовых сюжетов, отобранных на основании их релевантности для обозначенной цели исследования, представляющих основные стратегии исторической политики в

Турции и формирующих каркас парадигмы исторического сознания от создания республики до настоящего времени.

Акторы исторической политики Турецкой Республики

Среди акторов исторической политики в национальном государстве наиболее ярко выделяется национальный лидер, который, как правило, также выступает в роли главы государства. Обратная корреляция не верна – большинство глав государств не обладают достаточной харизмой и «заслугами перед нацией», чтобы приобрести статус национального лидера.

Мустафа Кемаль (1880/1881–1938), получивший за свои выдающиеся военные заслуги почетные титулы «паша» (1916) и «гази» (1921), а с 1934 г. – фамилию Ататюрк (досл. «отец турок»), является признанным национальным лидером Турецкой Республики. Добившись победы в Войне за независимость (1919–1923), Мустафа Кемаль получил возможность единолично принимать важнейшие решения, такие как образование Турецкой Республики в 1923 г., и проводить масштабные реформы, которые в турецкой историографии получили название «революций Ататюрка» и превратили Турцию в вестернизированное национальное государство.

С 1920 г. Мустафа Кемаль возглавил Великое национальное собрание Турции, с 1923 г. до своей смерти в 1938 г. был избранным президентом. Кроме того, Мустафа Кемаль – основатель и несменяемый председатель Народно-республиканской партии (НРП), которая при однопартийной системе находилась у власти до 1946 г. Все это вместе превращает Ататюрка в фигуру, аналогов которой не было в истории Турецкой Республики.

Мустафа Кемаль как главный актор исторической политики в Турецкой Республике уделял ей особое внимание. Он открыто заявлял: «Писать историю так же важно, как делать ее»¹. Кемаль лично прикладывал усилия, чтобы остаться в истории. В частности, заказал и редактировал посвященную самому себе пьесу «Господин Предводитель» 1932 г., а через два года – одноименную

¹ Чамбел Х. Дж. Ататюрк и история. Çambel H.C. Atatürk ve Tarih // Т.Т.К. Belleten. – 1939. – S. 3, 10. – S. 272. – Турец. яз.

оперу; инициировал и контролировал возведение самому себе памятников, для чего приглашал известных зарубежных скульпторов.

После него турецкие президенты в разной степени обращались к авторитету Ататюрка, чтобы подкрепить свою власть, но никто из них не смог игнорировать оставленное им наследие, включая основные сюжеты кемалистской исторической политики. Наиболее успешным политическим лидером после Ататюрка в части формирования исторического сознания следует признать премьер-министра (2003–2014) и президента (2014 – н.в.) Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. Однако направленность его исторической политики в корне иная – не модернизационная и вестернизационная, а консервативная, религиозная, приверженная преемственности и обращенная к прошлому как к «золотому веку».

Следующим актором государственной исторической политики на первом этапе ее становления оказались Турецкие очаги (*Türk Ocakları*) – структура, появившаяся еще в Османской империи в 1912 г. и просуществовавшая до настоящего времени. Хотя уже в уставе организации² отмечалось, что она не занимается политической деятельностью, де facto Турецкие очаги сразу после создания стали центром разработки пантюркистской идеологии и пропаганды.

После установления кемалистской власти очаги были использованы для проведения политики национализации (туркизации) и все более теряли свою самостоятельность, превращаясь в инструмент новой национальной идеологии Мустафы Кемаля – кемализма. Уже в 1927–1928 гг. Турецкие очаги перешли под полный контроль правящей партии и потеряли возможность самостоятельно формировать руководящий совет, а в 1931 г. были распущены по решению Кемаля. Все имущество Турецких очагов было передано НРП. На момент закрытия у Турецких очагов имелось 266 отделений – с 1923 г. количество отделений в Турции возросло в 7 раз³.

² Туная Т.З. Политические партии в Турции. Второй конституционный период 1908–1918. Tunaya T.Z. Türkiye'de Siyasal Partiler. С.И. İkinci Meşrutiyet Dönemi 1908–1918. – İstanbul: Hürriyet Vakfı Yayınları, 1988. – S. 439–441. – Турец. яз.

³ Туна Э. Турецкие очаги Западной Анатолии 1923–1931. Tuna E. Batı Anadolu Türk Ocakları 1923–1931. – Aydin: Adnan Menderes Üniversitesi, 2015. – 170 s. – Турец. яз.

Кризис организации происходил на фоне начавшейся конкуренции между НРП и Турецкими очагами, когда хорошо структурированная и организованная в сеть филиалов по всей стране сила начала вытеснять в отдельных регионах партию с политической аренды или замещать ее кадры своими. Поддержка «очагами» ново созданной в 1930 г. Либерально-республиканской партии (*Serbest Cumhuriyet Firkası*) стала последней ошибкой руководства.

Хотя Турецкие очаги были возрождены сразу при переходе к многопартийности в 1949 г., они уже не имели определяющего влияния на выработку государственной исторической политики. С 1990-х годов из-за вновь проявившегося интереса к тюркской теме у государственных элит в Турции, ввиду падения «железного занавеса», распада СССР и появления новых независимых «турецких» республик, возникла потребность в новых акторах исторической политики на данном направлении.

В частности, в 1993 г. министрами культуры Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и Турции был подписан документ об образовании ТЮРКСОЙ – Международной организации тюркской культуры (*Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı, TÜRKSOY*) со штаб-квартирой в Анкаре⁴. Основное направление деятельности ТЮРКСОЙ – развитие культурных связей и сотрудничества между тюркскими народами, сохранение и развитие материальных и культурных памятников. В этих рамках организация проводит такие мероприятия, как Форум историков Тюркского Мира, на котором обсуждаются вопросы сотрудничества и перспективных проектов, выработка общих подходов и методов, подготовка единого учебника по истории Тюркского Мира.

Еще одна такая организация – Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA*) – основной инструмент гуманитарной политики Турции. Она была создана в 1992 г. при Министерстве иностранных дел решением Совета министров с целью оказания помощи соседним государствам, в первую очередь тюркоязычным. В 1999 г. решением президента переподчинена премьер-министру, а с 2018 г. переведена в структуру Министерства культуры и туризма.

⁴ В качестве наблюдателей в этой организации присутствуют Гагаузия, Северный Кипр, Татарстан и Башкортостан, а до 2015 г. также Республика Алтай, Тыва, Хакасия, Якутия.

Деятельность агентства, реализуемая более чем в 150 государствах, нацелена в первую очередь на развитие культурного и образовательного сотрудничества и сохранение культурного наследия тюркских государств и общин. Для этого, в частности, реализуются такие проекты, как восстановление и реставрация объектов культурно-исторического значения, связанного с тюркским наследием, подготовка документальных фильмов, издание книг. Например, на 2023 г. запланировано 52 мероприятия, направленных на сохранение общей истории и культурных ценностей в «Тюркском мире»⁵.

Следующим актором, по настоящее время сохранившим свое ведущее влияние как центр выработки и реализации государственной исторической политики, является Турецкое историческое общество (*Türk Tarih Kurumu, TTK*) – государственная организация, созданная по инициативе Мустафы Кемаля при Турецких очагах в 1930 г. в качестве Комитета по изучению турецкой истории, а после их закрытия получившая независимый статус.

Организация задумывалась Ататюрком для выработки идеологически выверенной концепции о древности и важной роли турецкой нации в истории развития мировой цивилизации, которая должна была стать альтернативой европейским историческим взглядам, обосновывающим «второсортность» и «варварский характер» турок, и стала основным проводником государственной исторической политики, что сохраняется и по настоящее время.

В 1932 г. по директиве Ататюрка общество провело Первый турецкий исторический конгресс, в 2022 г. прошел уже 19-й по счету. В 1994 г. общество также организовало Конгресс исследований истории Тюркского Мира. За время существования общество успело организовать и поддерживать сотни мероприятий и археологических раскопок в Турции и за рубежом, создать собственный архив и библиотеку, издать многочисленные книги и журналы.

Согласно завещанию Ататюрка, Турецкое историческое общество получает дивиденды от вкладов Мустафы Кемаля в Дело-

⁵ Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Программа работы на 2023 г. *Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. 2023 Yılı Performans Programı.* – 55 с. – Турец. яз. – URL: https://www.tika.gov.tr/upload/old/2023/2023%20Y%C4%B1%C4%B1%20Performans%20Raporu_web.pdf (дата обращения: 15.07.2023).

вом банке (*İş Bankası*). Доходы Турецкого исторического общества также формируются за счет государственного бюджета, взносов и пожертвований, собственных доходов. Начиная с Ататюрка, все президенты Турецкой Республики выступают попечителями общества. Согласно изменениям в законодательстве Турецкой Республики от 1940 г., общество перешло под прямой контроль президента Турции Исмета Инёню, а его почетным председателем стал министр образования. С 1982 г. Турецкое историческое общество функционирует в рамках Высшего совета культуры, языка и истории им. Ататюрка (статья 134 Конституции Турецкой Республики). Высший совет управляет рукводящим советом в составе трех членов, назначаемых президентом Турции, одним членом, назначаемым профильным министром, и руководителями входящих в совет структур.

В помощь Турецкому историческому обществу в 1931 г. в Турции при НРП была создана сеть Народных домов, призванных заменить закрытые Турецкие очаги. Дома создавались по образцу советских домов культуры, однако официально в пример приводились национальные культурные центры Венгрии, Чехословакии, фашистской Италии, Германии, Англии⁶.

В феврале 1932 г. Народные дома открылись в 14 областях Турции в зданиях, изъятых у Турецких очагов. В их составе функционировали отделения языка, литературы и истории, которые изучали и поддерживали локальную историю, вписывая ее в общую историческую парадигму, заданную кемализмом. Основной целью Народных домов было донесение идеологии кемализма, культурное, социальное и политическое просвещение, повышение грамотности. В руководстве Народных домов для секции языка, литературы и истории указывалось, что она должна проводить лекции и разъяснительные беседы, на которых – укоренять принципы революции и республики, возвышать чувства гражданской ответственности и патриотизма⁷.

Через три года после открытия первых Народных домов их было уже более сотни с почти 55 тысячами членов, а стремитель-

⁶ Устав Народных домов НРП. С.Н.Ф. Halkevleri Talimatnamesi. – Ankara: Haki-miyetli Milliye Matbaası, 1932. – S. 4. – Турец. яз.

⁷ Ibid. S. 10.

ное распространение в следующие пять лет привело к появлению к 1940 г. 379 домов с почти 150 тысячами членов. К этому времени стали появляться и Народные комнаты, упрощенная версия домов для малых поселений. Число таких комнат к 1951 г. достигло уже цифры 4322 в сравнении с 478 домами.

После введения в Турции многопартийности началась критика институциональной связи народных домов с НРП; предлагалось отделить дома от партии, что не было сделано. В итоге с приходом к власти на выборах 1950 г. Демократической партии, согласно закону № 5830 от 11 августа 1951 г., все Народные дома были закрыты, а их имущество передано в государственную казну. Хотя с 1960-х годов дома были снова официально зарегистрированы, они представляли собой уже совершенно иную оппозиционную структуру левой направленности и потеряли свою роль низшего звена разработки парадигмы исторического сознания.

Таким образом, из четырех рассмотренных акторов только два – национальный лидер и Турецкое историческое общество – в настоящее время продолжают формировать историческое сознание в Турецкой Республике. Турецкие очаги, хотя и сохраняют активность, фактически передали свои функции новым государственным структурам и фондам, а Народные дома полностью изменили свою идеиную направленность и из государственной структуры превратились в оппозиционную.

Сюжеты исторической политики Турецкой Республики Война за независимость

В 1927 г. Мустафа Кемаль на съезде НРП прочитал эпохальную речь длинною в шесть дней и 36,5 часов⁸, которую он сам назвал обращением к турецкой нации и молодежи, своей «обязанностью перед историей Турецкой Республики»⁹. Речь сформировала идеиный каркас государства и заложила основные направления историографии Турецкой Республики. Она до сих пор оценивается

⁸Гази Мустафа Кемаль. Речь. Gazi Mustafa Kemal. Nutuk. – Ankara: Kaynak Yayinlari, 2015. – 735 с. – Турец. яз.

⁹Эраслан Дж. Речь. Eraslan C. Nutuk // Islam Ansiklopedisi. – 2007. – S. 276. – Турец. яз.

как главный политический текст современной Турции и считается предопределившей будущее государства¹⁰.

Уже в 1928 г. речь Мустафы Кемаля была издана в Анкаре немыслимо большим на те времена тиражом в 100 тысяч экземпляров. Эта цифра представляется огромной с учетом того, что на общее количество населения Турецкой Республики того времени в 13,6 миллиона человек только около 700 тысяч были грамотны. Кроме того, Министерство просвещения сразу же приняло решение зачитать в школах обращение Мустафы Кемаля к молодежи, произнесенное им в завершение речи, и повесить его текст в каждом классе¹¹.

Речь как основной национальный нарратив стала главным обоснованием турецкого (кемалистского) национального этногенетического мифа. Этот миф строился вокруг Мустафы Кемаля как главного действующего лица, лидера нации, ведущего ее через освободительную войну к поставленной им и известной только ему цели – созданию национального государства. Важнейшим термином Нутук стала «полная независимость» (*İstiklâl-i Tamme*), которая подразумевала не только восстановление политического суверенитета оккупированной страны, но и социальную, культурную независимость как от стран Запада, так и Востока. Эта независимость ставилась в жесткой дилемме «Независимость или смерть» (*Ya istiklal, ya ölüm*), исключая третий вариант – обсуждавшийся в то время мандат США или Великобритании как средство спасения, который по сути означал колониальную зависимость.

Через свою речь Кемаль конструировал образ ниспровергаемого нацией султана как символа отсталости, предательства и многовековой эксплуатации турецкой нации. Османская династия и халифат стали символизировать рабство, против которого выступал Мустафа Кемаль, отстаивая классическую идею нации как единения равных. Он мастерски выстраивал образ нации, демонст-

¹⁰ Коркмаз З. Об истории и актуальном значении произведения под названием Великая речь Мустафы Кемаля Ататюрка. Korkmaz Z. Mustafa Kemal Atatürk'ün Büyük Nutuk Adlı Eserinin Tarihi ve Güncel Değeri Üzerine // Türk Dili. – Ağustos 2007. – XCIV, Sy. 668. – S. 321–331. – Турец. яз.

¹¹ Malkoç E. The 1927 Republican People's Party Congress and Mustafa Kemal's Great Speech From the Perspective of İkdam Newspaper // International Review of Turkology. – 2008. – Vol. I, N 2. – P. 49.

рируя, что нация не создается прямо сейчас: она, имеющая многовековую историю, сейчас лишь просыпается, что полностью соответствует классическому пониманию нации в национальных проектах. Национальная форма государства преподносилась в речи как единственная возможная, а отмена султаната и халифата – как единственный путь к современному цивилизованному существованию турецкой нации.

Мустафа Кемаль занимался конструированием памяти в Турции и до, и после прочтения своей исторической речи, однако именно она канонизировала его, превратив в сакральную фигуру турецкого национализма. Речь стала восприниматься как сакральный текст турецкой нации, положения которого не подвергаются сомнению, а историческая память допускается только в тех рамках, которые этот текст задает. Мустафа Кемаль успешно работал с коллективной памятью и использовал историческую политику как инструмент по выработке национальной идентичности и борьбе с политическими конкурентами. В итоге Ататюрк обеспечил себе уникальное место в истории Турции, мобилизовав бывших подданных Османской империи на национализацию и государственное строительство Турецкой Республики и создав устойчивую парадигму исторического сознания.

Исход из Эргенекона

Благодаря Турецким очагам, игравшим ключевую роль в становлении исторического сознания, в транзитный период перехода от Османской империи к Турецкой Республике в Турции закрепилась и приобрела значение этногенетического мифа легенда об Эргенеконе (*Ergenekon destanı*), имеющая сложносоставное, композитное происхождение. Ее основой стало сохраненное через письменную традицию предание о раннемонгольской истории, а именно – уходе предков монголов, уцелевших после истребления тюркскими племенами, в благодатную местность Эргунэ-кун, где и сложилось монгольское этническое ядро¹².

¹² Зориктуев Б.Р. Тюркская версия происхождения предания об Эргунэ-куне: ошибки и заблуждения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 107–115.

На это предание, подвергшееся с течением времени тюркизации, наложились древнетюркские легенды, зафиксированные в китайских источниках VII в. Согласно этим источникам, после жестокого истребления соседним племенем остался только один тюркский мальчик с отрубленными руками и ногами, который был брошен умирать, однако найден и выкормлен волчицей. Уйдя в горную долину, волчица родила ему десять сыновей, от которых произошли все тюркские племена.

Развитием этой легенды стал сюжет об исходе из Эргенекона – через четыреста лет окруженная горами долина стала тесна для тюрок, и, чтобы выйти из нее, им пришлось огнем расплавлять железную гору, или содержащуюся в горах железную руду. Еще один вариант, который стал общепринятым в Турции, повествует о роли волчицы, указавшей потомкам мальчика место выхода из Эргенекона для раславки железной руды.

Особенностями турецкой версии стало нивелирование роли волчицы как прародительницы, от которой пошли тюркские племена. Чаще всего она лишь указывает дорогу сыну и племяннику хана, которые заменили мальчика из древнетюркской легенды. Причем за ней закрепилось имя одного из тюркских родов Ашина (*Aşina*) или Асена (*Asena*). Местом расположения Эргенекона был принят Алтай.

Также легенда об Эргенеконе получила новую символическую нагрузку – образ национального лидера (волка), выводящего турок из затруднений и спасающего от бедствий. Эргенеконом начали именовать часть Анатолии, которая не была под иностранной оккупацией в годы Войны за независимость. В частности, такую трактовку закреплял набор эссе о событиях Войны за независимость «Эргенекон» (1929) писателя Якуба Кадри Караосманоглу¹³.

Известно, что сам Мустафа Кемаль ассоциировал себя именно с этим зверем, их часто изображали вместе. Например, в 1935 г. по заказу Ататюрка художником Ратипом Тахиром Бураком была изготовлена серия из двух картин под общим названием «Дестан Эргенекона» (*Ergeñekon Destanı*). Первая представляла

¹³ Караосманоглу Й.К. Эргенекон (Статьи о Национальной борьбе). Karaosmanoğlu Y.K. Ergenekon (Millî Mücadele Yazılıları). – Ankara: Elif Matbaası, 1990. – 240 s. – Турецк. яз.

классический сюжет с исходом из Эргенекона, вторая – его современную трактовку, где Ататюрк вместо волчицы указывал молодому человеку, как олицетворению турецкой нации, путь к «светлому будущему».

Кроме того, при Кемале волк изображался на банкнотах, проектах герба и пр. По предложению Мустафы Кемаля волк был размещен на эмблеме Института туркологии (используется по настоящее время), открытого при Стамбульском университете для изучения турецкой культуры и цивилизации.

Постепенно волк, изначально популяризовавшийся силами Турецких очагов, все больше стал ассоциироваться с определенным политическим кругом сторонников идеи пантюркизма и турецкого расового национализма. В 1940-е годы он был использован как главный символ расистами-туранистами, принявшими название «последователей серого волка» и использовавшими лозунг «турецкая раса превыше всего»¹⁴. Постепенно образ стал захватывать и массовую культуру – литературу, кинематограф и пр.

В политической жизни символ волка и знак волка (*Bozkurt işaretü*) стали устойчиво ассоциировать с ультранационалистическим крылом, представленным в первую очередь созданной в 1969 г. Альпарсланом Тюркешем Партией националистического движения (ПНД). Молодежное боевое крыло этой партии «Серые волки» (*Bozkurtlar*) в 1970-е годы печально прославилось террором против левой молодежи.

В современной Турции знак волка и легенду об Эргенеконе активно используют в своей политической деятельности и другие партии, например, Хорошая партия, лидер которой – Мераль Акшнер – даже взяла себе псевдоним Асена. Кроме того, в националистической среде знак волка получил и исламскую трактовку, согласно которой указательный палец означает ислам, мизинец – турок, соединение большого, безымянного и среднего пальцев – печать, а образовавшийся между ними круг – мир. Все вместе это означает: Мы наложим на мир печать ислама и туркизма. Однако волчья символика негативно воспринимается исламистским крылом политического спектра как проявление языческих верований.

¹⁴ Тюрккан Р.О. Присяга последователей серой волчицы. Türkkan R.O. Bozkurtçunun Amentüsü // Bozkurt Dergisi. – 5 Mart 1942. – Sy. 1. – S. 6. – Турец. яз.

Завоевание Стамбула

Стамбул как город, потерявший свой столичный статус вместе с отменой султаната, стал прочно ассоциироваться в Турецкой Республике с османской и исламской историей и традицией. Еще в 1919 г., когда в Османской империи стало фактически формироваться два политических центра – в Стамбуле и в Анатолии (Малой Азии), Ататюрк заявил: «Теперь Стамбул больше на властвует над Анатолией, он должен подчиниться»¹⁵.

В первые годы республики Стамбул воспринимался еще и как основной центр оппозиции, поскольку в нем были сосредоточены бывшие османские политические и религиозные элиты, противостоявшие новым республиканским властям, а также сочувствующая им пресса. В итоге, если Анкара в общественных представлениях стала городом прогресса, то Стамбул – городом реакции.

Воспоминания об оккупации Стамбула после Первой мировой войны и сотрудничестве османских властей и этнорелигиозных меньшинств с оккупационными силами породили представление о городе поражения и предательства. Показательным стал отказ Ататюрка посещать Стамбул, начиная с самого начала Войны за независимость и вплоть до 1927 г., что превратило имперскую столицу еще и в «наказанный» город.

В этой связи при Ататюрке падение Константинополя, которое в турецкой традиции принято называть завоеванием Стамбула (*İstanbul'un zaptı/fethi*), отмечавшееся в Османской империи как национальный праздник начиная с 1910 г., перестало быть особым днем. Взамен с 1921 по 1935 г. в Турции в ноябре отмечался День суверенитета как память об отмене султаната.

Только после смерти национального лидера на государственном уровне было принято решение снова включить завоевание Стамбула в историческую политику, и началась подготовка к 500-летию завоевания, которое приходилось на 1953 г. Однако смена власти в стране в 1950 г. и высокая политическая конкуренция привели к тому, что бюджет на проведение был значительно

¹⁵ Гази Мустафа Кемаль. Речь. Gazi Mustafa Kemal. Nutuk. – Ankara: Kaynak Yayınları, 2015. – S. 52. – Турсц. яз.

сокращен, а президент и премьер-министр не приехали на празднование, которое включало реконструкцию исторических событий, памятные мероприятия у мечети и гробницы Мехмеда II (Завоевателя), праздничное шествие с янычарами и османским оркестром, во главе которого несли меч победоносного султана, фейерверки и молитву по павшим при осаде османским воинам.

С 1970-х годов исламистское движение во главе с лицом исламизма на ближайшие десятилетия Неджметтином Эрбаканом стало проводить собственные мероприятия в память о завоевании Стамбула, собирая стадионы последователей. Вехой в исторической политике на данном направлении стала победа Партии благо-действия (ПБ) Эрбакана на выборах в Стамбуле в 1994 г., а в 1995 г. – на парламентских выборах с последующим избранием Эрбакана премьер-министром в 1996 г. (с отставкой в следующем году под давлением военных).

При Эрбакане, уподоблявшем себя Мехмеду Завоевателю, празднования завоевания Стамбула стали политическим символом, отсылающим к противостоянию светских и религиозных групп и возвращению ислама в политику (так называемое повторное за-воевание Стамбула). Они получили массовый характер и стали площадкой для таких требований, как, например, возвращение бывшему собору, после падения Константинополя – мечети, а с 1934 г. – музею Святой Софии (Айя София) статуса мечети, что было реализовано в 2020 г. при действующих властях, продолжающих намеченную Эрбаканом историческую политику. Айя София стала символом исламской парадигмы исторического сознания в Турции, связанного с «золотым веком» – султанатом и халифатом как началом начал для турецкой нации.

Шестнадцать великих турецких государств

Одна из главных современных исторических концепций Турецкой Республики, разработанных на государственном уровне, – концепция 16 великих турецких государств. Согласно этой трактовке, республика стала преемницей шестнадцати государственных образований на широком географическом пространстве. Символическим выражением концепции стала официальная эмблема

президента Турции, использованная также и для президентского штандарта.

Эмблема представляет собой золотое солнце, олицетворение современной Турции, окруженнное 16 звездами, символизирующими «16 великих турецких империй», многовековое наследие и единство¹⁶. Штандарт был разработан по заказу Ататюрка главным художником морской типографии Хюсню Тенгюзом и использован впервые не позже 1922 г.¹⁷ В 1925 г. он был уже утвержден в качестве официального согласно документу по регулированию знамен от 22 октября 1925 г. Тогда солнце насчитывало 20 лучей. Согласно изменениям в Устав о турецком флаге от 18 февраля 1978 г., количество лучей было снижено до 16.

Несмотря на столь раннее появление штандарта, нигде в официальных документах не давалось расшифровки использованной символики, не встречается она и в воспоминаниях современников. Причиной этого скорее всего является интуитивно ясный смысл символа как презентации власти. Звезды, даже в количестве 16, и солнце с 16-ю лучами неоднократно встречались на османских знаменах и даже на первом османском гербе западного типа в XIX в.¹⁸

В 1938 г., в книге «Турецкий флаг, полумесяц и звезда» звезды вокруг солнца были обозначены как символическая отсылка к главам турецких правительств¹⁹. К этой же трактовке можно отнести предложенное в 1984 г. в тематическом докладе по штандарту и 16 государствам предположение, что количество звезд означает сумму двух цифр – девяти и семи, за которыми скры-

¹⁶ Штандарт. Fors // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. – Турец. яз. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/cumhurbaskanligi/resmi-simgeler/fors/> (дата обращения: 28.08.2023).

¹⁷ Штандарт президента разработали за 1 день. Cumhurbaşkanlığı Forsu'nu 1 günde tasarladı // Sabah. – 13.08.2014. – Турец. яз. – URL: <https://www.sabah.com.tr/galeri/aktuel/cumhurbaskanligi-forsunu-1-gunde-tasarladı/5> (дата обращения: 16.07.2023).

¹⁸ Озтурк Э. Штандарт президента и дискуссии о 16 турецких государствах. Öztürk E. Cumhurbaşkanlığı Forsu Ve 16 Türk Devleti Tartışması // Ankara Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi. – Güz 2015. – Sy. 57. – S. 80, 81–83. – Турец. яз.

¹⁹ Куртоглу Ф. Турецкий флаг и полумесяц со звездой. Kurtoglu F. Türk Bayrağı ve Ay Yıldız. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1938. – S. 131–139. – Турец. яз.

ваются знаки власти в тюркской традиции – девять и семь бунчуков (древко с привязанным хвостом коня)²⁰. Историк Гюбрюз Тюфекчи на Десятом историческом конгрессе в 1986 г. дал другое прочтение 16 звезд как основы турецкой нации – 16 турецких протогосударственных образований, *бейликов*, в Анатолии в постсельджукскую эпоху²¹.

Собственно, концепция 16 великих турецких государств была предложена широкой публике лишь в 1969 г. картографом Акыпом Озбеком в его книге «Штандарт Президента Турецкой Республики и его смысл»²², где он также предложил вымышленные флаги этих государств, лишь несколько из которых имели реальные исторические прототипы (османский, сельджукский и флаг Тюркского каганата). В том же году агентство «Ajans-Türk» выпустило настенный календарь, посвященный 16 турецким государствам и их флагам²³.

Тем не менее, имеются документы, подтверждающие начало официальной разработки концепции 16 великих турецких государств на государственном уровне не позже 1962 г. Уже в 1966 г. запрос в отношении изучения 16 государств, обозначенных на эмблеме, поступил в Турецкое историческое общество от Офиса Президента Турции. На следующий год генеральному секретарю офиса поступил ответ от общества с замечаниями по списку и датам с предложением новых 23-х государств²⁴.

²⁰ Йедиийлдыз Б. Доклад по штандарту президента и флагам шестнадцати турецких государств. Yediyıldız B. Cumhurbaşkanlığı Forsu, Onaltı Türk Devletine Ait Bayraklar Raporu. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1984. – S. 5–7. – Турец. яз.

²¹ Тюфекчи Г.Д. Национализм и национальный суверенитет. Tüfekçi G.D. “Milliyetçilik” (Ulusalçılık) ve Ulusalçı Egemenlik // X. Türk Tarih Kongresi, Ankara: 22–26 Eylül 1986. Kongreye sunulan bildiriler. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. – S. 2945–2947. – Турец. яз.

²² Озбек А. Штандарт президента и его значение. Özbek A. Türkiye Cumhurbaşkanlığı Forsu ve Taşındığı Anlam. – İstanbul: Harb Akademileri Komutanlığı Yayınları, 1969. – 106 s. – Турец. яз.

²³ 16 Великих Турецких Империй, основавших в истории независимость и суверенитет. Tarihte Bağımsız Egemenlik Kurmuş 16 Büyük Türk İmparatorluğu. – Ankara: Ajans Türk Matbaacılık Sanayi, 1969. – 12 s. – Турец. яз.

²⁴ Озтурк Э. Штандарт президента и дискуссии о 16 турецких государствах. Öztürk E. Cumhurbaşkanlığı Forsu Ve 16 Türk Devleti Tartışması // Ankara Üniver-

В итоге список все же остался в пределах 16 государств, однако их перечень и датировки существенно различались в разные периоды. В настоящее время он включает четыре империи хунну; Тюркский, Аварский, Хазарский и Уйгурский каганаты; государства Караганидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов; Золотую орду; империи Тимуридов и Великих Моголов; Османскую империю.

Кроме того, получили распространение образы 16 правителей – основателей государств, для которых также был разработан узнаваемый, но далекий от исторических реалий внешний вид. В частности, скульптурные изображения этих правителей вкупе с вымышленными флагами шестнадцати великих турецких государств стали одной из самых распространенных форм памятников в современной Турции.

Костюмированные образы основателей 16 турецких государств активно используются в торжественных мероприятиях. Например, в новом, открытом в 2014 г. в Анкаре президентском дворце при торжественных приемах отдельных официальных лиц и делегаций их встречает конвой в образах 16 воинов, представляющих великие турецкие государства. Эти костюмированные конвои или манекены используются и в регионах Турции во время массовых мероприятий.

С самого своего появления концепция встречала сопротивление в турецких националистических кругах, ученых и интеллектуалов. К примеру, раскритиковавший ее на страницах своего националистического журнала «Отюкен» идеолог турецкого национализма и пантюркизма Нихаль Атсыз возмутился не только малому количеству турецких государств (тезис, который постоянно звучит у критиков концепции), но и отсутствию широкого общественного обсуждения с участием историков, и представителей национальной культуры и идеалов²⁵. Также критику вызывает и противоречащее историческим данным отнесение ряда государственных образований к турецким в духе Турецкого исторического

sitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi. – Güz 2015. – Sy. 57. – S. 86. – Турец. яз.

²⁵ Атсыз Н. Сказка о 16 государствах и вымышленные флаги. Atsız N. 16 Devlet Masalı ve Uydurma Bayraklar // Ötüken. – 1969. – Sy. 65. – S. 3–5. – Турец. яз.

тезиса – принятого на государственном уровне в 1930-е годы исторического принципа, согласно которому «Первая колыбель высокой культуры в мире – это турецкая прародина в Центральной Азии, и именно турки основали эту культуру и распространили ее по всему миру»²⁶.

* * *

Рассмотрев основных акторов и базовые сюжеты исторической политики в Турецкой Республике, можно сделать ряд выводов.

Государственные элиты в Турецкой Республике на протяжении столетия последовательно занимаются формированием исторического сознания, применяя различные инструменты исторической политики. К этим инструментам можно отнести разработку и переосмысление государственной идеологии, просветительскую деятельность, школьное образование, возведение памятников, политическую пропаганду и пр.

Акторы исторической политики, формирующие общегосударственную парадигму исторического сознания, делятся на следующие типы: индивидуальные (национальный лидер) и коллективные (структуры и организации), государственные и негосударственные. Следует отметить, что при разработке рассматриваемой парадигмы негосударственные акторы все равно оказываются аффилированы с государственными структурами или подчинены им.

Часть из рассмотренных исторических сюжетов демонстрировала идейную преемственность от Османской империи (завоевание Стамбула, исход из Эргенекона), часть – идейный разрыв с османской традицией (Война за независимость, 16 великих турецких государств). Сюжеты не были неизменны и трансформировались в ходе развития Турецкой Республики. Кроме того, сюжеты вступали в конкуренцию друг с другом, теряли или набирали популярность в зависимости от политической и идеологической конъюнктуры.

²⁶ Материалы второго исторического конгресса. İkinci Tarih Kongresi Zabıtları. – İstanbul: Devlet Basımevi, 1937. – S. 85. – Турсц. яз.

Ядром парадигмы исторического сознания являются этногенетические мифы, представляющие, каждый сам по себе, отдельную от других траекторию развития для Турецкой Республики. Кемалистский националистический миф точкой отсчета устанавливает разрыв с Османской империей и появление нового государства – национального по своей сути, вестернизированного и секулярного по форме.

Миф об Эргенеконе, развившийся еще в позднеосманское время, дает пантюркистское устремление на поиск корней и тюркского единства, придает импульс развитию турецкой культуры как части общетюркской. Миф о завоевании Стамбула как точке отсчета появления исламской империи из османского бейлика героизирует «золотой век» султаната и халифата, подкрепляет исламскую идентичность и консервативную ориентацию.

Наконец, миф о 16 великих турецких государствах в рамках развития псевдонаучного турецкого исторического тезиса задает политическую интерпретацию тюркского единства, создавая преемственность Турецкой Республики от империй-предшественниц и превращая ее в политический центр для всех тюрок мира.

Таким образом, за 100 прошедших лет в Турецкой Республике была сформирована композитная, многосоставная парадигма исторического сознания, которая включает как взаимодополняющие, так и взаимоисключающие элементы. Это позволяет выстраивать более гибкую политику и задает вариативность развития, одновременно порождая высокую конфликтность исторических трактовок и перспективных образов будущего.

Эти образы будущего в их идеальном типе можно условно определить как кемалистский (светский, вестернизированный), реваншистский (неоосманский, консервативный, религиозный), пантюркистский (общетюркское культурное и политическое объединение) и поступательно национализирующий (туркизация максимально широкого географического пространства²⁷ с акцентом на тюркские территории). Однако наиболее вероятно в новый «век Турции» сочетание типов в разной пропорции в зависимости от текущей политической конъюнктуры и общественного запроса.

²⁷ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 9. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
2. Зориктуев Б.Р. Тюркская версия происхождения предания об Эргунэ-куне: ошибки и заблуждения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 107–115.
3. Malkoç E. The 1927 Republican People's Party Congress and Mustafa Kemal's Great Speech From the Perspective of İkdam Newspaper // International Review of Turkology. – 2008. – Vol. I, N 2. – P. 41–53.
4. 16 Великих Турецких Империй, основавших в истории независимость и суверенитет. Tarihte Bağımsız Egemenlik Kurmuş 16 Büyük Türk İmparatorluğu. – Ankara: Ajans Türk Matbaacılık Sanayi, 1969. – 12 s. – Турец. яз.
5. Атсыз Н. Сказка о 16 государствах и вымышленные флаги. Atsız N. 16 Devlet Masası ve Uydurma Bayraklar // Ötüken. – 1969. – Sy. 65. – S. 3–5. – Турец. яз.
6. Гази Мустафа Кемаль. Речь. Gazi Mustafa Kemal. Nutuk. – Ankara: Kaynak Yayınları, 2015. – 735 s. – Турец. яз.
7. Йедиyllдиз Б. Доклад по штандарту президента и флагам шестнадцати турецких государств. Yediyıldız B. Cumhurbaşkanlığı Forsu, Onaltı Türk Devletine Ait Bayraklar Raporu. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1984. – 25 s. – Турец. яз.
8. Карапс万博 Й.К. Эргенекон (Статьи о Национальной борьбе). Karaosmanoğlu Y.K. Ergenekon (Milli Mücadele Yazıları). – Ankara: Elif Matbaası, 1990. – 240 s. – Турец. яз.
9. Коркмаз З. Об истории и актуальном значении произведения под названием Великая речь Мустафы Кемаля Ататюрка. Korkmaz Z. Mustafa Kemal Atatürk'ün Büyük Nutuk Adlı Eserinin Tarihi ve Güncel Değeri Üzerine // Türk Dili. – Ağustos 2007. – XCIV, Sy. 668. – S. 321–331. – Турец. яз.
10. Куртоглу Ф. Турецкий флаг и полумесяц со звездой. Kurtoğlu F. Türk Bayrağı ve Ay Yıldız. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1938. – 164 s. – Турец. яз.
11. Материалы второго исторического конгресса. İlkinci Tarih Kongresi Zabıtları. – İstanbul: Devlet Basımevi, 1937. – 1103 s. – Турец. яз.
12. Озбек А. Штандарт президента и его значение. Özbek A. Türkiye Cumhurbaşkanlığı Forsu ve Taşdıği Anlam. – İstanbul: Harb Akademileri Komutanlığı Yayınları, 1969. – 106 s. – Турец. яз.
13. Озтурк Э. Штандарт президента и дискуссии о 16 турецких государствах. Öztürk E. Cumhurbaşkanlığı Forsu Ve 16 Türk Devleti Tartışması // Ankara

- Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi. – Güz 2015. – Sy. 57. – S. 79–99. – Турец. яз.
14. Туна Э. Турецкие очаги Западной Анатолии 1923–1931. Tuna E. Batı Anadolu Türk Ocakları 1923–1931. – Aydin: Adnan Menderes Üniversitesi, 2015. – 170 s. – Турец. яз.
15. Туная Т.З. Политические партии в Турции. Tunaya T.Z. Türkiye'de Siyasal Partiler. C.I. İkinci Meşrutiyet Dönemi 1908–1918. – İstanbul: Hürriyet Vakfı Yayıncılığı, 1988. – 668 s. – Турец. яз.
16. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Программа работы на 2023 г. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. 2023 Yılı Performans Programı. – 55 s. – Турец. яз. – URL: https://www.tika.gov.tr/upload/old/2023/2023%20Y%C4%B1%C4%B1%20Performans%20Raporu_web.pdf (дата обращения: 15.07.2023).
17. Тюрккан Р.О. Присяга последователей серой волчицы. Türkkan R.O. Bozkurtçunun Amentüsü // Bozkurt Dergisi. – 5 Mart 1942. – Sy. 1. – S. 5–6. – Турец. яз.
18. Тюфекчи Г.Д. Национализм и национальный суверенитет. Tüfekçi G.D. “Milliyetçilik” (Ulusalçılık) ve Ulusalçı Egemenlik // X. Türk Tarih Kongresi, Ankara: 22–26 Eylül 1986. Kongreye sunulan bildiriler. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. – S. 2945–2947. – Турец. яз.
19. Устав Народных домов НРП. С.Н.Ф. Halkevleri Talimatnamesi. – Ankara: Hakimiyetli Milliye Matbaası, 1932. – 29 s. – Турец. яз.
20. Чамбел Х. Дж. Ататюрк и история. Çambel H.C. Atatürk ve Tarih // T.T.K. Belleten. – 1939. – S. 269–272. – Турец. яз.
21. Штандарт президента разработали за 1 день. Cumhurbaşkanlığı Forsu’nu 1 günde tasarladı // Sabah. – 13.08.2014. – Турец. яз. – URL: <https://www.sabah.com.tr/galeri/aktuel/cumhurbaskanligi-forsunu-1-gunde-tasarladı/5> (дата обращения: 16.07.2023).
22. Штандарт. Fors // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. – Турец. яз. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/cumhurbaskanligi/resmi-simgeler/fors/> (дата обращения: 28.08.2023).
23. Эраслан Дж. Речь. Eraslan C. Nutuk // Islam Ansiklopedisi. – 2007. – S. 276–278. – Турец. яз.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.04

УДК 327+316.77

РАННЕЕ РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ КСЕНОФОБИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ДЕТСКИХ КЛУБОВ ПРИ ОТЕЛЯХ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

АНДРИАНОВА Роза Ахбановна

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Центр исследования проблем безопасности РАН».

E-mail: rosa_and@inbox.ru

SPIN-код: 5076-4476

ORCID: 0000-0002-7903-0426

Для цитирования: Андрианова Р.А. Раннее развитие межкультурных коммуникаций как ресурс преодоления ксенофобии: из опыта работы детских клубов при отелях в Турецкой Республике // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4(4). – С. 64–75. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.04.

Аннотация. В работе обоснована актуальность профилактики ксенофобии и развития межкультурных коммуникаций с раннего детского возраста. Дано характеристика ксенофобии как особой формы социальной фобии, способной закрепить враждебное отношение к представителям другой национальной или конфессиональной группы. Обосновано, что формированию ксенофобских установок способствует дефицит межкультурных взаимодействий. Рассматривается деятельность детских досуговых клубов на территории турецких отелей как ресурс формирования конструктивного опыта межкультурных коммуникаций, предупреждения или преодоления ксенофобских установок. Представлены результаты опроса семей с детьми, имеющих опыт семейного отдыха в отелях в Турецкой Республике. Опрос проводился с 2018 по 2023 г. Выборка составила 345 респондентов. 98% респондентов выделили особую доброжелательную атмосферу для всех детей вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности, создаваемую не только детскими аниматорами, но и всеми работниками отелей. 72% респондентов получили новые межкультурные коммуникативные навыки в совместной творческой деятельности с представителями разных национальных

групп. 87% родителей признали роль турецких мини-клубов в формировании опыта межкультурных коммуникаций и предупреждения ксенофобских установок, в том числе и на религиозной почве. 99% с уважением относятся к мусульманским традициям и воспитывают у своих детей уважительное отношение к представителям разных этнических и конфессиональных групп. Среди причин формирования ксенофобских установок 78% респондентов отметили пренебрежение к культурным традициям других народов, враждебное отношение с осознанием собственного превосходства, 45% выделили низкий культурный уровень родителей как дефицит воспитания и образования, 64% – недостаточный опыт взаимодействия с представителями разных национальных или конфессиональных групп. Обосновано, что важным направлением гармонизации межнациональных отношений является формирование опыта межкультурных коммуникаций с детского возраста, становление межкультурной со-бытийной общности, способствующих стремлению к сотрудничеству и взаимопониманию с представителями других культур, развитию интереса к изучению традиций, обычаям других народов.

Ключевые слова: представители других национальных и конфессиональных групп, полярные категории «свои / чужие», ксенофобия, агрессия, враждебное отношение, профилактика ксенофобии, семейный досуг, мини-клубы, межкультурные коммуникации, межкультурные компетенции.

Early Development of Intercultural Communications as Resource for Overcoming Xenophobia: from the Experience of Children’s Clubs at Hotels in the Republic of Turkey

Rosa A. ANDRIANOVA

PhD in Pedagogics, Senior Researcher

at the “Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences”.

E-mail: rosa_and@inbox.ru

SPIN-code: 5076-4476

ORCID: 0000-0002-7903-0426

For citation: Andrianova R.A. (2023). Early Development of Intercultural Communications as Resource for Overcoming Xenophobia: from the Experience of Children’s Clubs at Hotels in the Republic of Turkey. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(4), pp. 64–75. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.04.

Abstract. The article substantiates the relevance of the prevention of xenophobia and the development of intercultural communications from early

childhood. The article describes xenophobia as a special form of social phobia that can consolidate hostility towards representatives of other national or confessional groups. It is proved that the lack of intercultural interactions contributes to the formation of xenophobic attitudes. The activity of children's leisure clubs on the territory of Turkish hotels is considered as a resource for the formation of constructive experience of intercultural communication, prevention or overcoming xenophobic attitudes. The results of a survey of families with children who have experience of family holidays in hotels in the Republic of Turkey are presented. The survey was conducted from 2018 to 2023. The sample consisted of 345 respondents. 98% of respondents identified a special friendly atmosphere for all children, regardless of their ethnic or religious affiliation, created not only by children's animators, but also by all hotel employees. 72% of respondents received new intercultural communication skills in joint creative activity with representatives of different national groups. 87% of parents recognized the role of Turkish mini-clubs in shaping the experience of intercultural communication and preventing xenophobic attitudes, including on religious grounds. 99% respect Muslim traditions and educate their children to respect representatives of different ethnic and religious groups. Among the reasons for the formation of xenophobic attitudes, 78% of respondents noted disregard for the cultural traditions of other peoples, hostile attitude with awareness of their own superiority, 45% identified the low cultural level of parents as deficits in upbringing and education, 64% – insufficient experience of interaction with representatives of different national or religious groups. It is proved that an important direction of harmonization of interethnic relations is the formation of the experience of intercultural communication from childhood, the formation of an intercultural co-existence community, contributing to the desire for cooperation and mutual understanding with representatives of other cultures, the development of interest in the study of traditions, customs of other peoples.

Keywords: representatives of other national and confessional groups, polar categories "own / others", xenophobia, aggression, hostility, prevention of xenophobia, family leisure, mini-clubs, intercultural communication, intercultural competence.

Ксенофобия как форма социальной фобии становится источником негативного отношения к представителям других национальных и конфессиональных групп и риском проявления агрессивных действий.

Анализ проблемы показывает, что наиболее уязвимым периодом формирования ксенофобских установок является детский возраст. Негативное отношение к представителям других нацио-

нальных или конфессиональных групп, транслируемое родителями и другими значимыми взрослыми из ближайшего социального окружения ребенка, может способствовать закреплению у детей враждебного отношения к другим людям, имеющим отличительные особенности. При этом любой незнакомый культурный контекст маркируется ими как «плохое» и может вызывать отторжение, неприятие, агрессию, вербальную и невербальную негативную реакцию.

Очевидно, что агрессия на почве ксенофобии взаимосвязана с экстремистским поведением и стремлением к агрессивным действиям по отношению к носителям других культур. Очевидно также, что способность к проявлению агрессии содействует вовлечению подростков и молодых людей в деструктивные группы, в том числе экстремистские и террористические^{1,2}.

Для преодоления ксенофобии и межкультурных барьеров при встрече с незнакомым культурным контекстом необходимо с раннего возраста формировать опыт межкультурных коммуникаций в поликультурной среде. Чем больше ребенок с раннего детства будет включен в межкультурные коммуникации, тем больше будет накапливаться опыта сотрудничества и взаимопонимания с представителями других культур, развиваться интерес к изучению традиций, обычаяв других народов.

В статье рассматривается деятельность детских досуговых клубов на территории турецких отелей как пространство формирования раннего конструктивного опыта межкультурных коммуникаций, развития межкультурных компетенций, предупреждения или преодоления ксенофобских установок.

Опросы, проведенные автором, показали, что семейный отдых в Турецкой Республике является одним из наиболее востребованных среди россиян с детьми. Привлекательными становятся теплое море, чистые пляжи, уникальная природа, качественный сервис в отелях и широкий выбор различных форм семейного

¹ Андрианова Р.А. Проявление агрессии в структуре экстремистского поведения // Социальная педагогика в России. – 2020. – № 2. – С. 28–33.

² Андрианова Р.А., Вихрян А.П., Зубок Ю.А. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – 305 с.

досуга. Опрос проводился с 2018 по 2023 г. Выборка составила 345 респондентов.

Среди положительных критериев семейного отдыха в Турецкой Республике российские туристы выделяют: доступные цены, высокий уровень обслуживания, доброжелательное и ответственное отношение к детям и заботу о них, разнообразное детское меню и организацию безопасного детского досуга. Среди форм досуговой деятельности отмечаются анимационные программы на территории отеля, обучающие и развивающие занятия в игровой форме, возможность развития творческого потенциала и коммуникативных навыков детей.

В выборе отеля для отдыха с детьми большинство россиян (80%), как правило, опираются на положительные отзывы, представленные на платформе TOP/Hotels. Как правило, россияне предпочитают в турецких отелях готовый туристический пакет «All inclusive» («Всё включено»).

Необходимо отметить, что система «All inclusive» была внедрена в 1950-е годы британским бизнесменом Билли Батлином на острове Гранд-Багама на курорте Атлантического океана для состоятельных американских туристов и в тот же период была подхвачена бельгийским бизнесменом Жераром Блитцем в Испании для организации спортивного лагеря. Концепция «All inclusive» была основана на идее «все оплачено, ничто не должно вас отвлекать от отдыха, получайте удовольствие и расслабьтесь». В турецких отелях систему «All inclusive» изначально ввели для массового привлечения туристов из Германии. 1990-е годы прошлого века были отмечены наплывом российских туристов, оценивших удобную концепцию отдыха в Турецкой Республике.

Известно, что в настоящее время турецкие семейные отели на побережьях Средиземного и Эгейского морей оцениваются российскими и другими иностранными туристами как комфортные и доступные места для отдыха с детьми. Таким образом, в турецких отелях у отдыхающих появляется возможность построения межкультурных коммуникаций с представителями разных национальных и конфессиональных групп.

«Children Mini Club» («детский мини-клуб»), как досуговое межкультурное пространство на территории турецких отелей, предлагает разнообразные формы творческой деятельности и фи-

зической активности для детей от 4 до 12 лет. В детских клубах работают специалисты, подготовленные к организации детского досуга и ориентированные на создание благоприятной психологической среды. Дети до 4 лет допускаются в мини-клуб только в сопровождении родителей или законных представителей, а дети старше указанного возраста могут находиться в досуговом центре под присмотром воспитателей. В современных условиях развития информационных технологий в некоторых отелях родители могут наблюдать за своими детьми через приложение на смартфоне, чтобы убедиться в их безопасности. Комплекс различных детских досуговых развлечений отличается от отеля к отелю, однако во всех семейных отелях респонденты отметили наличие творческих мастер-классов и мероприятий, проведение спортивных соревнований и вечерних танцевальных программ «*Mini-Disco*» («мини-дискотеки»).

95% опрошенных родителей отметили доброжелательное отношение к маленьким гостям, комфортную и безопасную обстановку, доверие к воспитателям и детским аниматорам, разнообразие форм работы с детьми в турецких «*Children Mini Club*» («детские мини-клубы»), функционирующих при отелях.

80% родителей на протяжении нескольких лет обращались в турецкие «*Children Mini Club*» («детские мини-клубы») для интересного времяпрепровождения своих детей и развития их коммуникативных навыков. 62% родителей отметили высокую вовлеченность своих детей в досуговую деятельность в период семейного отдыха в турецких отелях.

Для определения ресурса межкультурных коммуникаций и рисков проявления ксенофобии были опрошены взрослые и дети, имеющие опыт активного взаимодействия с представителями разных этнических групп. По итогам опроса, 98% респондентов отметили особую доброжелательную атмосферу для туристов вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности, созданную не только детскими аниматорами, но и всеми работниками отелей; 72% респондентов получили новые межкультурные коммуникативные навыки во время совместной творческой деятельности с представителями разных национальных групп; 87% родителей не задумывались об этнической принадлежности отдыхающих туристов, но признали роль турецких мини-

клубов в формировании положительного опыта развития навыков межкультурных коммуникаций и нейтрализации рисков ксенофобии; 99% с уважением относятся к мусульманским традициям и воспитывают у своих детей подобное отношение к представителям разных этнических и конфессиональных групп.

Среди причин формирования ксенофобских установок у детей 78% респондентов отметили пренебрежение к культурным традициям других народов в семье, враждебное отношение с осознанием собственного превосходства; 45% выделили низкий культурный и образовательный уровень родителей как дефицит воспитания и образования; 64% респондентов обозначили в качестве вероятной причины проявления ксенофобии недостаточный положительный опыт взаимодействий с представителями разных национальных или конфессиональных групп.

Необходимо отметить, что межкультурные коммуникации как научное понятие в 1954 г. было представлено в совместной работе американскими учеными – антропологом Эдвардом Холлом и лингвистом Джорджем Трейжером³.

Очевидно, что понятие «культура» является центральным и определяет содержание коммуникаций между представителями разных этнических и конфессиональных групп. В переводе с латинского «cultura» трактуется «как воспитание, развитие, образование, возделывание, почитание». Коммуникация в переводе с латинского «communication» – «делать общим, делать сообща, связывать, общаться». Таким образом, воспитательный, развивающий и образовательный компоненты процесса развития межкультурных коммуникаций у детей обладают достаточным ресурсом укрепления межнациональных отношений, преодоления межкультурных барьеров и нейтрализации рисков негативного отношения к представителям других национальных или конфессиональных групп.

Связующим звеном межкультурных коммуникаций становится обмен информацией, впечатлениями, эмоциями в вербальной и невербальной форме. При этом культурная дистанция, как степень близости или отчуждения от других культур, определяет специфику и содержание межкультурных коммуникаций, а меж-

³ Hall E., Trager G. Culture as Communication: A Model and Analysis. – N.Y., 1954. – P. 320.

культурные барьеры, возникающие при взаимодействии представителей разных национальных или конфессиоナルных групп, обусловлены поведенческим, эмоциональным и когнитивным типами неопределенности.

Например, поведенческая неопределенность связана с проблемой непонимания стратегии поведения другого человека, принадлежащего к другой этнической культуре; эмоциональная неопределенность связана со страхом неприятия и социальной изоляции из-за различий традиций, обычаев, норм поведения; когнитивная неопределенность выражается в дефиците информированности о культурных особенностях других народов.

Известно, что человек рассматривает незнакомые культуры через призму собственной⁴. Очевидно, что восприятие собственной культуры как доминирующей не способствует развитию межкультурных коммуникаций с представителями других национальностей и конфессий.

Важным маркером состояния межкультурных коммуникаций становится состояние доверия и недоверия как готовности к принятию человека, принадлежащего другой культуре, и взаимодействия с ним. При этом доверие при межкультурных взаимодействиях сопряжено с категорией «знакомое», которое легче воспринимать как «хорошее», а недоверие, как правило, проявляется к незнакомому культурному контексту и может восприниматься не просто как чужое, но и чуждое, вызывающее негативную реакцию.

А.Б. Купрейченко при анализе феноменов «доверие» и «недоверие» отмечает, что доверие ориентировано на сохранение и обмен, а недоверие – на разобщение и обособление. При этом, по мнению автора, балансом взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов становятся «притяжение – избегание», «ожидание добра – опасение зла», «приятно – неприятно»⁵.

⁴ Андрианова Р.А., Гукаленко О.В., Нездемковская Г.В. Поликультурное образование и профилактика ксенофобии в образовательной среде. – М.: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2019. – 257 с.

⁵ Купрейченко А.Б. Доверие и недоверие – общие и специфические психологические характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2008. – № 2. – С. 50.

Необходимо отметить, что доверие способствует бесконфликтным взаимодействиям в поликультурной среде, а недоверие в межкультурных коммуникациях вызывает психоэмоциональное напряжение, приводит к состоянию поведенческой, эмоциональной и когнитивной неопределенности как невозможности контроля состояния и прогноза стратегии развития межкультурных коммуникаций⁶.

Стоит сказать, что детский возраст является благоприятным периодом развития межкультурных коммуникаций и формирования положительного опыта взаимодействия с представителями разных национальных и конфессиональных групп. Соприкосновение с незнакомой культурой, восприятие разных культурных норм и ценностей, традиций и обычаяев разных народов в комфортной, благоприятной среде не вызывает у ребенка негативные эмоционально-поведенческие реакции и отторжение, а вызывает интерес и стремление к взаимному согласию и сотрудничеству.

В пространстве «Children Mini Club» («детских мини-клубов»), функционирующих в турецких отелях, в процессе конструктивного взаимодействия в разнообразных межкультурных детско-взрослых общностях происходит развитие практических межкультурных навыков как способности к расширению знаний о других культурах и готовности к преодолению межкультурных барьеров. Межкультурные коммуникации как процесс и результат соприкосновения и взаимообогащения в межнациональной детско-взрослой общности обладают мощным ресурсом воспитания взаимного уважения между представителями разных национальных или конфессиональных групп⁷.

Конструктивные межкультурные коммуникации влияют на внутренние процессы, способствуют осознанию и проявлению субъектных качеств, ответственному поведению, устойчивости к формированию ксенофобских установок. Внутри межкультурной

⁶ Андианова Р.А. Развитие межкультурных коммуникаций в молодежной среде: актуальные проблемы и ресурс поддержки // Известия Российской академии образования. – 2023. – № 1 (61). – С. 167. – DOI: 10.51944/20738498_2023_1_165.

⁷ Андианова Р.А. Социально-педагогические условия профилактики ксенофобии в образовательной среде. – М.: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2020. – 42 с.

детско-взрослой общности, как воспитывающей общности, формируется новый субъект с новым положительным опытом события с представителями разных национальных или конфессиональных групп⁸. При этом для каждого ребенка и взрослого появляется возможность взаимной поддержки, помощи, проявления добра и милосердия.

Отметим, что со-бытие рассматривается Ю.С. Мануйловым как особый способ бытия, как канал связи с окружающей средой и родовое понятие группы феноменов, объединенных морфемой «со» – сосуществование, согласие, сотрудничество, содействие, сопереживание, сочувствие⁹.

В контексте формирования опыта межкультурных коммуникаций в пространстве «Children Mini Club» («детский мини-клуб») в турецких отелях со-бытие представителей разных национальных и конфессиональных групп проявляется через социокультурные события, запоминающиеся по своей эмоционально-ценностной насыщенности, способствующие формированию нового опыта совместной деятельности детей и взрослых.

«Children Mini Club» («детские мини-клубы») в турецких отелях являются не только организаторами досуговой деятельности, но и активными субъектами становления и развития со-бытийной детскo-взрослой общности в процессе межкультурных взаимодействий, при которой у представителей разных национальных и конфессиональных групп проявляется чувство «мы».

* * *

На наш взгляд, детским клубам «Children Mini Club», функционирующим в Турецкой Республике как межкультурное пространство, присуща антропологическая характеристика, индикаторами которой являются: признание уникальности каждого ребенка

⁸ Андрианова Р.А., Гукаленко О.В., Нездемковская Г.В. Поликультурное образование и профилактика ксенофобии в образовательной среде. – М.: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2019. – 257 с.

⁹ Мануйлов Ю.С. Язык «Со-» // Центр научных инвестиций. – 27.11.2013. – URL: <http://www.ni-centr.ru/bez-rubriki/manujlov-yu-s-yazyk-so/> (дата обращения: 02.10.2023).

и взрослого вне зависимости от их национальной или конфессио- нальной принадлежности; развитие коммуникативных навыков и способности к рефлексии, позволяющей понять другие нормы, традиции, обычаи и не прибегать к ксенофобским установкам.

Таким образом, в Турецкой Республике, благодаря развитию международного туризма, накоплен уникальный опыт укрепления межнациональных отношений. Очевидно, что погружение в конструктивные межкультурные коммуникации в пространстве детских клубов – это важное условие раннего преодоления межкультурных барьеров и ксенофобии на основе сотрудничества, взаимопонимания, взаимной поддержки в процессе организованной безопасной и благоприятной социокультурной среды.

Список источников и литературы

1. Абрамян А.К. Культура как единое межнациональное гуманитарное про- странство // Вестн. Таганрог. ин-та управления и экономики. – 2011. – № 2. – С. 74–78.
2. Андианова Р.А. Проявление агрессии в структуре экстремистского пове- дения // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2020. – № 2. – С. 28–33.
3. Андианова Р.А. Развитие межкультурных коммуникаций в молодежной среде: актуальные проблемы и ресурс поддержки // Известия Российской академии образования. – 2023. – № 1 (61). – С. 167. – DOI: 10.51944/20738498_2023_1_165.
4. Андианова Р.А. Социально-педагогические условия профилактики ксенофо- бии в образовательной среде. – М.: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2020. – 42 с.
5. Андианова Р.А., Вихрян А.П., Зубок Ю.А. Социогуманитарные основы про- тиводействия экстремизму в молодежной среде. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – 305 с.
6. Андианова Р.А., Гукаленко, О.В., Нездемковская Г.В. Поликультурное об- разование и профилактика ксенофобии в образовательной среде. – М.: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», 2019. – 257 с.

7. Купрейченко А.Б. Доверие и недоверие – общие и специфические психологические характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2008. – № 2. – С. 46–53.
8. Мануйлов Ю.С. Язык «Со-» // Центр научных инвестиций. – 27.11.2013. – URL: <http://www.ni-centr.ru/bez-rubriki/manujlov-yu-s-yazyk-so/> (дата обращения: 02.10.2023).
9. Hall E., Trager G. Culture as Communication: A Model and Analysis. – N.Y., 1954. – 320 p.

ИНСТРУМЕНТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГОСУДАРСТВЕ ПАЛЕСТИНА

ЖЕВЕЛЕВА Александра Владимировна

кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: a.zheveleva@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-0913-6954

ЖДАНОВ Артемий Юрьевич

студент 1 курса магистратуры Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: artemyzhdanov01@gmail.com

ORCID: 0009-0007-0768-2728

Для цитирования: Жевелева А.В., Жданов А.Ю. Инструменты и направления мягкой силы Турецкой Республики в государстве Палестины // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 76–101. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.05.

Аннотация. В статье представлена характеристика турецкой мягкой силы в отношении Палестины последних 20 лет. Рассмотрены основные организации, правительственные и общественные, проводящие политику Турции в регионе в различных сферах. Так, например, перечислены строительные, гуманитарные, духовные и торговые проекты на территории различных палестинских мухафаз, проведенные с участием турецких компаний и организаций, главным образом – в рамках деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координациям, подведомственного Министерству культуры и туризма Турции.

Результаты применения мягкой силы в виде внешнеполитических и внутриполитических дивидендов представлены данными соцопросов и анкетирования арабского населения в Палестине и в соседних странах на тему образа Турции как «истинной демократии» или «союзника Палестины». Соответствие этим характеристикам является одной из основных целей турецкой мягкой силы в отношении Палестины, так как

любая демонстрация помощи этому государству оказывает влияние на мнение арабской общественности, что немаловажно в контексте текущей доктрины «неоосманизма», которой Турецкая Республика следует уже не первое десятилетие.

Ключевые слова: Турция, внешняя политика, Палестина, мягкая сила, гуманитарная помощь.

Instruments and Directions of Soft Power of the Republic of Türkiye in the State of Palestine

Alexandra V. ZHEVELEVA

PhD in History, Associate Professor of the Oriental Faculty
of St. Petersburg State University.

E-mail: a.zheveleva@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-0913-6954

Artemiy Yu. ZHDANOV

1st year Master's student of the Oriental Faculty
of St. Petersburg State University.

E-mail: artemyzhdanov01@gmail.com

ORCID: 0009-0007-0768-2728

For citation: Zheveleva A.V., Zhdanov A.Yu. (2023). Instruments and Directions of Soft Power of the Republic of Türkiye in the State of Palestine. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(4), pp. 76–101. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.05.

Abstract. The article presents a description of Turkish soft power in relation to Palestine over the past twenty years. The main organizations, governmental and public, pursuing Türkiye's policy in the region in various fields are considered. For example, construction, humanitarian, spiritual and trade projects in various Palestinian governorates are listed, carried out with the participation of Turkish companies and organizations, mainly within the framework of the activities of the Turkish Cooperation and Coordination Agency, subordinate to the Ministry of Culture and Tourism of Turkey.

The results of the use of soft power in the form of foreign policy and domestic policy dividends are presented by opinion polls and surveys of the Arab population in Palestine and neighboring countries on the topic of the image of Türkiye as a “true democracy” or an “ally of Palestine”. Meeting these characteristics is one of the main goals of Turkish soft power in relation to Palestine, because any demonstration of assistance to this state influences the opinion of the Arab public, which is important in the context of the current

doctrine of “neo-Ottomanism”, which the Turkish Republic has been following for decades.

Keywords: Turkey, foreign policy, Palestine, soft power, humanitarian aid.

Мягкая сила представляет собой способность государства привлекать или убеждать ненасильственными методами и без принуждения¹. Согласно Наю, мягкая сила «возникает, когда одна страна заставляет другие страны хотеть того, чего хочет сама»² без использования каких-либо средств жесткой силы, включающих военный потенциал или экономическую мощь. Жесткая сила зависит от принуждения, в то время как мягкая сила требует, чтобы цели внешней политики страны считались легитимными и другими акторами. Мягкая сила в значительной степени требует убеждения через привлекательность идей, институтов или культуры. Как утверждает Най, «страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, потому что другие страны – восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости – хотят следовать ей»³. Мягкая сила подразумевает добровольное принятие целей внешней политики страны элитой или общественностью в государствах-мишениях из-за принятия ее норм. Эти нормы могут быть связаны с институтами или культурой страны⁴, однако для того чтобы они стали инструментами мягкой силы, всегда будут необходимы добровольное принятие и убеждение. Как лаконично выразился Т. Огузлу, «быть мягкой силой в этом контексте означало бы, что другие субъекты изменят свое поведение в соответствии с предпочтениями обладателя власти не потому, что обладатель власти побуждает их производить расчет затрат и выгод, а потому, что они считают личность и политику обладателя власти

¹ Ciftci S., Güneş M.T. Soft Power, Religion, and Anti-Americanism in the Middle East // Foreign Policy Analysis. – 2016. – N 3. – P. 374–394. – DOI: 10.1111/fpa.12090.

² Nye Jr J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – Public affairs, 2004. – P. 166.

³ Ibid. P. 5.

⁴ Bertelsen R.G. Private Foreign-Affiliated Universities, the State, and Soft Power: The American University of Beirut and the American University in Cairo // Foreign Policy Analysis. – 2012. – N 3. – P. 293–311. – DOI: 10.1111/j.1743-8594.2011.00163.x.

законными⁵. Легитимность и привлекательность внешней политики государства будут укрепляться в той мере, в какой государство будет позитивно восприниматься другими⁶. Турция все больше становится привлекательной моделью на Ближнем Востоке благодаря своему культурному подъему, внешне впечатляющему экономическому развитию и демократическим институтам^{7 8}. Пока наличие привлекательных идей или институтов, завоевание сердц и умов общественности в других странах имеет решающее значение для того чтобы сделать внешнеполитические цели государства легитимными в глазах других. Таким образом, представляется разумным измерить общественное восприятие, чтобы оценить, находит ли мягкая сила отклик у граждан других стран. Исследования, посвященные росту турецкой мягкой силы, показали, что такие факторы, как двойственность светскости и исламизма, умеренная религиозность и турко-османская идентичность, способствуют позитивному восприятию Турции как регионального лидера в регионах Ближнего Востока и Средней Азии⁹. В недавнем исследовании¹⁰ показано, что экономическая и политическая привлекательность турецкой модели растет не только среди общественности, но и среди элит и интеллектуалов. В дополнение к повышению привлекательности институтов и экономической мощи страны, мягкая сила также может быть реализована культурными и символическими средствами. Например, Турция использовала

⁵ Oğuzlu T. Soft Power in Turkish Foreign Policy // Australian Journal of International Affairs. – 2007. – N 1. – P. 81–97. – DOI: 10.1080/10357710601142518.

⁶ Shih Chih-yu. Assigning Role Characteristics to China: The Role State versus the Ego State // Foreign Policy Analysis. – 2012. – N 1. – P. 71–91.

⁷ Ciftci S., Güneş M.T. Soft Power, Religion, and Anti-Americanism in the Middle East // Foreign Policy Analysis. – 2016. – N 3. – P. 374–394. – DOI: 10.1111/fpa.12090.

⁸ Ari T. Soft Power of Turkey and the Perception in the Middle East Until Arab Spring // ResearchGate. – 2019. – P. 15–17. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331261840_Soft_Power_of_Turkey_and_the_Perception_in_the_Middle_East_Until_Arab_Spring (дата обращения: 01.10.2023).

⁹ Ciftci S., Güneş M.T. Soft Power, Religion, and Anti-Americanism in the Middle East // Foreign Policy Analysis. – 2016. – N 3. – P. 374–394. – DOI: 10.1111/fpa.12090.

¹⁰ Ari T. Soft Power of Turkey and the Perception in the Middle East Until Arab Spring // ResearchGate. – 2019. – P. 10. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331261840_Soft_Power_of_Turkey_and_the_Perception_in_the_Middle_East_Until_Arab_Spring (дата обращения: 01.10.2023).

кинематограф, свое историческое наследие и культуру, чтобы стать центром притяжения.

Помощь – это еще один инструмент внешней политики, который может быть использован для продвижения имиджа страны в мире¹¹. К. Каваклы¹² утверждает, что гуманитарная помощь может в большей степени способствовать достижению популистских целей, и, следовательно, правительства могут быть склонны увеличивать объем гуманитарной помощи странам-получателям в соответствии с этническими или религиозными особенностями их граждан. Экономическая помощь, с другой стороны, может принести пользу частным интересам или торговую выгоду стране. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (далее – ТИКА) играет важную роль в реализации турецких стратегий мягкой силы, распределяя турецкую помощь по всему миру. ТИКА было создано в 1992 г. с целью расширения связей с республиками Центральной Азии. С 2004 г. оно набрало значительную популярность и расширило свою деятельность, включив в нее 150 стран и 61 координационное бюро. Официальная помощь Турции в целях развития (далее – ОПР) увеличилась с 85 млн долл. в 2002 г. до 8,12 млрд долл. в 2017 г., что сделало Турцию одним из лидеров по оказанию гуманитарной помощи в мире¹³. По состоянию на 2017 г. Турция занимала 6-е место по общему объему ОПР.

В то же время турецкая гуманитарная помощь направляется в нуждающиеся регионы по некоторым каналам: через ТИКА, через турецкие государственные учреждения и через неправительственные организации, зарегистрированные на территории Турции. В 2018 г. Турция предоставила гуманитарную помощь на сумму 7,3 млрд долл. Эта помощь достигла уровня 7,6 млрд долл. в 2019 г. В 2020 г. гуманитарная помощь реализована в размере 7,2 млрд долл. В 2018 и 2019 гг. отношение ОПР к валовому национальному продукту составляло 1,1 и 1,15% соответственно, тогда как в 2020 г. это соотношение было на уровне 1,14%.

¹¹ Milner H.V., Tingley D. Sailing the Water's Edge: The Domestic Politics of American Foreign Policy. – Princeton, Princeton University Press, 2015. – 352 p.

¹² Kavakli K.C. Domestic Politics and the Motives of Emerging Donors: Evidence from Turkish Foreign Aid // Political Research Quarterly. – 2018. – N 3. – P. 614–627.

¹³ TIKA. About Us. – URL: https://www.tika.gov.tr/en/page/about_us-14650 (дата обращения: 01.06.2023).

Такие турецкие организации, как Президентство по управлению бедствиями и чрезвычайными ситуациями (AFAD), Турецкий Красный Полумесяц и ТИКА, являются пионерами в области оказания и доставки гуманитарной помощи, а также осуществляют превентивное сотрудничество в целях развития регионов, пострадавших от природных и экологических бедствий, голода и засухи, гуманитарных кризисов, таких как война, политических конфликтов и гражданских войн во многих частях мира. Помимо деятельности по оказанию гуманитарной помощи в таких странах, как Палестина, Судан, Индонезия, Шри-Ланка, Киргизия, Косово, Сомали и Пакистан, Турецкий Красный Полумесяц провел множество благотворительных мероприятий. Он (полумесяц) также сосредоточивает свои проекты в нуждающихся странах в таких областях, как строительство и обеспечение функционирования жилья, школ, общественных центров, мест отправления культа, других объектов, обеспечение и поддержка средств к существованию, здравоохранение, образование, социальная помощь, сельское хозяйство и ирригация. В настоящее время Турецкий Красный Полумесяц имеет постоянные представительства в 16 странах мира¹⁴.

Турция продолжает свою деятельность по развитию и оказанию гуманитарной помощи в странах, переживающих гуманитарный кризис, таких как Сирия, Палестина, Афганистан, а также в странах Африки¹⁵. В 2020 г. на передний план вышла гуманитарная помощь людям, лишившимся возможности обеспечения своих базовых потребностей во время палестинской блокады; людям, пострадавшим во время взрыва в порту Бейрута в 2020 г.; солдатам, раненным в ходе карабахской войны, и гражданам Азербайджана, которые были вынуждены покинуть свои дома в результате атак на места их проживания¹⁶.

Приоритетным направлением оказания гуманитарной помощи для Турции являются страны с мусульманским большинством¹⁷.

¹⁴ Turkish Development Assistance Report 2020. – Ankara: TİKA Yayınları, 2020. – P. 174.

¹⁵ Ibid. P. 153.

¹⁶ Ibid. P. 152.

¹⁷ Kavaklı K.C. Domestic Politics and the Motives of Emerging Donors: Evidence from Turkish Foreign Aid // Political Research Quarterly. – 2018. – N 3. – P. 614–627.

Палестина была одним из главных ее получателей, что было необходимо Турции для повышения своего имиджа. Реклама ОПР и гуманитарной помощи Палестине, по-видимому, принесли внутривополитические дивиденды, учитывая идеологические убеждения правящей Партии Справедливости и Развития (далее – ПСР) и чувствительность общественности к палестинскому делу. Последнее также может быть фактором, определяющим отношение к Турции среди иностранной общественности. При прочих равных условиях, статус защитника палестинского дела должен способствовать формированию положительного представления о носителе этого статуса, которое достигается на арабской улице, а также, в меньшей степени, среди населения в странах с мусульманским большинством. Гамаль Абдель Насер, например, приобрел популярность среди арабских граждан за свою поддержку палестинского дела в 1960-х годах. Другие, включая Хомейни и Саддама Хусейна, придерживались схожих стратегий, чтобы заручиться общественной поддержкой своих действий. Согласно результатам последних опросов «Арабского барометра», большинство арабских граждан придерживаются неблагоприятного мнения об Израиле и поддерживают независимость Палестины. Например, когда граждан восьми арабских стран¹⁸ спросили о стране, которая представляет наибольшую угрозу для их родины, 38% указали Израиль, за которым следуют Соединенные Штаты с 14%. Доля респондентов, которые видят в Израиле наибольшую угрозу безопасности, достигает 39% в Алжире, 43 в Ливане и 63% в Египте.

Учитывая подобные общественные настроения, поддержка палестинского народа, вероятно, повышает имидж лидера и ее страны среди граждан Ближнего Востока. Турецкую помощь Палестине, таким образом, следует рассматривать в свете данных общественных настроений. Доля Палестины в турецкой помощи, особенно в гуманитарной, постепенно увеличивалась в течение последнего десятилетия. Наряду с Сирией и Йеменом Палестина является одним из постоянных получателей турецкой гуманитарной помощи. Среди стран, получивших наибольшие выгоды от ОПР в рамках двусторонних отношений между странами, Палестина занимала 5 место после таких стран, как Сирия, Албания,

¹⁸ Arab Barometer. – URL: <http://www.arabbarometer.org> (дата обращения: 01.06.2023).

Ирак и Афганистан. Размер помощи составил 32,96 млн долл. США по данным на 2020 г.¹⁹ В таблице 1 показаны объемы турецкой ОПР Палестине с 2005 по 2017 г.²⁰

**Таблица 1
Объемы ОПР Палестине (2005–2017) в млрд долл. США**

Год	Объем ОПР (млрд долл. США)
2005	11,16
2006	20,34
2007	14,22
2008	20,18
2009	48,20
2010	27,83
2011	25,92
2012	51,23
2013	69,48
2014	65,91
2015	29,83
2016	43,12
2017	40,60

В целом, ОПР Палестине в абсолютном выражении постоянно увеличивается. Помощь значительно увеличилась в 2009 г., однако уже в 2010 г. существенно (однако временно) сократилась в связи с тем, что 2009–2010 гг. были отмечены серьезным экономическим кризисом. Также снижение турецкой помощи в 2010 г. может быть обусловлено логистическими причинами, поскольку Израиль ужесточил блокаду против любого вида помощи Западному берегу и сектору Газа в этот период времени. Наибольшее

¹⁹ Turkish Development Assistance Report 2020. – Ankara: TİKA Yayınları, 2020. – P. 20.

²⁰ Эртем Х.С. Возможности и ограничения Турции в решении социально-экономических проблем Палестины. Ertem H.S. Filistin'in Sosyo-Ekonomik Sıkıntılarının Giderilmesinde Türkiye'Nin İmkan ve Sınırları // Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi. – 2019. – N 1. – S. 133–168. – Турсц. яз.

увеличение турецкой помощи наблюдается в период 2012–2014 гг. Эти временные рамки соответствуют важным международным событиям: «Арабская весна», гражданская война в Сирии и расцвет так называемого Исламского государства (деятельность организации запрещена на территории РФ – Прим. ред.). Внутри страны ПСР пришлось столкнуться с серьезными проблемами, начиная от протестов в парке Гези и заканчивая политическим столкновением с движением Фетхуллаха Гюлена и интернационализацией курдского повстанчества. Хотя имеющиеся данные не способствуют выяснению последствий этих событий для турецкой помощи Палестине, они показывают, что размер колебался с течением времени в зависимости от международных и внутренних событий.

ОПР и турецкая гуманитарная помощь в Палестине используются для различных проектов, включая инвестиции в сферы здравоохранения, образования, инфраструктуру водоснабжения и санитарии, профессиональную подготовку и жилье. Хотя эти проекты осуществляются в разных населенных пунктах, число проектов, реализуемых в Секторе Газа, увеличилось. В ежегодных отчетах ТИКА содержится обзор проектов гуманитарной помощи, осуществляемых под руководством Турции на ежегодной основе. В таблице 2 представлены наиболее значимые из них.

Таблица 2
Проекты гуманитарной помощи Турции в Палестине

Год	Сфера	Местность	Вид помощи
2010	образование	Калькилия, Западный берег	постройка турецкой школы
	профессиональная переподготовка	Палестина	организация курсов по подготовке специалистов в области сельского хозяйства
2011	водные ресурсы	Газа: Хан Юнис, Рафах, Дайр аль-Балях, Бейт Ляхъя	бурение скважин, прокладка канализаций
2012	образование	Палестина	учреждение стипендий, организация академического и профессионального обучения для нетрудноспособных граждан

Год	Сфера	Местность	Вид помощи
	профессиональная переподготовка	Палестина	подготовка полицейских и медицинских кадров и специалистов в области финансов и сельского хозяйства
	здравоохранение	Тубас, Западный Берег	постройка городской больницы в Тубасе
	водные ресурсы	Рафах, Газа	прокладка колодцев
2013	образование	Наблус, Западный Берег	постройка школы для девочек в Наблусе
		ЗБ: Хеврон, Иерусалим	постройка начальной школы Аль-Халиль и турецкой школы Низамийе
	профессиональная переподготовка	Палестина	подготовка полицейских, медицинских кадров и инженеров в области водных систем
	водные ресурсы	Джебалия, Газа	прокладка колодцев и синей инфраструктуры
	пожертвования	Газа	передача сельскохозяйственных машин и топлива
	образование	Наблус, ЗБ	ремонт школы Аль-Фатмийе, покупка и расстановка мебели для школы для девочек в Наблусе
		Иерусалим, ЗБ	оснащение компьютерного класса в школе для беженцев
		Хеврон, ЗБ	постройка и оснащение начальной школы Аль-Халиль
2014	здравоохранение	Газа	постройка «Больницы имени палестино-турецкой дружбы»
		Тубас, ЗБ	оснащение турецкой больницы в Тубасе мебелью
		Аль-Бира, ЗБ	расширение больницы в Аль-Бира
	профессиональная переподготовка	Палестина	подготовка медперсонала, статистиков, сотрудников почты и рабочих
	пожертвования	Палестина	медицинское оборудование и транспорт

Год	Сфера	Местность	Вид помощи
2015	образование	Палестина	учреждение 13 студенческих стипендий
		Газа	учреждение стипендий для студентов из Газы, помочь обучающимся в Турции
	здравоохранение	Газа, Газа	завершение строительства больницы Турецко-Палестинской дружбы
	профессиональная переподготовка	Палестина	подготовка полицейских и инженеров
	пожертвования	Палестина	медицинское оборудование
2016	профессиональная переподготовка	Рафах, Газа	подготовка инженеров
	пожертвования	Палестина	медицинское оборудование
2017	образование	Палестина	техническое обслуживание школ
	пожертвования	Палестина	медицинское оборудование
	строительные работы	Тулькарм, Западный берег	строительство жилых домов в Аль-Вусте
		Газа	строительство жилых домов в долины Газы
2018	здравоохранение	Газа	оснащение больницы Турецко-Палестинской дружбы
	водные ресурсы	Газа, Газа	постройка водоочистительных сооружений
	профессиональная переподготовка	Джанин, Западный берег	подготовка специалистов в сельском хозяйстве
		Газа	подготовка кадров силовых и охранных ведомства
	строительные работы	Газа	реконструкция жилых домов, постройка энергетических станций
2019	профессиональная переподготовка	Палестина	обучение полицейских кадров
	пожертвования	Палестина	передача почтового транспорта
2020	здравоохранение	Аль-Исраа, ЗБ	медицинское оборудование для роддома
	энергетика	Восточный Иерусалим	установка солнечных панелей для школы и ее общежития

Год	Сфера	Местность	Вид помощи
	пожертвования	Палестина	швейное оборудование для повышения квалификации швей
2021	здравоохранение	Газа	обеспечение 10 человек протезированием глаз
	энергетика	Хеврон, ЗБ	обеспечение солнечными батареями 10 школ и 6 жилых домов
2022	культура	Палестина	реконструкция зданий Международной консерватории им. Э. Саида
	строительные работы	Восточный Иерусалим	строительство общежития им. Тензиле Эрдоган для студенток университета

В целом, турецкая ОПР и гуманитарная помощь в Палестине осуществляются в различных областях, включая здравоохранение, образование, профессиональную переподготовку, услуги водоснабжения и обеспечение жильем. Ежегодные отчеты упоминают строительство и оснащение школ и больниц в сообщениях о турецкой помощи в Палестине. Географическое распределение мероприятий по оказанию помощи на уровне мухафаз не имеет четко видимой структуры, однако большинство мероприятий, касающихся инфраструктуры водоснабжения и доступа к чистой воде, сосредоточено в мухафазе Газа.

Более того, поскольку во время 51-дневной израильской атаки 2014 г. 23 из 142 школ в стране пришли в негодность, а около 9,6 тыс. учеников потеряли возможность получить образование, по данным отчета ТРВ 2015 г.²¹, Палестина ощущала острую нехватку образовательных учреждений. Строительство и оснащение школ, как представляется, осуществляется в основном в мухафазах Западного берега. Также среди проектов можно вспомнить турецкую школу для девочек в Калькилии, турецкую школу для девочек и начальную школу в Хевроне и другие школы в Иерусалиме. Турецкое правительство строит и оснащает больницы как в Газе, так и на Западном берегу, но самая большая больница построена в Газе

²¹ Мечети в Секторе Газа. Gazze Camileri // Türkiye Dinayet Vakfı. – Турец. яз. – URL: <https://tdv.org/tr-TR/proje/gazze-camileri/> (дата обращения: 01.06.2023).

(так называемая «Больница турецко-палестинской дружбы»). Среди недавно завершенных проектов ТИКА в Палестине – обеспечение больницы Аль-Исраа на Западном берегу необходимым оборудованием. Неонатальному отделению больницы Аль-Исраа на оккупированном Западном берегу были предоставлены пять инкубаторов с целью улучшения инфраструктуры здравоохранения в Палестине и охраны здоровья матери и ребенка²².

Медицинские и сельскохозяйственные пожертвования и поддержка палестинцев в обучении различным профессиям довольно распространены в палестинских мухафазах. Обеспечение основанной в 1949 г. неправительственной организации «Институт сирот Аль-Амаль» швейным, вязальным и вышивальным оборудованием для того, чтобы позволить женщинам региона пройти курсы повышения квалификации и иметь возможность в дальнейшем обеспечивать себя доходом²³.

Отчеты ТИКА также выделяют несколько академических стипендий в качестве заметных мероприятий, проводимых в Палестине. Прошлые исследования подчеркивали важность телешоу, культурных мероприятий, институтов, идентичности и экономической мощи в формировании позитивного восприятия Турции как регионального игрока на Ближнем Востоке.

Недавние исследования показали, что гуманитарная помощь²⁴ и турецкие стипендии²⁵ помогают в улучшении международного имиджа Турции. Инструментарий мягкой силы также включает строительство больниц, школ и колодцев, пожертвование медицинского оборудования и обучение различных экспертов. Например, среди проектов и мероприятий, осуществленных Главным управлением безопасности Турецкой Республики, стоит упомянуть проведение в рамках программы обмена опытом обучения 378 сотруд-

²² Turkish Development Assistance Report 2020. – Ankara: TİKA Yayınları, 2020. – P. 62.

²³ Ibid. P. 92.

²⁴ Kavakli K.C. Domestic Politics and the Motives of Emerging Donors: Evidence from Turkish Foreign Aid // Political Research Quarterly. – 2018. – N 3. – P. 614–627.

²⁵ Aras B., Zulkarnain M. The Turkish Government Scholarship Program as a Soft Power Tool // Turkish Studies. – 2019. – N 3. – P. 421–441.

ников службы безопасности из Афганистана, Судана, Азербайджана, Туниса, Палестины, Казахстана, Узбекистана и Кении²⁶.

Также можно обратить внимание на некоторые различия в географическом распределении экономической и гуманитарной помощи в Палестине. TIKA сосредоточивает большую часть своей образовательной инфраструктуры на Западном берегу, а проекты по обеспечению доступа к чистой воде – в Газе. В последнее время особое внимание уделяется жилищному строительству, особенно в Газе.

Благодаря турецкой помощи в Палестине уже достаточно давно происходит развитие «зеленой» энергетики. В частности, после открытия в Газе координационного офиса TIKA в 2012 г. одним из приоритетных направлений оказания помощи региону является обеспечение возобновляемыми источниками энергии²⁷. Так, было принято решение установить систему получения и использования солнечной энергии в областях, где проживают бедуины. К 2017 г. TIKA поставила и установила солнечные панели для 22 семей бедуинов общей численностью 350 человек, проживающих в сельской местности Западного берега Вифлеема, у которых не было средств для обеспечения необходимой им электроэнергией. Благодаря проекту, который позволил вырабатывать 8 кВт электроэнергии без каких-либо дополнительных затрат, заработали водяные насосы, и 500 человек получили доступ к воде из резервуара для воды в районе Абу-Зайтун. Сейчас в общей сложности 850 человек пользуются водой, поступающей в регион в рамках проекта.

Данный проект не только облегчил жизнь бедуинов, у них также появилась возможность перерабатывать молоко и молочные продукты на месте и более квалифицированным образом, с помощью современных маслобойных устройств. Таким образом, сейчас бедуины имеют возможность продолжать заниматься животноводством, которое является их основным источником дохода²⁸.

²⁶ Turkish Development Assistance Report 2020. – Ankara: TİKA Yayınları, 2020. – P. 99.

²⁷ Палестина 2017. Filistin 2017 // TIKA. – Турец. яз. – URL: https://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/Filistin/Filistin_Kitapçık_WB.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

²⁸ Ibid.

Успешно реализуется также первый этап проекта установки систем солнечной энергии в Газе. Проект направлен на решение проблемы дефицита электроэнергии в регионе. На первом этапе проекта «Солнечная энергетическая система Газы», осуществляющегося в сотрудничестве с Министерством энергетики Палестины и Управлением энергетики Газы, солнечные панели были установлены в начальной школе для девочек Аш-Шайма, клинике Аш-Шайма и клинике Шейха Радвана в районе Бейт-Ханун сектора Газа. В дополнение к школам и клиникам, где реализуется проект, домохозяйства в непосредственной близости также получают определенную выгоду от электроэнергии, которая производится благодаря проекту²⁹. Второй этап проекта успешно реализуется в наши дни – продолжается установка солнечных панелей в некоторых общественных зданиях, в первую очередь в учреждениях здравоохранения. Так, в 2020 г. 118 солнечных панелей установлены на территории школы Дар ат-Тифл и ее общежития – одного из старейших учебных заведений в оккупированном Восточном Иерусалиме. Потребность школьного городка в электроэнергии теперь полностью обеспечивается за счет установки солнечной энергетической системы³⁰.

Одним из учреждений по оказанию помощи Палестине является Турецкий религиозный вакф (далее – ТРВ), который осуществляет проекты в регионах, где происходят такие бедствия, как война, кризис, землетрясение, наводнение и засуха. Основные продукты питания и предметы первой необходимости доставляются в эти регионы через волонтеров и официальных лиц. История вакфа насчитывает более 40 лет. Сейчас ТРВ имеет 998 представительств в 102 странах мира.

С 1992 г. вакф работает в Румынии, Болгарии, Косово, Грузии, Азербайджане, Киргизии, Казахстане, Пакистане, Монголии, Афганистане, Бангладеш, Малайзии, Сомали, Судане, Танзании, Палестине, так называемом Северном Кипре и на Гаити с целью поддержки родственных общин в сфере образования и культуры.

²⁹ Палестина 2017. Filistin 2017 // TIKA. – Турец. яз. – URL: https://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/Filistin/Filistin_Kitapçık_WEB.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

³⁰ Turkish Development Assistance Report 2020. – Ankara: TİKA Yayınları, 2020. – P. 122.

Вакф построил школы, курсы Корана и студенческие общежития, отремонтировал и переоборудовал существующие школы и сделал их доступными для тысяч студентов. Поддержка этих образовательных учреждений, созданных за рубежом, продолжалась и в 2022 г.³¹

С 1995 г. ТРВ строит мечети в Палестине, оказывает образовательную и стипендиальную поддержку палестинским студентам, раздает базовые продукты питания, организует iftar и программы помохи в Рамадан, жертвоприношения, раздачу продуктовых наборов. Вакф реализовал такие проекты, как раздача кроватей, обогревателей и одеял тем, чьи дома были повреждены в результате израильских нападений, и помохъ генераторами в регионах, где потребность в электроэнергии находится на критическом уровне.

В 2002 г. в рамках проекта под названием «Поделись и стань ближе к своему брату» организация осуществила пожертвования в 339 регионах 77 стран, включая страны Африки, Балкан, Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока и Южной Америки и на Ближнем Востоке: в особенности, Афганистан, Сирию, Ирак и Палестину, где бедность и кризисы особенно сильны³². С 2008 г., когда израильские атаки усилились, ТРВ предоставил Палестине натуральную, наличную и гуманитарную помощь на сумму 34,8 млн лир.

В 2015 г. ТРВ было проведено исследование гуманитарной ситуации в Газе, опубликованное в форме отчета³³. Десять лет назад около 16% палестинцев страдали от недоедания. В последние годы этот показатель удвоился³⁴. Причиной этому является израильское эмбарго, которое действует в Газе с 2007 г. Из-за блокады гражданское население ущемлено в таких сферах, как здра-

³¹ Годовой отчет о деятельности Турецкого религиозного фонда 2022 г. Türkiye Diyanet Vakfı 2022 Yılı Faaliyet Raporu // Türkiye Diyanet Vakfı. – 2022. – Р. 23. – Турец. яз.

³² Turkish Development Assistance Report 2020. – Ankara: TİKA Yayınları, 2020. – Р. 178.

³³ Отчет по Газе Палестины (Март 2015). Filistin Gazze Raporu (Mart 2015). – Ankara: TDV Yayınları, 2015. – Р. 16. – Турец. яз.

³⁴ Карта голода в исламском мире. İslam Dünyasının Açlık Haritası. – Турец. яз. – URL: <http://www.aljazeera.com.tr/interaktif/islam-dunyasinin-aclik-haritasi> (дата обращения: 01.06.2023).

воохранение и образование. Жители региона лишены своих основных прав во многих областях. Непропорциональное применение силы Израилем наносит тяжелый ущерб как окружающей среде, так и людям³⁵.

После израильских нападений на Газу в прошлом году ТРВ организовал кампанию по предоставлению пострадавшим еды и жилья. В 2014 г. вакф открыл столы для iftara в Газе, раздал продовольственные наборы тысячам семей и обеспечил в общей сложности 5610 кроватей и 4457 одеял тем, кто нуждался в гуманитарной помощи после израильского нападения. Для обеспечения бесперебойной подачи электроэнергии ТРВ доставил четыре больших генератора и 40 тыс. л топлива муниципалитету Джебалие для использования в больницах в случае отключения электроэнергии. В том же году ТРВ раздал продуктовые наборы 2250 семьям из Газы на сумму 110 тыс. долл. и организовал iftar для 1250 человек.

У вакфа существуют программы по реставрации разрушенных мечетей. Помимо социальной помощи, которую ТРВ оказывает Палестине, вакф также начал работы по восстановлению девяти мечетей, разрушенных в результате израильских атак. На реконструкцию этих мечетей было выделено 18 млн лир. ТРВ отправил в Газу делегацию, которая занималась изучением местности, оценкой нанесенных мечетям повреждений. Были проведены необходимые разработки проектов восстановления и строительства мечетей, завершен процесс утверждения бюджета. После согласования проекта и проведения тендера в ближайшее время начнется реконструкция мечетей.

В декабре 2015 г. ТРВ заложил фундамент девяти мечетей. В 2016 г. было завершено строительство следующих мечетей: мечеть Эз Зухайр, мечеть Бадр, мечеть Хамза, мечеть Бухари, мечеть Хасан Эль Банна, мечеть Сафа, мусульманская мечеть, мечеть Султана Абдулхамида II и мечеть Таухид. В девяти мечетях могут молиться 40,8 тыс. человек³⁶.

³⁵ Отчет по Газе Палестины (Март 2015). Filistin Gazze Raporu (Mart 2015). – Ankara: TDV Yayınları, 2015. – Р. 16. – Турец. яз.

³⁶ Мечети в Секторе Газа. Gazze Camileri // Türkiye Dinayet Vakfi. – Турец. яз. – URL: <https://tdv.org/tr-TR/proje/gazze-camileri/> (дата обращения: 01.06.2023).

TPB придает большое значение сфере образования. С помощью программ Международной средней школы Имамов-Хатипов, программы для иностранных студентов-теологов и программы по размещению студентов-иностраниц вакф предоставляет возможность получения образования в Турции студентам из более чем 80 стран.

В сфере образования TPB всегда «поддерживал палестинских братьев и братьев из Газы». В настоящее время при материальной поддержке вакфа в Турции проходят обучение десять палестинских студентов, четверо из которых находятся на уровне магистра и шестеро на уровне докторантуры.

В 2015 г. 50 студентов из Палестины подали заявки в Международные средние школы Имамов-Хатипов на 2015–2016 учебный год. TPB предусматривает отбор 15 из них для того, чтобы покрыть все их расходы на обучение в Турции³⁷.

Сейчас именно TPB ежегодно занимается организацией благотворительных обедов в рамках проекта «Рамадан» и бурением скважин в рамках проекта «Колодец “Капля жизни”» и «Фундаментный фонтан». Например, в 2021 г. было раздано 2750 продуктовых наборов, 2 тыс. наборов для ifтара и комплекты праздничной одежды для 750 детей, также было вырыто пять колодцев, итоговое число получивших помочь достигло 16,5 тыс. человек³⁸. В 2022 г. помочь по программе «Рамадан» увеличилась: было передано 4 тыс. продуктовых наборов, проведен iftar на 8 тыс. человек и предоставлена праздничная одежда для 2400 детей, оказана гуманитарная помощь 46,4 тыс.³⁹ человек.

Еще одной важной сферой деятельности TPB является привлечение внимания общественности к событиям в Палестине: кампания под лозунгом «Стань надеждой для Палестины» была начата с целью медийного освещения нападений на Мечеть Аль-Акса и массовым убийствам в Газе.

³⁷ Отчет по Газе Палестины (Март 2015). Filistin Gazze Raporu (Mart 2015). – Ankara: TDV Yayınları, 2015. – P. 16. – Турец. яз.

³⁸ Годовой отчет о деятельности Турецкого религиозного фонда 2022 г. Türkiye Diyanet Vakfı 2022 Yılı Faaliyet Raporu // Türkiye Diyanet Vakfı. – 2022. – P. 52. – Турец. яз.

³⁹ Ibid. P. 55.

В передаче Goodness Time, транслируемой на Diyanet TV, в специальном выпуске, посвященном Палестине, эти взбудоражившие исламский мир события были освещены наряду с проектами, осуществленными вакфом в Палестине до этого времени.

Помимо телепередачи вечером того же дня в Твиттере прошла акция с хэштегом #FilistineUmutOl («Стань надеждой для Палестины»), для которой были подготовлены специальные короткометражные фильмы⁴⁰. На мероприятии, организованном Молодежным отделением ТРВ в Анталии, чтобы привлечь внимание к событиям в Палестине, аквалангисты развернули флаги Турции и Палестины во время подводного погружения⁴¹.

Вышесказанное ставит перед исследователем два вопроса: влияет ли деятельность Турции по оказанию помощи на общее мнение о Турции в Палестине? Можно ли обнаружить какое-либо влияние на отношение к Турции на субнациональном уровне в муахафазах Газа и Западный берег?

Чтобы ответить на эти вопросы, приведены некоторые данные исследований «Арабского барометра». Один из вопросов, заданных палестинцам дважды, заключался в том, считают ли респонденты Турцию абсолютной диктатурой (1) или чистой демократией (10). Этот пункт дает точечное представление о том, изменяет ли турецкая помощь палестинское общественное мнение о Турции. Стоит сказать, что первый опрос АБ был проведен в 2006 г., как раз перед тем, как турецкая помощь (как ОПР, так и гуманитарная) начала увеличиваться. Второй опрос был проведен в 2010 г. В период с 2006 по 2010 г. объем ОПР значительно увеличился (см. табл. 1). Таким образом, сроки проведения исследований благоприятствуют измерению влияния ОПР на отношение к Турции.

С другой стороны, ухудшение отношений с Израилем, не-примиримая позиция Р.Т. Эрдогана во внешней политике и его словесная поддержка палестинского дела непосредственно перед проведением второй волны могут помешать измерению эффекта сугубо оказанной Турцией помощи на воспринимаемый имидж

⁴⁰ Годовой отчет о деятельности Турецкого религиозного фонда 2022 г. Türkiye Diyanet Vakfi 2022 Yılı Faaliyet Raporu // Türkiye Diyanet Vakfi. – 2022. – P. 37. – Турец. яз.

⁴¹ Ibid. P. 60–61.

Турции. Также стоит отметить, что этот вопрос является хорошим показателем для оценки мягкой силы страны и положительного отношения к ней в целом, поскольку за демократию выступает подавляющее большинство политически активных жителей арабского мира. Наконец, поскольку реальное состояние демократии в Турции существенно не изменилось между этими датами, мы можем быть достаточно уверены, что любые изменения, которые мы наблюдаем, связаны с турецкой помощью и позицией Турции в отношении Израиля, а не со сменой режима. На графике 1 показано распределение респондентов (%) по категориям ответов на вопрос «Положительно ли Вы относитесь к тем или иным региональным или международным политическим игрокам?».

Популярность региональных и мировых лидеров
у палестинской общественности

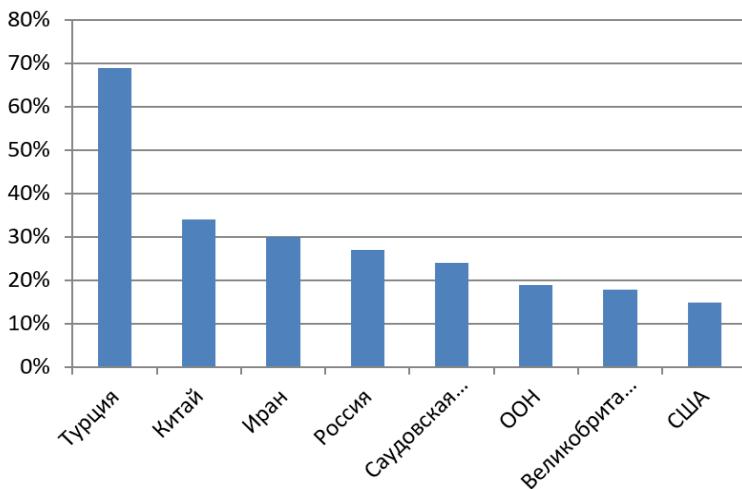

График 1. Ответы палестинских респондентов на вопрос
«Положительно ли Вы относитесь к тем или иным региональным
или международным политическим игрокам?»⁴²

⁴² Arab Barometer VII. Palestine Report. – P. 63. – URL: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Arab-Barometer-VII_Palestine-Report-2021-2022.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

График 1 подтверждает предположение о влиянии турецкой гуманитарной помощи и изменении внешнеполитической риторики в отношении Израиля на отношение к стране палестинского народа. В 2006 г. большинство палестинских респондентов негативно относились к Турции в той степени, в какой они не считали ее полноценной демократией. Однако в 2010 г. уже большая часть палестинцев воспринимала Турцию как страну с абсолютной демократией и, следовательно, относилась к ней позитивно⁴³. Итак, поскольку турецкая помощь оказывалась в условиях ухудшения турецко-израильских отношений, совокупное общественное мнение в Палестине сместились в сторону благоприятной позиции для Турции.

Таким образом, деятельность ТИКА наряду с изменением официальной риторики внесла свою лепту в достижение целей стратегий мягкой силы, улучшив имидж Турции в Палестине. Однако, существует ли различие восприятия палестинскими гражданами Турции в различных мухафазах: Газе и на Западном берегу? Совокупные показатели общественного мнения ограничены тем, что не учитывают социально-экономические различия на субнациональном уровне. В тех же опросах, проведенных АБ, содержался вопрос о том, считают ли респонденты, что экономические отношения между Турцией и Палестиной должны укрепиться, остаться прежними или ухудшиться. Этот вопрос был также дважды задан в двух опросах АБ тех же лет (2006 и 2010 гг.). На графике 2 показана разница между этими двумя волнами в процентах респондентов, которые сообщили, что экономические отношения должны улучшиться. Положительные значения показали, что восприятие Турции со временем стало более позитивным, в то время как отрицательные значения показали снижение.

⁴³ Ceyhun H.E. Turkey in the Middle East // Arab Barometer. – 07.08.2018. – URL: <https://www.arabbarometer.org/publication/turkey-in-the-middle-east/> (дата обращения: 01.06.2023).

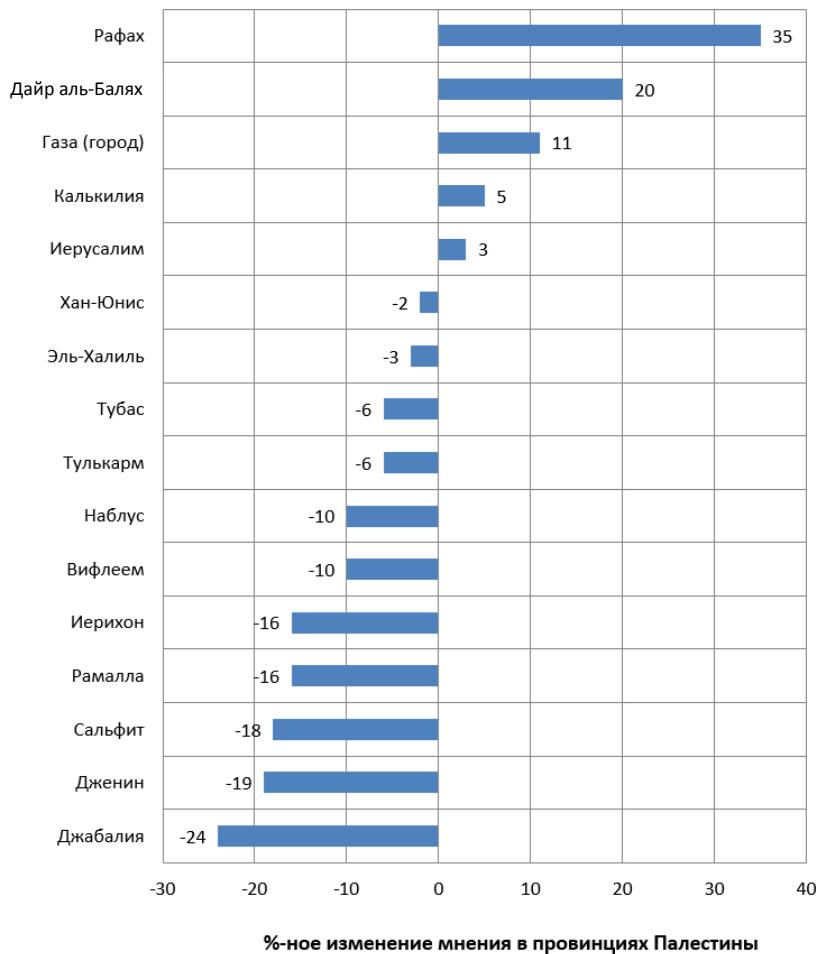

График 2. Динамика отношения палестинцев к турецкой помощи:
ответы на вопрос «Должны ли отношения Турции и Палестины
становиться крепче?»⁴⁴

⁴⁴ Israel or Iran: Which is the greater perceived threat? – URL: <https://www.arabbarometer.org/2019/09/israel-or-iran-which-is-the-greater-perceived-threat/> (дата обращения: 01.06.2023).

Согласно данным регулярных отчетов ТИКА, турецкая помощь сосредоточена в нескольких муахафазах: Газа (Рафах, Дайр аль-Балях, город Газа, Хан-Юнис), Калькилия, Иерусалим и Тубас. Из этих муахафаз именно Газе было оказано более всего помощи, связанной с облегчением доступа к чистой воде, инвестициями в здравоохранение и гуманитарной помощи. График 2 иллюстрирует резкое различие между некоторыми из этих муахафаз и теми, которые не так часто упоминаются в отчетах ТИКА. Например, три муахафазы Газа (Рафах, Дайр аль-Балях и город Газа) входят в тройку лидеров, где положительный имидж Турции со временем укрепился. ТИКА открыла и закупила мебель для нескольких школ в Калькилии и Иерусалиме, и в этих муахафазах позитивное восприятие Турции находится на высоком уровне.

Однако в большинстве муахафаз Западного берега позитивное восприятие Турции снизилось за время между двумя опросами. Следует отметить, что большинство людей в этих муахафазах все еще считают, что экономические отношения с Турцией должны улучшиться, но почему-то наблюдается снижение позитивного восприятия. В целом предварительные данные свидетельствуют о том, что турецкая помощь Палестине оказывает положительное влияние на имидж Турции как на национальном, так и на субнациональном уровне в палестинских муахафазах. Эти результаты следует интерпретировать осторожно, поскольку опросы не являются репрезентативными (в особенности на уровне муахафаз). Кроме того, опросы могут отражать возможный эффект израильской блокады, активизацию деятельности по созданию еврейских поселений, а также растущего военного вмешательства Израиля – все это могло повлиять на ответы респондентов.

В данном исследовании для объяснения причин и целей внешней политики эпохи ПСР и результатов турецких стратегий мягкой силы в Палестине использовался комплексный подход, выраженный в рассмотрении как внутренних, так и международных факторов. Анализ непосредственно самих инструментов мягкой силы сосредоточен на классификации турецкой помощи и описании результатов восприятия Турции палестинцами в целом и в различных муахафазах.

Исторически турецко-палестинские отношения в значительной степени определялись лишь потребностями Турции в области

национальной безопасности и инструментальной ценностью Израиля в мироустройстве времен Холодной войны, вплоть до эпохи ПСР. Однако благодаря обновлению внешнеполитических задач в XXI в. Турция постепенно перешла к открытой пропалестинской позиции, хотя отношения с Израилем продолжали улучшаться в деле экономической и энергетической политики.

* * *

Новый внешнеполитический курс Турции (2002 г. – н.в.) отмечен активным проведением стратегий мягкой силы, которые стали эффективными инструментами турецкой внешней политики на Ближнем Востоке. Так, турецкая помощь Палестине резко возросла в результате активизации этого направления и возникновения соответствующих институтов.

В силу большого символического значения региона палестинская политика, направленная исключительно на повышение репутации Турции как «флагмана исламского мира», является своеобразной «лакмусовой бумажкой» турецкой политики неоосманизма. Таким образом, среди последствий этой политики можно перечислить значительные электоральные дивиденды Р.Т. Эрдогану и ПСР на внутриполитическом уровне и улучшение имиджа Турции как подлинной демократии Ближнего Востока – на международном. Более того, большинство палестинских граждан желают развивать экономические связи и связи в области безопасности с Турцией. А положительный имидж в регионе, по-видимому, способствовал укреплению торгово-экономических связей с арабскими соседями Турции.

Согласно анализу объема представленной помощи, Палестина стала одним из главных ее получателей за последние годы. Распределение турецкой помощи по палестинским провинциям не имеет четкой схемы, но можно отметить приоритет мухафазы Газа в ее получении. В результате палестинцы, проживающие в трех районах Газы: Рафахе, Дайр аль-Балях и непосредственно столице (Газе), занимают наиболее выгодные позиции относительно получения помощи.

В целом вероятно, что отношения Турции с Израилем и Палестиной останутся центральными элементами турецкой внешней

политики на Ближнем Востоке в условиях стабильности вертикали власти, которую мы наблюдаем сейчас, так как турецко-израильские отношения больше не определяются исключительно дилеммой безопасности Турции, а скорее расширяющимся энергетическим сотрудничеством между двумя странами, несмотря на эмоциональные дипломатические заявления. В то же время Турция вкладывает значительные средства в Палестину во многом для того, чтобы улучшить свой имидж в мусульманском мире. Вполне вероятно, что турецкие власти продолжат проводить многоаспектные политические стратегии и не прекратят участие в сложном балансировании между Израилем и Палестиной.

Список источников и литературы

1. Годовой отчет о деятельности Турецкого религиозного фонда 2022 г. Türkiye Diyanet Vakfi 2022 Yılı Faaliyet Raporu // Türkiye Diyanet Vakfi. – 2022. – 165 p. – Турец. яз.
2. Карта голода в исламском мире. İslam Dünyasının Açlık Haritası. – Турец. яз. – URL: <http://www.aljazeera.com.tr/interaktif/islam-dunyasinin-aclik-haritasi> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Мечети в Секторе Газа. Gazze Camileri // Türkiye Dinayet Vakfi. – Турец. яз. – URL: <https://tdv.org/tr-TR/proje/gazze-camileri/> (дата обращения: 01.06.2023).
4. Отчет по Газе Палестины (Март 2015). Filistin Gazze Raporu (Mart 2015). – Ankara: TDV Yayınları, 2015. – 36 p. – Турец. яз.
5. Палестина 2017. Filistin 2017 // TİKA. – Турец. яз. – URL: https://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/Filistin/Filistin_Kitapçık_WEB.pdf (дата обращения: 01.06.2023).
6. Эртем Х.С. Возможности и ограничения Турции в решении социально-экономических проблем Палестины. Ertem H.S. Filistin'in Sosyo-Ekonominik Sıkıntılarının Giderilmesinde Türkiye'Nin İmkan ve Sınırları // Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi. – 2019. – N 1. – S. 133–168. – Турец. яз.
7. Arab Barometer VII. Palestine Report. – 67 p. – URL: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Arab-Barometer-VII_Palestine-Report-2021-2022.pdf (дата обращения: 01.06.2023).
8. Aras B., Zulkarnain M. The Turkish Government Scholarship Program as a Soft Power Tool // Turkish Studies. – 2019. – N 3. – P. 421–441.

9. Açı T. Soft Power of Turkey and the Perception in the Middle East Until Arab Spring // ResearschGate. – 2019. – 18 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331261840_Soft_Power_of_Turkey_and_the_Perception_in_the_Middle_East_Until_Arab_Spring (дата обращения: 01.10.2023).
10. Bertelsen R.G. Private Foreign-Affiliated Universities, the State, and Soft Power: The American University of Beirut and the American University in Cairo // Foreign Policy Analysis. – 2012. – N 3. – P. 293–311. – DOI: 10.1111/j.1743-8594.2011.00163.x.
11. Ceyhun H.E. Turkey in the Middle East // Arab Barometer – 07.08.2018. – URL: <https://www.arabbarometer.org/publication/turkey-in-the-middle-east/> (дата обращения: 01.06.2023).
12. Israel or Iran: Which is the greater perceived threat? – URL: <https://www.arabbarometer.org/2019/09/israel-or-iran-which-is-the-greater-perceived-threat/> (дата обращения: 01.06.2023).
13. Kavaklı K.C. Domestic Politics and the Motives of Emerging Donors: Evidence from Turkish Foreign Aid // Political Research Quarterly. – 2018. – N 3. – P. 614–627.
14. Milner H.V., Tingley D. Sailing the Water's Edge: The Domestic Politics of American Foreign Policy. – Princeton, Princeton University Press, 2015. – 352 p.
15. Nye Jr J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – Public affairs, 2004. – 208 p.
16. Oğuzlu T. Soft Power in Turkish Foreign Policy // Australian Journal of International Affairs. – 2007. – N 1. – P. 81–97. – DOI: 10.1080/10357710601142518.
17. Shih Chih-yu. Assigning Role Characteristics to China: The Role State versus the Ego State // Foreign Policy Analysis. – 2012. – N 1. – P. 71–91.
18. TIKA. About Us. – URL: https://www.tika.gov.tr/en/page/about_us-14650 (дата обращения: 01.06.2023).
19. Turkish Development Assistance Report 2020. – Ankara: TİKA Yayınları, 2020. – 189 p.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06

УДК 327

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОСТБИПОЛЯРНОЙ ЭПОХИ: РОССИЯ, «ВОСТОК» И ЗАПАД

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ Василий Дмитриевич

научный сотрудник Отдела Ближнего

и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

SPIN-код: 7086-1217

ORCID: 0000-0001-5937-8786

Для цитирования: Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4(4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.

Аннотация. Статья предлагает концептуальный анализ идеально-ценностного ландшафта постбиполярной эпохи с позиций политической аксиологии. Развитие систем международных отношений рассматривается с точки зрения развития общественно-политической мысли и ценностных ориентиров основных акторов мировой политики. Особое внимание уделяется современному положению дихотомии «Восток–Запад» в концептуальном пространстве западного политического дискурса, критическому анализу универсалистских концепций, а также соотношению концепции «многополярного мира» с культурно-историческим релятивизмом и цивилизационным разнообразием народов мира.

Ключевые слова: Россия, Восток, Запад, дихотомия «Восток–Запад», политическая аксиология, идеально-ценностный фактор, постбиполярная эпоха, многополярный мир, поликентричный миропорядок.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 123091200078-3 «Россия и Незапад в условиях трансформации идеально-ценностной конфигурации мирового порядка» в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Ideological and Value Landscape of the Post-Bipolar Era: Russia, East and West

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA

Research Fellow of the Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

SPIN-code: 7086-1217

ORCID: 0000-0001-5937-8786

For citation: Ostanin-Golovnya V.D. (2023). Ideological and Value Landscape of the Post-Bipolar Era: Russia, East and West. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(4), pp. 102–114. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.

Abstract. The article offers a conceptual analysis of the ideological and value landscape of the post-bipolar era from the standpoint of political axiology. The development of international relations systems is considered from the point of view of the development of socio-political thought and value orientations of the main actors of world politics. Particular attention is paid to the current position of the East–West dichotomy in the conceptual space of Western political discourse, the critical analysis of universalist concepts, as well as the correlation of the concept of a “multipolar world” with cultural and historical relativism and the civilizational diversity of the peoples of the world.

Keywords: Russia, East, West, East–West dichotomy, political axiology, ideological-value factor, post-bipolar era, multipolar world, polycentric world order.

Acknowledgments. The article was prepared as part of the scientific project No. 123091200078-3 “Russia and the Non-West in conditions of transformation of ideological and value configuration of world order” at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

В современной мировой политике, как верно заметил в одной из своих книг глава Министерства иностранных дел России С.В. Лавров, «конкуренция все больше приобретает цивилизационное измерение, форму соперничества ценностей и моделей раз-

вития»¹. Данные тенденции являются следствием не только разбалансировки сил и интересов на глобальной арене, но и тех трансформаций, что произошли с идеально-ценностным ландшафтом мировой политики с началом постбиполярной эпохи.

Контуры идеально-ценностного ландшафта постбиполярной эпохи

С точки зрения конструктивизма и политической аксиологии, конфигурация системы международных отношений во многом зависит от того концептуального пространства, в котором определяются ее базовые установки и фундаментальные принципы. «Политический язык» основных акторов здесь выполняет, по сути, ту же функцию, что и внутри отдельных государств, т.е. выступает в качестве инструмента «выработки, принятия и обоснования» конкретных решений². При этом одними из базовых семантических единиц институционального и неинституционального дискурса мировой политики являются разного рода идеологемы, аксиологический модус (*положительный, отрицательный или смешанный*³) которых прямо зависит как от культурно-исторической и этноконфессиональной специфики конкретного актора, так и от глобального геополитического контекста.

На протяжении нескольких веков идеально-ценностный ландшафт мировой политики развивался в рамках европоцентричной парадигмы, так как ведущая роль при формировании Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем международных отношений принадлежала государствам Запада. Прочие же страны, за исключением Османской империи и России, либо оставались на периферии данного процесса, либо находились в прямой колониальной зависимости от европейских метрополий. Выражаясь иначе, «политический язык» международных отношений изначально формировался акторами,

¹ Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. – М.: Книжный мир, 2017. – С. 467.

² Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – С. 15.

³ Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 37.

которые, несмотря на разные дискурсивные позиции и возникающие конфликты интересов, находились в общем идейно-ценостном ландшафте. Несмотря на противоречия национальных мифов и антагонистичность политических теорий, зародившихся в середине XIX – начале XX в., в западном концептуальном пространстве постепенно формировалась характерная модель развития, которая в своих ранних итерациях частично насаждалась странам Азии и Африки в рамках вестернизации колониального периода⁴.

Своеобразным апофеозом развития западной общественно-политической мысли Нового времени стал XX в., который также зачастую называют «веком идеологий». По окончании Второй мировой войны и с началом глобальной конфронтации СССР и США абсолютными доминантами идейно-ценостного ландшафта мировой политики, после совместной победы над национал-социализмом и фашизмом, стали две модели – западная (либеральная) демократия и народная (социалистическая) демократия⁵. Обе сверхдержавы, обладавшие колоссальным экономическим и военным потенциалом, на протяжении всей «холодной войны» являлись центрами притяжения для остальных стран не только в геополитическом смысле, но и в рамках идеологической ориентации. Даже среди государств-членов созданного в 1961 г. Движения неприсоединения, вопреки провозглашенному Иосипом Брозом Тито, Гамалем Абдель Насером и Джавахарлалом Неру принципам, большая часть в определенные периоды склонялась к одному из двух полюсов глобальной конфронтации⁶.

Вместе с тем важно отметить, что, с точки зрения исторического аспекта идейно-ценостного подхода, транслируемые СССР и США модели были результатом развития западной общественно-политической парадигмы, где базовые расхождения проявлялись

⁴ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценостное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 117.

⁵ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценостный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 73.

⁶ Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 13.

на уровне индивидуалистического либерального и коллективистского марксистского дискурсов. Большинство стран не-Запада, несмотря на вынужденную близость к одному из полюсов Холодной войны, не могли полностью воспринять, в силу своей культурно-исторической специфики, предлагаемые модели⁷. В некоторых случаях это приводило к возникновению в идейно-ценностном ландшафте афро-азиатского пространства таких оригинальных концепций, как *маоизм* в Китае, *чучхе* в КНДР, *баасизм* в Сирии и Ираке, *насеризм* в Египте, «третья всемирная теория» в Ливии и т.д. Отличительной чертой данных идеологий можно назвать адаптацию ряда западных идей к традиционным для перечисленных стран политическим практикам и ценностям. Выражаясь иначе, заимствованные идеологемы в «политическом языке» не-Запада получали собственное аксиологическое обоснование, что позволяло выстраивать собственный нарратив в рамках уже сложившегося концептуального пространства международных отношений.

Так или иначе, завершение Холодной войны после распада СССР в 1991 г. многими современниками данных процессов было расценено как конец «века идеологий». В евро-атлантическом обществе конца 1980-х – начала 1990-х годов рациональное восприятие объективной международной реальности зачастую уступало место неоправданному триумфализму, связанному прежде всего с исчезновением сверхдержавы-антагониста и фактическим провалом марксистско-социалистического глобального проекта⁸. Классическим примером здесь является выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой через серию эссе и книгу 1989–1992 гг. тезис о «конце истории», согласно которому победа Запада в Холодной войне приведет к глобальному распространению либерально-демократической модели развития, что, по мнению автора, должно было свидетельствовать о «конечной точке социокультурной эволюции человечества»⁹. Однако, вопреки ожиданиям западных триумфа-

⁷ Pye Lucian W. The Non-Western Political Process // The Journal of Politics. – 1958. – Vol. 20, N 3. – P. 468–486.

⁸ Narine S. The End of Western Triumphalism and the Return of the Sovereign State // FULCRUM. – 24.02.2021. – URL: <https://fulcrum.sg/the-end-of-western-triumphalism-and-the-return-of-the-sovereign-state/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 2006. – 464 p.

листов, унификации идеально-ценностного ландшафта мировой политики не произошло. Наоборот, в концептуальное пространство международных отношений стало отходить от дискурса, выстроенного вокруг западных идеологий, на фоне возросшего влияния этноконфессионального фактора¹⁰.

При этом насаждение «универсальной» либерально-демократической модели и присущих ей ценностей в рамках западоцентристичной глобализации обществам не-Западного культурно-исторического типа привело отнюдь не к гармонизации международных отношений, а вызвало обострение этнических и конфессиональных вопросов в целом ряде регионов и, особенно, на афро-азиатском пространстве. Одним из первых на актуализацию цивилизационного фактора на мировой арене в постбиполярную эпоху обратил американский политолог Самюэль Хантингтон. Среди основных тезисов его знаменитой книги 1996 г. было утверждение, согласно которому убежденность Запада в универсальности его ценностей и политических моделей является «наивным заблуждением», а дальнейшее развитие выстроенной вокруг них системы международных отношений будет лишь обострять культурно-исторические противоречия, что, в свою очередь, приведет к тому самому «столкновению цивилизаций» на уровне полномасштабных межгосударственных конфликтов¹¹. Конечно, многие представители академического сообщества справедливо критикуют аргументацию, выводы и прогнозы Хантингтона, но в целом американский политолог верно указал основные тенденции трансформации идеально-ценностного ландшафта в постбиполярный период, где по завершении Холодной войны ведущая роль должна перейти от политических идеологий к идентичностям, в основе которых лежат этнические культуры и религии¹².

¹⁰ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 74.

¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимееева. – М.: АСТ, 2021. – С. 29–30.

¹² Там же. С. 15.

Дихотомия «Восток–Запад» в мировой политике

Конечно, в рамках дискурса о культурно-исторических типах (или цивилизациях), границы каждой общности являются сложным вопросом. Границы той же Европы – исторического ядра Запада – носят, как отметил в своей работе Талал Асад, «символический характер», но, с точки зрения мировой политики, они вписаны «в договоры в соответствии с конвенциями международного права – совокупный результат более ранних нарративов о Европе», и, более того, «статус отдельных границ, а также сам институт международного права, который регулирует сегодняшнее мировое сообщество национальных государств, опираются на нарративы о Европе»¹³.

В контексте мировой политики хорошим подтверждением слов Т. Асада является мировоззренческая дилемма, выстроенная на противопоставлении Западу такой категории, как «Восток». В отличие от Запада, собирательный «Восток» возник на основе не собственных, а западных нарративов, в рамках которых европейскому культурно-историческому пространству противопоставлялись различные цивилизационные кластеры афро-азиатского пространства. Под определенным ракурсом проблематику дилеммы «Восток–Запад» в контексте международных отношений можно описать, с позиций теории социальной идентичности польско-британского исследователя Анри Тэшфеля, как «когнитивный инструмент» западной общественной мысли, созданный для «сегментации, классификации и упорядочивания социальной среды» с целью «осуществления определенных форм социальных действий», что на уровне макрополитических процессов зачастую приводит к «коллективному нацизму», проявляющемуся в «компенсирующей агрессии»¹⁴.

Более образно проблематику образа «Востока» в сознании Запада рассматривал Эдвард Вади Сайд в своей небесспорной

¹³ Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / пер. с англ. Р. Сафонова. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 252.

¹⁴ Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology: Key readings / J.T. Jost & J. Sidanius (Eds.). – U.K.: Psychology Press. – P. 276–293.

книге «Ориентализм» 1978 г.¹⁵ Основное внимание палестино-американский литературовед уделил эпохе колониализма, в связи с чем его критику ориентализма как научной дисциплины, являющейся «имперской традицией», справедливо критиковали многие востоковеды. Однако его концепция «воображаемых географий», согласно которой восприятие «Востока» («Orient») в качестве территории, не способной к самостоятельному управлению, при анализе идейно-ценностного ландшафта постбиполярной эпохи сохраняет свою актуальность на уровне описательного инструмента, так как современное насаждение либерально-демократической модели развития в рамках глобализации с исторической точки зрения является своеобразным продолжением процесса колониальной вестернизации середины XVII – рубежа XIX–XX вв.¹⁶

При этом, если в указанный период ведущая роль в вестернизации принадлежала Англии и Франции, которые были крупнейшими метрополиями, владевшими большей частью афроазиатского пространства, но в постбиполярную эпоху ядром глобализации стало так называемое «евро-атлантическое сообщество» во главе с США, занявшими позицию его политического лидера на фоне трансформаций середины XX в.¹⁷ Также следует отметить, что в рамках дискурса об идейно-ценостном факторе в мировой политике особое место на институциональном и концептуальном уровнях здесь занимает блок НАТО, который стал практическим воплощением «коллективного Запада», о чём прямо свидетельствует военно-политический характер организации. Ещё в 1996 г. С. Хантингтон писал, что в постбиполярную эпоху именно Североатлантический альянс станет центральным элементом «кристаллизации общезападного культурного ядра», сформированного

¹⁵ Said E. Orientalism. – London: Penguin Modern Classics, 2019. – 405 р.

¹⁶ Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. – 2013. – № 1 (1637). – URL: <http://www.svom.info/entry/313-qwert/> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁷ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценостное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 119.

вокруг либерально-демократической системы ценностей и сопутствующих ей политических идей¹⁸.

«Восток» же на geopolитической арене современного мира не способен составить конкуренцию «коллективному Западу», так как любые попытки формирования единой концептуальной платформы сталкиваются с цивилизационным разнообразием и культурно-исторической самобытностью государств афро-азиатского пространства. На практике это иллюстрируется тем, что «Восток», в отличие от «коллективного Запада», представлен не одним военно-политическим блоком, а целым множеством региональных и международных организаций (Африканский союз, ЛАГ, Организация тюркских государств, АСЕАН, ССАГПЗ и т.д.), ре-презентующих различные этноконфессиональные ареалы, которые, как совершенно точно отметил Д.В. Стрельцов, «нередко на-кладываются друг на друга в рамках одного региона и даже одной страны»¹⁹.

Положение дел здесь также усугубляется нарушением права на суверенитет целого ряда государств не-Запада со стороны евро-атлантического сообщества, перешедшего по окончании Холодной войны от сдерживания социалистического блока к рас-пространению собственной модели развития, что на уровне «политического языка» Запада имеет два обоснования в виде таких се-мантических единиц, как «миротворчество» (для обоснования участия в конфликтах за пределами стратегической ответственности НАТО²⁰) и «защита демократии» (для вмешательства во внутренние дела независимых стран). Можно сказать, что именно эти предлоги служат инструментом продвижения geopolитических интересов «коллективного Запада» и сохранения его доминирую-щего положения на уровне концептуального пространства между-народных отношений.

Позиционирование аксиологического обоснования западной модели развития в качестве «универсальной» и «общечеловече-

¹⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимееева. – М.: АСТ, 2021. – С. 550–551.

¹⁹ Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 5.

²⁰ Шамаров П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозре-вателЬ-Observer. – 2019. – № 11 (358). – С. 27–28.

ской» ведет отнюдь не к гармонизации идейно-ценностного ландшафта мировой политики, а, наоборот, к его деформации, возникновению новых и усугублению старых конфликтов. При этом многие сторонники глобалистского подхода к развитию системы международных отношений выдают унификацию социально-политических систем и навязывание единого «политического языка» за прогресс, хотя истинный процесс развития, как отмечал выдающийся русский мыслитель К.Н. Леонтьев, проявляется в «постепенном восхождении от простейшего к сложнейшему», в не в «смесительном упрощении»²¹. Выражаясь образно, можно сказать, что ошибку Ф. Фукуямы относительно «конца истории» и финального пункта идеологической эволюции человечества в лице либеральной демократии признал только сам Ф. Фукуяма²², в то время как политическое руководство евро-атлантического сообщества, судя по проводимому курсу, продолжает следовать логикам западного триумализма конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Россия и многополярный (полицентричный) миропорядок

«Восток», несмотря на принятие материально-технического аспекта вестернизации, очень остро реагирует на попытки навязать ему какие-либо «универсальные» ценности, особенно если они противоречат традиционному укладу. Внешнее воздействие со стороны недавних метрополий откликается в государствах афроазиатского мира гулким эхом колониального прошлого. Для многих восточных стран независимый статус является формальностью, так как им зачастую не хватает ресурсов и политического влияния, чтобы противостоять вмешательству Запада во внутренние дела. Однако в любом правиле имеются исключения.

Тенденция к избавлению от колониальной инерции, кристаллизации идентичности и укреплению суверенитета четко прослеживается в политическом курсе некоторых государств «Востока». За последние десятилетия сформировалось несколько

²¹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: Академический проект, 2017. – С. 61.

²² Lieven A. The Two Fukuyamas // The National Interest. – 01.06.2006. – URL: <https://nationalinterest.org/bookreview/the-two-fukuyamas-363?nopaging=1> (дата обращения: 15.10.2023).

региональных «тяжеловесов», среди которых можно выделить Китай, Индию, Иран, Турцию и Саудовскую Аравию. Каждый из этих акторов на современном этапе обладает не только достаточным количеством экономических и политических ресурсов для влияния на региональные процессы, но и собственным набором ценностей и видением мира, чтобы заявлять о себе в качестве новых центров силы на глобальном уровне²³. Так называемая «ориентализация», в данном контексте, является ответной реакцией на навязывание западной модели развития с присущими ей ценностями и культурой. Укрепление экономического потенциала и политического авторитета дает восточным акторам возможность выйти из фарватера глобалистских либерально-демократических логик и предложить собственную альтернативу более справедливого, на их взгляд, устройства мира.

На текущем этапе трансформаций международных отношений все большую актуальность обретает концепция «многополярного мира», которая последовательно продвигается во внешнеполитическом курсе Российской Федерации, начиная с 2008 г.²⁴ Для России как для многонационального и многоконфессионального государства формирование «многополярного мира», в котором в равной степени представлены все народы, культуры и традиции, является крайне важным процессом в контексте поиска собственной идентичности и образа будущего в постсоветский период. Именно поэтому сегодня, как никогда прежде, актуален тезис о том, что внешняя политика является продолжением внутренней. Самобытный «Восток» для современной России – отражение ее собственного разнообразия, образующего «цветущую сложность», в которой «увеличение богатства внутреннего» ведет к «постепенному укреплению единства»²⁵. И главным условием здесь будет

²³ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценостное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 120.

²⁴ Бобров А., Лебедева О. Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира // РСМД. – 03.05.2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytic-and-comments/analytic/konseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: Академический проект, 2017. – С. 62.

поиск новых идей и смыслов, формирующих прочный фундамент дальнейшего развития.

При этом построение полицентричного миропорядка без коренных изменений существующего идеино-ценностного ландшафта глобальной политики практически невозможно, так как, с точки зрения аксиологического подхода, для создания более справедливой системы концептуальное пространство мировой политики должно отойти от универсалистских интенций в сторону культурно-исторического релятивизма, который будет учитывать ценностный плюрализм и цивилизационное разнообразие мира, так как «идеологическое противоборство никогда не закончится, но осознание ценностей будет усиливаться, а баланс будет достигаться за счет компромиссов»²⁶.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.
2. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 72–78.
3. Асад Т. Возникновение секулярго: христианство, ислам, модерность / пер. с англ. Р. Сафонова. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.
4. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
5. Бобров А., Лебедева О. Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира // РСМД. – 03.05.2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytic-and-comments/analytic/konseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/> (дата обращения: 15.10.2023).
6. Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. – 2013. – № 1 (1637). – URL: <http://www.svom.info/entry/313-qwert/> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁶ Ключевые тезисы из речи Путина на Валдайском форуме // РИА Новости. – 05.10.2023. – URL: <https://ria.ru/20231005/putin-1900586407.html> (дата обращения: 15.10.2023).

7. Ключевые тезисы из речи Путина на Валдайском форуме // РИА Новости. – 05.10.2023. – URL: <https://ria.ru/20231005/putin-1900586407.html> (дата обращения: 15.10.2023).
8. Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. – М.: Книжный мир, 2017. – 530 с.
9. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: Академический проект, 2017. – 503 с.
10. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 32–40.
11. Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 12–17.
12. Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 280 с.
13. Шамаров П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 11 (358). – С. 27–38.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: ACT, 2021. – 640 с.
15. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 2006. – 464 p.
16. Lieven A. The Two Fukuyamas // The National Interest. – 01.06.2006. – URL: <https://nationalinterest.org/bookreview/the-two-fukuyamas-363?nopaging=1> (дата обращения: 15.10.2023).
17. Narine S. The End of Western Triumphalism and the Return of the Sovereign State // FULCRUM. – 24.02.2021. – URL: <https://fulcrum.sg/the-end-of-western-triumphalism-and-the-return-of-the-sovereign-state/> (дата обращения: 15.10.2023).
18. Pye Lucian W. The Non-Western Political Process // The Journal of Politics. – 1958. – Vol. 20, N 3. – P. 468–486.
19. Said E. Orientalism. – London: Penguin Modern Classics, 2019. – 405 p.
20. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology: Key readings / J.T. Jost & J. Sidanius (Eds.). – U.K.: Psychology Press. – P. 276–293.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07

УДК 327

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ И ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

ГУЗАЕРОВ РАЗИЛЬ ИЛШАТОВИЧ

младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: guzaerov99@bk.ru

SPIN-код: 1316-0272

ORCID: 0000-0003-0006-9975

СБИТНЕВА АЛИНА ИГОРЕВНА

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: a_sbitneva@mail.ru

SPIN-код: 4944-0408

ORCID: 0000-0002-9196-9348

Для цитирования: Гузаеров Р.И., Сбитнева А.И. Идейно-ценностный компонент в политике Турции и тюркских государств // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4(4). – С. 115–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

Аннотация. Статья посвящена анализу идеино-ценностного фактора во внутренней и внешней политике тюркских государств: Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Турции. Выявлены основные идеи и ценности, формируемые этими странами, проанализировано их развитие и влияние на государственную политику. Сделан вывод о том, что тюркские государства во внешней политике формируют ценности общего характера, что превращает их в объект идеино-ценностного воздействия. Турция, в свою очередь, формирует целый ряд идеологем, охватывающий широкий спектр политики государства.

Ключевые слова: Турция, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, идеи, ценности, политика, тюрки.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 123091200078-3 «Россия и Незапад в условиях трансформации идейно-ценостной конфигурации мирового порядка» в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Ideas and Values in Politics of Turkey and Turkic States

Razil I. GUZAEROV

Junior Researcher of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: guzaerov99@bk.ru

SPIN-code: 1316-0272

ORCID: 0000-0003-0006-9975

Alina I. SBITNEVA

Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: a_sbitneva@mail.ru

SPIN-code: 4944-0408

ORCID: 0000-0002-9196-9348

For citation: Guzaerov R.I., Sbitneva A.I. (2023). Ideas and Values in Politics of Turkey and Turkic States. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(4), pp. 115–137. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ideological and value factor in the domestic and foreign policy of the Turkic states: Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Turkey. The main ideas and values formed by these countries are identified, their development and influence on public policy are analyzed. It is concluded that the Turkic states form values of a general nature in foreign policy, which turns them into an object of ideological and value influence. Turkey forms a number of ideologies covering a wide range of state policy.

Keywords: Turkey, Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, ideas, values, politics, Turks.

Acknowledgments. The article was prepared as part of the scientific project No. 123091200078-3 “Russia and the Non-West in conditions of transformation of ideological and value configuration of world order” at the Insti-

tute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

После крушения биполярной системы международных отношений в 1991 г. ряд государств подверг существенному пересмотру идеологическую основу своей политики. Странам Незапада начали навязываться несвойственные им идеи и ценности. Однако с началом складывания полицентричности идейно-ценностный фактор стал определяющим в условиях формирования нового мирорядка, а антагонизм западных и незападных ценностей стал более очевиден, потому что незападные государства начали вырабатывать собственные идеологические основы. В таких условиях многие центры сил, включая государства Южного Кавказа, Средней Азии, а также Турцию, со временем перешли от заимствования ценностей своих партнеров к выработке собственных идейно-ценостных концептов и идеологем, которые экстраполируются ими во внешнюю и внутреннюю среду их политики.

Идеи и ценности Турецкой Республики

Ценостная политика всегда была неотъемлемой частью внешнеполитического курса Анкары. На заре Турецкой Республики ее основу составляли так называемые шесть стрел «кемализма» – неофициальной идеологии Турции, подразумевающей построение турецкого общества и государства на основе принципов республиканизма, национализма, народности, лаицизма, этатизма и революционности.

В настоящий период времени Турецкая Республика не имеет в своем правовом арсенале нормативных документов, закрепляющих основные направления как внутри-, так и внешнеполитического курса. Конституция Турции, принятая в 1982 г., провозглашает отсутствие в стране официальной идеологии, однако признает постулаты «кемализма» в качестве основополагающих. На протяжении долгих лет официальная при реализации своей политической линии Анкара действительно опиралась на привнесенные первым президентом республики ценности. В настоящее время к таким ценностям планомерно добавляются идеи, в сово-

купности образующие устойчивые идеино-ценностные концепты, или идеологемы, составляющие основу внешней и внутренней политики государства.

Период президентства Р.Т. Эрдогана, начавшийся в 2014 г., положил начало курсу контрреформ М.К. Ататюрка, получившему название «неоосманизм». На внешнеполитической арене современная Турция реализует комплекс идей, в конечном итоге ориентированных на обретение статуса надрегиональной державы. В условиях глобализации и складывания полицентричного мира Турецкая Республика стремится занять нишу государств, ответственных за принятие решений и реализацию всемирно значимых идей.

Несмотря на то, что идеи и ценности Анкары образно можно разделить на внутри- и внешнеполитические, в зависимости от области их распространения, многие из них носят смежный – практически универсальный – характер и выполняют необходимые функции в контексте как внешней, так и внутренней политики. Три ключевых идеино-ценностных концепта¹, составляющих неоосманскую идеологию Турции, составляют:

- имперскость;
- исламизм;
- пантюркизм.

Идея *имперскости*, подразумевающая возвращение Турции величия Османской империи, неразрывно связана с присущим Анкаре со времен Первой мировой войны синдромом неполноценности, который, в свою очередь, толкает страну на реализацию амбициозного и не всегда посильного Турецкой Республике многовекторного политического курса. На внешнем треке турецкая имперскость проявляется в стремлении Анкары контролировать региональные и глобальные процессы, не всегда напрямую затрагивающие Турцию.

Так, например, в сферу своих непосредственных интересов Турция включает решение таких проблем глобального характера, как: продовольственный кризис, связанный с ситуацией в черно-

¹ Крылов Д.С. Влияние технологий рефлексивного управления на инклюзивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 90. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.

морских портах Украины; борьба с угрозой международного терроризма и ряд других. На региональном фронте Анкара стремится в первую очередь к воплощению негласной доктрины добрососедства² и ликвидации вооруженных и других конфликтов с потенциальными странами-партнерами.

В свете последнего Турция нередко прибегает к возрождению не удавшейся в 2010-х годах концепции «Ноль проблем с соседями», впервые изложенной экс-министром иностранных дел страны А. Давутоглу. Так, в 2022 г. Турция ступила на тропу дипломатической «оттепели» сразу с несколькими государствами – Саудовской Аравией, Египтом и Арменией, представляющими важную – незападную – подсистему международных отношений, одним из архитекторов которой пытается стать Турция.

Кроме того, в рамках всех перечисленных выше кейсов официальная Анкара примиряет на себя роль многопрофильного хаба³ – энергетического, который реализуется при ключевом участии в данной инициативе России, транспортного – за счет реализации с государствами Южного Кавказа и Средней Азии инфраструктурных проектов, зернового (в отношении продовольственной проблемы и ситуации с зерном), дипломатического (в рамках урегулирования российско-украинского конфликта) и т.д.

Отдельного внимания заслуживает продвигаемый Турцией в последнее время концепт справедливости. Еще в 2021 г. вышла в свет книга президента Турецкой Республики под символичным названием «Более справедливый мир возможен»⁴, главный посыл которой заключается в продвижении Турцией тезиса о том, что «Мир – больше пяти» (больше пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН) как непреложной истины. Анкара таким образом заявляет миру о том, что считает себя достойной места среди тех, кто вершит мировую политику, при этом не желая признавать явный недостаток ответственности и ресурсов, необходимых для добросовестного выполнения взятых на себя обязательств.

² Гузаеров Р.И. Новая эпоха политики добрососедства Турции // Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 1–17. – DOI: 10.7256/2454-0641.2022.2.37854.

³ Аватков В.А. Турецкая Республика накануне своего столетия // Свободная мысль. – 2023. – № 1 (1697). – С. 111–115.

⁴ Эрдоган Р.Т. Более справедливый мир возможен. Erdogan R.T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. – Istanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. – 211 s. – Турсц. яз.

О таком более справедливом мире Р.Т. Эрдоган, в частности, рассуждал в ходе саммита G20 в Индии в сентябре 2023 г.⁵ Тем не менее, справедливость, о которой говорят представители Турции со всех трибун, как правило, имеет явный турецкий окрас. Иными словами, ряд постулируемых Турцией положений представляются справедливыми для нее самой, но не всегда учитывают интересы других членов мирового сообщества. Такого рода поведение свидетельствует о завышенных амбициях, характерных для региональных государств, только прокладывающих дорогу к кроссрегиональному (а не мировому) статусу.

Внутриполитическая имперскость Турции проявляется в основном в ее дискурсе о начале «Нового века Турции». В октябре 2023 г. Турецкая Республика отметит свое столетие, на исходе которого она, по мнению правящей элиты страны, должна достичь ряда амбициозных политических, экономических, технологических и других целей⁶. Важную роль в популяризации этого нарратива играет зарождающийся сегодня концепт «эрдоганизма», нередко граничащего с культом личности Р.Т. Эрдогана. Президент Турецкой Республики олицетворяет собой лидера новой Турции и стремится вписать себя в историю современной страны таким образом, чтобы «новый век» ассоциировался общественностью именно с ним и его достижениями, в то время как минувшее столетие будет символизировать архаичную эпоху «ататуркизма».

При этом стоит отметить, что если светская часть турецкого общества более склонна к объективизму и осознает, что многие амбициозные цели турецкого правительства достижимы с наименьшей долей вероятности ввиду особенно тяжелой экономической ситуации, то сельское и наиболее консервативное население в действительности видит в лице Р.Т. Эрдогана харизматичного лидера, способного ввести страну в эру новых достижений.

⁵ Месседж Эрдогана о справедливом мире на саммите G20. Erdogan'dan G20 Zirvesi'nde adil dünya mesajı // Türkiye Gazetesi. – 2023. – Турец. яз. – URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/haber-videolar/cumhurbaskani-erdogandan-g20-zirvesinde-adil-dunya-mesaji> (дата обращения: 09.09.2023).

⁶ Цель 2023. Hedef 2023 // AK Parti – Турец. яз. – URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/hedef-2023/tumu/> (дата обращения: 11.09.2023).

Что касается турецкого исламизма, то если во внутреннем поле его укрепление символизируют решения о превращении таких объектов, как Собор Святой Софии в мечеть, укрепление традиционных семейных ценностей и планомерное возвращение консервативных религиозных устоев в некогда светскую жизнь страны, то его внешнеполитическая ипостась проявляется в первую очередь в стремлении Турции возглавить глобальное движение по борьбе с исламофобией. Так, например, еще в начале 2023 г. Турецкая Республика единым фронтом с другими мусульманскими государствами, такими как Саудовская Аравия, Египет, Катар, Иран, Ирак и др. выступила против акций сожжения Корана в Швеции, призвав активистов к ответу⁷. Более того, по итогам встречи лидеров стран G20 в Индии осенью 2023 г. Турция добилась включения пунктов об осуждении подобных нападок в итоговую декларацию саммита. В своем выступлении Р.Т. Эрдоган также публично подчеркнул, что подобные преступления совершены на почве ненависти и призывал общественность к более решительной борьбе с исламофобией⁸.

Кроме того, президент Р.Т. Эрдоган неоднократно вставал на защиту палестинцев и мусульман рохинджа в Мьянме, заявляя о нарушениях прав мусульман и притеснениях, совершаемых в отношении религиозных меньшинств, таким образом закрепляя за Турцией роль адвоката всех ущемленных по конфессиональному признаку.

Пантюркизм как заключительная составляющая неофициальной неоосманской идеологии Турции является собой исключительно внешнеполитический концепт наступательного характера, в отличие от других идеологем, не обращенных во внутриполити-

⁷ Многие страны решительно осудили антиисламскую провокацию в Швеции // Andolu Ajansı. – 23.01.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/многие-страны-решительно-осудили-антиисламскую-проводкуцию-в-швеции/2794729> (дата обращения: 11.09.2023).

⁸ Важные послания президента Эрдогана миру после завершения саммита G20: Запад не проявляет заинтересованности. Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan sona eren G20 Zirvesi sonrası dünyaya önemli mesajlar: Batı 3 maymunu oynuyor // Yeni Şafak. – 10.09.2023. – Турец. яз. – URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/cumhurbaskani-erdogandan-sona-eren-g20-zirvesi-sonrası-dünyaya-onemli-mesajlar-bati-3-maymumu-oynuyor-4559182> (дата обращения: 11.09.2023).

ческую плоскость Турецкой Республики. Политика пантюркизма направлена во вне и ставит своей целью объединение тюрksких и тюркоязычных народов мира под эгидой Турции на основе частично схожих этнолингвистических особенностей Турции и некоторых государств Средней Азии, Южного Кавказа и даже – тюркоязычных субъектов Российской Федерации, пространство которых Анкара считает неотъемлемой зоной своего влияния.

За счет реализации этого концепта – во многом с помощью средств «мягкой силы», навязывания дискурса о «всетурецкости» и не имеющих ничего общего с реальностью логик о туркоцентричности ряда региональных и глобальных процессов, а также «общей» истории тюрksких народов мира, среди которых турецкий предстает наиболее цивилизованным, Анкара ставит себя в доминирующую позицию и приписывает себе роль ориентира, на который должны равняться другие – младшие – государства. Более того, Турецкая Республика стремится к созданию обособленной подсистемы международных отношений под названием «турецкий мир», где именно Анкара задает тренды и правила поведения.

В рамках подобной политики Турция провоцирует тюркоязычные регионы мира на создание общетюрksких интеграционных институтов, идеальным центром которых сегодня является Организация тюрksких государств (ОТГ), становящаяся площадкой по реализации разного рода объединительных мероприятий практически во всех областях общественной жизни. Проводниками туркоцентричной интеграции также являются Международная организация тюрской культуры (ТИОРКСОЙ), Агентство по сотрудничеству и координации Турции (ТИКА) и ряд других.

С подачи Анкары многие государства Средней Азии перешли на латинский алфавит, практически идентичный турецкому, а в настоящий период времени обсуждают проект создания единого тюрского языка, прототипом которого служит турецкий. При этом стоит отметить, что реализация Турцией таких идей ставит под угрозу национальную безопасность сотрудничающих с ней государств, поскольку такого рода интеграционная политика размывает культурные коды и национальную идентичность вовлекаемых в нее стран и маскируется благими намерениями Турции по оказанию помощи «братским» народам.

Идейно-ценностная база политики Азербайджана

Азербайджан – одно из ключевых государств Южного Кавказа, имеющее стратегические геополитические положение. Формирование государственности происходило в формате балансирования между различными региональными игроками, что нашло свое отражение в формировании идеино-ценностной базы политики государства.

Статья первая закона «О национальной безопасности» от 29 июня 2004 г.⁹ выделяет следующие ценности: *независимость, территориальная целостность государства, обеспечение защиты конституционного строя, национальных интересов, прав и свобод человека*. Помимо этого, особо отмечается необходимость обеспечения национальной безопасности в области науки, культуры и духовности. Так, в законе указываются такие меры, как защита и развитие исторического и культурного наследия, языка, традиций, национального самосознания азербайджанского народа, сохранение самобытности национальной культуры и т.д. Данные меры можно охарактеризовать как стремление к сохранению единства азербайджанского народа в духе идей «азербайджанства», что обозначено в Концепции национальной безопасности Республики Азербайджан от 23 мая 2007 г.¹⁰

Концепция «азербайджанства» стала попыткой азербайджанских властей создать единую общенациональную идею, которая на основе общих культурных, исторических, нравственных и т.д. ценностей объединяла бы всех азербайджанцев¹¹. По оценкам азербайджанских исследователей, именно развитие данного концепта, которое сформировало идентификационный код страны,

⁹ Закон «О национальной безопасности» Республики Азербайджан. Milli təhlükəsizlik haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunu // Azərbaycan Respublikasının Təhlükəsizlik Şurası. – 2004. – Азерб. яз. – URL: <https://e-qanun.az/framework/5455> (дата обращения: 28.08.2023).

¹⁰ Концепция национальной безопасности Республики Азербайджан. Azərbaycan Respublikasının Təhlükəsizlik Konsepti // Azərbaycan Respublikasının Təhlükəsizlik Şurası. – 2007. – Азерб. яз. – URL: <https://e-qanun.az/framework/13373> (дата обращения: 28.08.2023).

¹¹ Аватков В.А. Идейно-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. – 2019. – № 4. – С. 4. – DOI: 10.25136/2409-8671.2019.4.31235.

на основе ее культурных, исторических и т.д. особенностей, способствовало созданию и развитию государственности Азербайджана¹².

И. Алиев неоднократно упоминал важность единства азербайджанцев всего мира. Так, президент страны говорил, что он «уврен, что проживающие сегодня за границей азербайджанцы по праву гордятся тем, что они являются детьми независимого Азербайджана, победоносного Азербайджана», а «азербайджанское общество и граждане Азербайджана объединены в один кулак»¹³. Трансляция подобных нарративов выступает индикатором важности данной идеи как на внутриполитическом треке, так и на внешнеполитическом.

Вопрос сохранения ценностей возникает и в ходе реализации внешней политики. Э. Мамедъяров, министр иностранных дел Азербайджана (2004–2020) отмечал, что одной из задач ведомства является сохранение приверженности национальным и религиозным ценностям и поощрение на основе этого межрелигиозного и межкультурного диалога и мультикультурализма¹⁴.

Помимо этого, Баку при реализации своей внешнеполитической стратегии также опирается на *многовекторность, балансирование* между региональными и мировыми акторами. Сбалансированность и прагматизм – одни из основных принципов политики республики¹⁵.

¹² Гасанов А. Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики. – Баку: «Zərdabi LTD» MMC, 2014. – С. 17–18.

¹³ Обращение Ильхама Алиева по случаю Дня солидарности азербайджанцев мира и Нового года // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – 31.12.2022. – URL: <https://president.az/ru/articles/view/58523> (дата обращения: 28.08.2023).

¹⁴ Мамедъяров Э. Внешнеполитическая стратегия Азербайджана основана на национальных интересах и соответствует вызовам времени // Политика. – 2017. – № 5 (89). – С. 20.

¹⁵ Аватков В.А. Основы внешнеполитического курса Азербайджанской Республики на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 124. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7.

Трансформация идейно-ценностной базы Казахстана

Основные идеологемы Казахстана указаны в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы¹⁶. Так, в документе обозначены такие внешнеполитические идеи как *миролюбие, открытое государство, прагматичная и проактивная политика*, направленная на защиту и обеспечение национальных интересов страны. Особо отмечается многовекторная политика республики, которая позволяет вносить «весомый вклад в формирование и реализацию глобальной и региональной повестки дня в области безопасности, сотрудничества и развития». Данные основы внешней политики Казахстана были заложены еще первым президентом республики Н.А. Назарбаевым. К.-Ж. Токаев, в свою очередь, избрал курс на продолжение многовекторной и сбалансированной внешней политики¹⁷. Более того, преемственность внешнеполитического курса Н.А. Назарбаева указана в качестве одного из основных принципов внешней политики страны.

Также особое место во внешней политике Казахстана играет идея *евразийства*, которую начал формировать Н.А. Назарбаев сразу после распада СССР, преимущественно на основе наследия Л.Н. Гумилева. В данном случае евразийство понималось как политика, направленная на развитие дружественных и предсказуемых отношений с другими государствами¹⁸. При этом отмечается значимость цивилизационных, культурных и исторических факто-

¹⁶ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 09.03.2020. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/legal Acts/decrees/o-konsepcii-vneshnei-politiki-respublikii-kazakhstan-na-2020-2030-gody> (дата обращения: 29.08.2023).

¹⁷ О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Благополучие для всех! Преемственность. Справедливость. Прогресс» и предложений, полученных в ходе общенациональной акции «Бірге». Указ Президента Республики Казахстан от 19 июня 2019 года № 27 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – 19.06.2019. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U190000027U> (дата обращения: 29.08.2023).

¹⁸ Вахшитек А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской политики в Республике Казахстан // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 65. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76.

ров и необходимость перенять лучшие достижения других цивилизаций в ходе взаимоотношений с ними¹⁹.

Важность национально-культурной идентичности для Казахстана подчеркивается в программе «Рухани жаңғыру», которая была изложена в статье Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания»²⁰. Основной целью программы обозначено сохранение и развитие культурных ценностей нации, ее национального кода. Основными ориентирами определяются культ знаний, открытость сознания, через которые следует возродить духовные ценности казахстанцев. При этом подобная идея получила свое развитие и в рамках внешнеполитического курса страны. Именно К.-Ж. Токаев призывал обратить особое внимание к изучению духовных источников тюркских стран в рамках Организации тюркских государств²¹.

Лишение Н.А. Назарбаева статуса лидера нации и исключение упоминаний о нем в Конституции страны привели к демонтуажу его идейного наследия. В случае с евразийством, которое приобрело свою популярность ввиду идейного вакуума, образовавшегося в стране после обретения независимости, и получившего свою легитимность благодаря первому президенту страны²², начинают проявляться недочеты внешней политики страны. Стремясь оградить себя от проблем и угроз, возникающих на постсоветском пространстве, руководство страны переходит к принципу

¹⁹ Назарбаев Н. Долгосрочная стратегия развития Казахстана «Казахстан – 2030» // «Атырау облыстық уруханасы» ШЖҚ КМК. – URL: https://ohospital.kz/assets/uploads/2018/03/strategy_2030_ru.pdf (дата обращения: 30.08.2023).

²⁰ Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 12.04.2017. – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 30.08.2023).

²¹ Президент Касым-Жомарт Токаев принял участие в саммите Организации тюркских государств // Официальный сайт Президента Республики Татарстан. – 2023. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-sammite-organizacii-tyurkskih-gosudarstv-11104851> (дата обращения: 01.10.2023).

²² Вахшитех А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской политики в Республике Казахстан // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 74. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76.

«качелей», ситуативно понижая и повышая уровень взаимоотношений с различными партнерами в рамках своей многовекторности²³. Также был переименован «Казахстанский институт общественного развития», откуда было убрано словосочетание «Рухани жаңғыру» (духовное возрождение), которое ассоциировалось с первым президентом²⁴. Была упразднена часть проектов в рамках данной программы. Однако можно предположить, что идеи, представленные в Концепции внешней политики Республики Казахстан, останутся основными в проведении внешнеполитического курса страны.

Во внутренней политике действует концепция «слышащего государства». Данная идеологема, озвученная К.-Ж. Токаевым²⁵, предполагает открытость государственных органов при их деятельности и взаимодействии с гражданами. На внешнеполитическом треке концепция «слышащего государства» продвигала необходимость защиты интересов не только государства в целом, но и каждого гражданина в частности. После волнений в Казахстане в январе 2022 г. действующая власть выбрала курс на построение «нового Казахстана»²⁶. Главным механизмом продвижения данной идеи должна была стать концепция «слышащего государства», однако данная идеологема стала мифологической конструкцией, не имеющей под собой механизмов для ее практического применения.

Казахстан активно вырабатывал различные идеологемы, направленные на разные аспекты государственной политики, в том числе на утверждение роли страны как регионального лидера. Однако произошедшие в 2022 г. события привели к их пересмотру, и власти начали вырабатывать новые идеи.

²³ Малышева Д.Б. Казахстан: внешнеполитические дилеммы // Международная жизнь. – 2023. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2864> (дата обращения: 30.08.2023).

²⁴ В Казахстане отменили словосочетание «Рухани жаңғыру» // Elle. Kz. – 07.09.2022. – URL: <https://elle.com.kz/v-kazahstane-otmenili-slovosochetanie-ruhani-zha-ugu/> (дата обращения: 30.08.2023).

²⁵ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2019. – URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana (дата обращения: 30.08.2023).

²⁶ Ibid.

Идейно-ценностное развитие основ политики Узбекистана

Основными принципами внешней политики Узбекистана являются такие ценности, как *стабильность, сотрудничество, достижение мира, невмешательство* во внутренние дела²⁷. Политика страны также основана на принципах *открытости, взаимо выгодности и конструктивности*, что в совокупности должно способствовать реализации национальных интересов республики, среди которых независимость и суверенитет государства, укрепление места Узбекистана на мировой арене, продвижение экономических интересов и создание пояса стабильности, безопасности и добрососедства вокруг страны. Также особо отмечается курс на *неприсоединение* к военно-политическим блокам, а также недопущение иностранных военных, баз и объектов на территории страны. Более того, Узбекистан не разрешает своим военным участвовать в миротворческих операциях или военных конфликтах за рубежом²⁸.

В стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы²⁹ присутствует идеологема *справедливости*, которая должна быть применена в рамках социальной политики государства. Особое внимание уделяется духовному развитию общества, в рамках которого «здравое мировоззрение и созидание» должны превратиться в общенациональное движение на принципах добра и гуманизма. В целом стратегия указывает на необходимость развития национальной идеи путем изучения истории страны, научного и культурного наследия, национальных и религиозных ценностей. В дальнейшем национальная идея должна стать одним из столпов противодействия идеологическим атакам.

²⁷ Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 8. – С. 832.

²⁸ Внешняя политика Республики Узбекистан // Правительственный портал Республики Узбекистан. – URL: https://gov.uz/ru/pages/international_relations (дата обращения: 30.08.2023).

²⁹ Стратегия развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы // Президент Республики Узбекистан. – URL: https://president.uz/ru/pages/view/strategy?menu_id=144 (дата обращения: 30.08.2023).

Анализ послания президента Ш. Мирзиёева Олий Мажлису (парламенту республики) 29 декабря 2020 г. позволяет выделить еще ряд принципов современной внешней политики Узбекистана³⁰. В данном случае речь идет о *прагматизме*, применяемом в ходе выстраивания отношений с другими государствами. Принцип *многосторонности* проявляется в стремлении страны участвовать не только в региональных процессах, но и глобальных, через участие в международных институтах. Последнее, в свою очередь, демонстрирует проактивную позицию страны. Кроме того, можно выделить такие принципы, как *открытость, гуманность и конструктивность*.

Узбекистан стремится увеличить свою значимость на международной арене, в связи и с чем и происходят процессы модернизации в стране, в том числе обновление принципов. Ташкент демонстрирует намерение к становлению ответственным и предсказуемым игроком на мировой арене, который готов решать имеющиеся проблемы в рамках конструктивного и открытого диалога³¹. Также можно отметить, что страна следует сбалансированному курсу, стремясь придерживаться равноудаленности от мировых центров силы³².

Во внутренней политике стратегия «Узбекистан – 2030»³³ предусматривает создание *справедливого* государства, которое должно служить народу. Также особое внимание уделяется развитию и сохранению духовных ценностей граждан.

³⁰ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // Президент Республики Узбекистан. – 2020. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4057> (дата обращения: 30.08.2023).

³¹ Нематов А., Каримов А. Новый Узбекистан – новая модель внешней политики // Институт стратегических и межрегиональных исследований. – 2021. – URL: <https://isrs.uz/ru/page/pdf/novyyj-uzbekistan-novaa-model-vnesnej-politiki> (дата обращения: 30.08.2023).

³² Бахтиер Э. Как меняется внешняя политика Узбекистана // ИАЦ МГУ. – 12.06.2018. – URL: <https://ia-centr.ru/publications/kak-menyatsya-vneshnyaya-politika-uzbekistana/> (дата обращения: 30.08.2023).

³³ Стратегия «Узбекистан – 2030» «Ўзбекистон – 2030» стратегияси // «Тараккиёт стратегияси» Маркази. – 31.07.2023. – Узбек. яз. – URL: <https://strategy.uz/index.php?news=1780> (дата обращения: 30.08.2023).

Киргизия как хаб

Введение Концепции внешней политики Кыргызской Республики от 11 марта 2019 г.³⁴ несет в себе идеологему *хаба*. Указывается, что географическое положение Киргизии отводит стране роль моста, связывающего Европу и Азию, что в свою очередь создает предпосылки для развития разных сфер государственной политики от транспорта до научного прогресса.

Основными принципами внешней политики страны определяются *прагматичность, сбалансированность, открытость, многовекторность и последовательность*. Как можно заметить, данные принципы являются универсальными при определении основ внешнеполитического курса стран Средней Азии. Отмечается, что Киргизия придерживается разумного баланса, выстраивая отношения с другими государствами на основе национальных интересов.

Важным принципом политики страны является ценность исторического прошлого и культуры. Именно этнокультурная самобытность Киргизии выступает одним из источников внешнеполитического позиционирования страны. Именно поэтому отмечается важность создания условий, которые способствовали бы сохранению и популяризации историко-культурного и духовного наследия Киргизии.

Идея «хаба» также присутствует в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы³⁵. Так, согласно обозначенным планам, Киргизия должна стать авиационным и цифровым хабом.

Во внутренней политике главными ценностями обозначены *человек, семья и общество*. Становление человека, согласно стратегии развития, должно стать основой государственной политики во всех областях. Укрепление института семьи рассматривается в качестве фундамента для всех действий в социальной сфере, по-

³⁴ Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – 11.03.2019. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/tu-ru/430045> (дата обращения: 31.08.2023).

³⁵ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы // Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики. – 2018. – URL: <https://mineconom.gov.kg/storage/directs/documents/209/15421950795bec078718fff.pdf> (дата обращения: 31.08.2023).

тому что именно семья закрепляет основы духовности, воспитания и т.д. В данном же ключе особую важность для государства представляет развитие культуры, историко-культурного наследия и культурных кодов нации, которые, в свою очередь, определяют ее целостность. Для успешной реализации данных подходов и применения ценностей необходимо выстроить систему государственного управления, которая будет базироваться на эффективности и справедливости.

Также важной идеологемой во внутренней политике является *Taza Koom*. Это национальная программа, которая направлена на создание открытого, прозрачного и высокотехнологичного общества. Предполагается, что система государственного управления, ставя человека на высшую степень иерархии ценностей, будет выстраивать с обществом гармоничное взаимодействие с помощью современных цифровых технологий. Простыми словами – киргизские власти нацелены на формирование свободного гражданского общества.

Постоянный нейтралитет Туркменистана

Основные принципы внешней политики Туркменистана отражены в статье 9 Конституции³⁶. Так, в ней указано, что Ашхабад придерживается *постоянного нейтралитета, невмешательства* во внутренние дела, *отказа от применения силы* и участия в военных блоках, *содействия развитию мирных и дружественных отношений* с другими государствами.

Статус нейтралитета Туркменистана был принят на международном уровне. Так, в 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию «О постоянном нейтралитете Туркменистана», что стало юридическим оформлением внешнеполитического курса страны³⁷. Статус Туркменистана вновь был

³⁶ Конституция Туркменистана // Туркменистан. Золотой век. – 2016. – URL: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya> (дата обращения: 01.09.2023).

³⁷ Мирзеханов В.С., Тюльпаков М.В. Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика: реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 19–20.

подтвержден в ходе 69-й сессии ГА ООН принятием новой резолюции «О постоянном нейтралитете Туркменистана»³⁸.

На сайте Министерства иностранных дел отмечается, что Туркменистан осуществляет свою политику, исходя из приоритетности *миролюбивых и высокогуманных ценностей*. В отношениях с другими странами выбирается равноправная, взаимоуважительная и взаимовыгодная стратегия. Особо выделяется принцип «Диалог – гарантия мира», в рамках которого Туркменистан активно продвигает философию доверительного диалога в международных отношениях, выступая против «силовой идеологии»³⁹.

Таким образом, Туркменистан следует изначально выбранной стратегии поведения, объявив свой нейтралитет. Поэтому Ашхабад придерживается политики балансирования, развивая отношения с разными акторами, но не углубляя их до зависимого уровня.

Таблица 1

**Основные идеи и ценности
в политике тюрksких государств**

Государство	Внешняя политика	Внутренняя политика
Турция	Неоосманизм, имперскость, многовекторность, добрососедство, хаб, справедливость, мир больше пяти, пантюркизм, деэскалация, исламизм, всетурецкость, лидерство, тюркский мир	Эрдоганизм, традиционализм, консерватизм, исламизм
Азербайджан	Многовекторность, балансирование, pragmatism, независимость, территориальная целостность	Азербайджанство – общие ценности, объединяющие всех азербайджанцев

³⁸ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 июня 2015 года 69/285. Постоянный нейтралитет Туркменистана // ООН. – 03.06.2015. – URL: https://unrrca.unmissions.org/sites/default/files/a_res_69_285_r.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

³⁹ Внешняя политика // Министерство иностранных дел Туркменистана. – 01.10.2022. – URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/3> (дата обращения: 01.09.2023).

Государство	Внешняя политика	Внутренняя политика
Казахстан	Миролюбие, прагматичность, открытое государство, проактивность, многовекторность, балансирование, евразийство	Концепция «Слышащего государства»
Узбекистан	Открытость, конструктивность, неприсоединение, невмешательство, добрососедство, прагматизм	Новый Узбекистан, справедливость, сохранение и развитие культурных и религиозных ценностей
Киргизия	Прагматичность, сбалансированность, открытость, многовекторность, последовательность, хаб, разумный баланс	Ценность исторического прошлого и культуры, Человек – семья – общество, Таза Коом – цифровое общество
Туркменистан	Постоянный нейтралитет, миролюбивые и гуманные ценности, доверительный диалог	–

* * *

Зачастую тюркские государства постсоветского пространства принимают в качестве основных принципов своей политики ценности добрососедства, многовекторности и т.д. При этом, как демонстрирует пример Казахстана, где пытались проработать идеино-ценностный концепт, который распространялся бы на весь регион, в долгосрочной перспективе страны не способны обеспечить распространение этих идей за пределы их государств. Однако следует отметить, что с точки зрения идеино-ценностного фактора тюркские государства постсоветского пространства становятся объектами идейного воздействия.

В данном контексте принятие общих принципов как основных ценностей и принципов государственной политики помогает тюркским государствам сохранять определенное пространство для внешнеполитического маневра, ввиду возможности разной интерпретации этих принципов. Таким образом, отсутствие собственных проработанных идейных концептов, с одной стороны, ставит эти страны под угрозу попадания в чужое идеиное поле, а с другой – позволяет маневрировать между разными центрами силы, не попадая под полное влияние одной из них.

Турция же выделяется тем, что стремится проработать собственную идеино-ценностную базу, характеризующуюся разнообразием идей, направленных на разные регионы и аспекты государственной политики. При этом примечательно, что практически все идеино-ценностные концепты Турецкой Республики (за исключением ориентированного на внешнюю среду пантюркизма) являются универсальными и вполне успешно используются руководством страны для претворения в жизнь идей как на внутри-, так и на внешнеполитической арене.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. – 2019. – № 4. – С. 1–12. – DOI: 10.25136/2409-8671.2019.4.31235.
2. Аватков В.А. Основы внешнеполитического курса Азербайджанской Республики на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 118–139. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7.
3. Аватков В.А. Турецкая Республика накануне своего столетия // Свободная мысль. – 2023. – № 1 (1697). – С. 111–115.
4. Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 8. – С. 825–834.
5. Бахтиер Э. Как меняется внешняя политика Узбекистана // ИАЦ МГУ. – 12.06.2018. – URL: <https://ia-centr.ru/publications/kak-menyatsya-vneshnyaya-politika-uzbekistana/> (дата обращения: 30.08.2023).
6. В Казахстане отменили словосочетание «Рухани жаңғыру» // Elle. Kz. – 07.09.2022. – URL: <https://elle.com.kz/v-kazahstane-otmenili-slovosochetanie-ruhani-zha-ugu/> (дата обращения: 30.08.2023).
7. Вахшитех А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской политики в Республике Казахстан // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 60–76. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-60-76.
8. Внешняя политика // Министерство иностранных дел Туркменистана. – 01.10.2022. – URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/3> (дата обращения: 01.09.2023).

9. Внешняя политика Республики Узбекистан // Правительственный портал Республики Узбекистан. – URL: https://gov.uz/ru/pages/international_relations (дата обращения: 30.08.2023).
10. Гасанов А. Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики. – Баку: «Zərdabi LTD» MMC, 2014. – 672 с.
11. Гузаев Р.И. Новая эпоха политики добрососедства Турции // Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 1–17. – DOI: 10.7256/2454-0641.2022.2.37854.
12. Конституция Туркменистана // Туркменистан. Золотой век. – 2016. – URL: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya> (дата обращения: 01.09.2023).
13. Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – 11.03.2019. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 31.08.2023).
14. Крылов Д.С. Влияние технологий рефлексивного управления на инклузивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 80–97. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.
15. Малышева Д.Б. Казахстан: внешнеполитические дилеммы // Международная жизнь. – 2023. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2864> (дата обращения: 30.08.2023).
16. Мамедъяров Э. Внешнеполитическая стратегия Азербайджана основана на национальных интересах и соответствует вызовам времени // Политика. – 2017. – № 5 (89). – С. 16–25.
17. Мирзеханов В.С., Тюльпаков М.В. Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика: реферативный журнал. – 2018. – № 3. – С. 19–28.
18. Многие страны решительно осудили антиисламскую провокацию в Швеции // Andolu Ajansi. – 23.01.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/многие-страны-решительно-осудили-антиисламскую-проводкуцию-в-швеции/2794729> (дата обращения: 11.09.2023).
19. Назарбаев Н. Долгосрочная стратегия развития Казахстана «Казахстан – 2030» // «Атырау облыстық уруханасы» ШЖҚ КМК. – URL: https://ohospital.kz/assets/uploads/2018/03/strategy_2030_ru.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
20. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы // Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики. – 2018. –

- URL: <https://mineconom.gov.kg/storage/directs/documents/209/15421950795bec078718fff.pdf> (дата обращения: 31.08.2023).
21. Неъматов А., Каримов А. Новый Узбекистан – новая модель внешней политики // Институт стратегических и межрегиональных исследований. – 2021. – URL: <https://isrs.uz/ru/page/pdf/novyyj-uzbekistan-novaa-model-vnesnej-politiki> (дата обращения: 30.08.2023).
22. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 09.03.2020. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/legal Acts/decrees/o-konsepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody> (дата обращения: 29.08.2023).
23. О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Благополучие для всех! Преемственность. Справедливость. Прогресс» и предложений, полученных в ходе общегосударственной акции «Бірge». Указ Президента Республики Казахстан от 19 июня 2019 года № 27 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – 19.06.2019. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U190000027U> (дата обращения: 29.08.2023).
24. Обращение Ильхама Алиева по случаю Дня солидарности азербайджанцев мира и Нового года // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – 31.12.2022. – URL: <https://president.az/ru/articles/view/58523> (дата обращения: 28.08.2023).
25. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2019. – URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana (дата обращения: 30.08.2023).
26. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // Президент Республики Узбекистан. – 2020. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4057> (дата обращения: 30.08.2023).
27. Президент Касым-Жомарт Токаев принял участие в саммите Организации тюрksких государств // Официальный сайт Президента Республики Татарстан. – 2023. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinjal-uchastie-v-sammite-organizacii-tyurkskih-gosudarstv-11104851> (дата обращения: 01.10.2023).
28. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 июня 2015 года 69/285. Постоянный нейтралитет Туркменистана // ООН. – 03.06.2015. – URL: https://unrrca.unmissions.org/sites/default/files/a_res_69_285_r.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

29. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 12.04.2017. – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 30.08.2023).
30. Стратегия развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы // Президент Республики Узбекистан. – URL: https://president.uz/ru/pages/view/strategy?menu_id=144 (дата обращения: 30.08.2023).
31. Закон «О национальной безопасности» Республики Азербайджан. Milli təhlükəsizlik haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunu // Azərbaycan Respublikasının Təhlükəsizlik Şurası. – 2004. – Азерб. яз. – URL: <https://e-qanun.az/framework/5455> (дата обращения: 28.08.2023).
32. Концепция национальной безопасности Республики Азербайджан. Azərbaycan Respublikasının Təhlükəsizlik Konsepti // Azərbaycan Respublikasının Təhlükəsizlik Şurası. – 2007. – Азерб. яз. – URL: <https://e-qanun.az/framework/13373> (дата обращения: 28.08.2023).
33. Стратегия «Узбекистан – 2030» «Ўзбекистон – 2030» стратегияси // «Тараккиёт стратегияси» Маркази. – 31.07.2023. – Узбек. яз. – URL: <https://strategy.uz/index.php?news=1780> (дата обращения: 30.08.2023).
34. Важные послания президента Эрдогана миру после завершения саммита G20: Запад не проявляет заинтересованности. Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan sona eren G20 Zirvesi sonrası dünyaya önemli mesajlar: Batı 3 maymunu oynuyor // Yeni Şafak. – 10.09.2023. – Турец. яз. – URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/cumhurbaskani-erdogandan-sona-eren-g20-zirvesi-sonrası-dunyaya-onemli-mesajlar-bati-3-maymunu-oynuyor-4559182> (дата обращения: 11.09.2023).
35. Месседж Эрдогана о справедливом мире на саммите G20. Erdoğan'dan G20 Zirvesi'nde adil dünya mesajı // Türkiye Gazetesi. – 2023. – Турец. яз. – URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/haber-videoları/cumhurbaskani-erdogandan-g20-zirvesinde-adil-dunya-mesaji> (дата обращения: 09.09.2023).
36. Цель 2023. Hedef 2023 // AK Parti – Турец. яз. – URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/hedef-2023/tumu/> (дата обращения: 11.09.2023).
37. Эрдоган Р.Т. Более справедливый мир возможен. Erdoğan R.T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. – Istanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. – 211 s. – Турец. яз.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.08

УДК 327.3

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА РПЦ И УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КИСЛЫЙ Александр Юрьевич

Председатель Комиссии по сотрудничеству с вузами и научным сообществом, священник, бакалавр богословия, магистр искусствоведения, Витебская епархия Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата.

E-mail: aleksandrkislyj5@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4637-9596

Для цитирования: Кислый А.Ю. Анализ деятельности Рабочей группы Московского Патриархата РПЦ и Управления по делам религий Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 138–149. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.08.

Аннотация. Статья посвящена особенностям организации Рабочей группы по диалогу между Московским Патриархатом Русской Православной Церкви и Управлением по делам религий Турции, ее руководству, ведущим экспертам и их инициативам, выраженным в докладах, прозвучавших на заседаниях группы. Обращается внимание на необходимость систематической совместной работы представителей двух крупнейших религиозных конфессий по поиску общего языка, единого понимания причин конфликтов, угроз, вызовов морально-нравственным принципам существования человечества и путей выхода из подобных кризисов. Также приводятся некоторые заключения по итогам проводившейся на протяжении практически целого десятка лет совместной деятельности данной Рабочей группы. На основании предлагаемой статьи можно сформировать четкое представление о целесообразности организации и проведения подобных встреч в перспективе, их влиянии на углубление двухсторонних связей и необходимости экстраполяции полученного опыта на другие сферы российско-турецких взаимоотношений.

Ключевые слова: христианство, ислам, российско-турецкие отношения.

Analysis of Activities of Working Group of Moscow Patriarchate and Department of Religious Affairs of Türkiye

Aleksandr Yu. KISLY

Chairman of Commission for Cooperation with Universities and the Scientific Community, Priest, Bachelor of Theology, Master of Art History, Vitebsk Diocese of the Belarusian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate.

E-mail: aleksandrkislyj5@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4637-9596

For citation: Kisly A. Yu. (2023). Analysis of Activities of Working Group of Moscow Patriarchate and Department of Religious Affairs of Türkiye. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(4), pp. 138–149. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.08.

Abstract. The article introduces the fact of organizing a working group for dialogue between the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church and the Department of Religious Affairs of Türkiye, with the leadership, leading experts and their initiatives expressed in the reports made at the meetings of the group. Particular attention is drawn to the need for joint work of representatives of the two largest religious denominations in search of a common language, a common understanding of the causes of conflicts, threats, challenges to the moral principles of human existence and ways out of such crises. Some conclusions are also given based on the results of the joint activities of this working group that have been carried out for almost a decade. On the basis of the proposed article, one can form a clear idea of the expediency of organizing and holding such meetings in the future, their impact on the deepening of bilateral ties and the need to extrapolate the experience gained to other areas of Russian-Turkish relations.

Keywords: Christianity, Islam, Russian-Turkish relations.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси, совершая свой поистине исторический визит в Каир и встречаясь там с Верховным имамом университета Аль-Азхар шейхом Ахмадом Ат-Тайебом, произнес значимые слова: «И ислам, и православное христианство принадлежат Востоку. Нас объединяет высокий уровень культурной близости, нам легко говорить друг с другом, потому что мы принадлежим к одному миру. Российская Православная Церковь давно уже почувствовала необходимость диалога с исламским миром, причем на высоком богословском уровне <...>

У нас на Востоке есть хорошие примеры того, как религия большинства, занимавшая главенствующую роль в общественной жизни, никоим образом не подавляла религии меньшинства. Такое мы видим в восточных странах, где религией большинства является ислам¹; это же присутствует в России и других православных странах, где религией большинства является христианство. Исторически с исламом у нас добрые отношения и, конечно, очень важно поддерживать их сегодня, особенно ведя борьбу с теми радикальными элементами, которые пытаются подорвать эти отношения»².

Данная встреча в Каире двух высокопоставленных религиозных лидеров стала продолжением двустороннего диалога Русской Православной Церкви с мусульманским миром, начатого в октябре 2008 г., когда – на тот момент еще митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл – принял в Москве с рабочим визитом представителей Генерального секретаря Всемирной исламской лиги шейха Абдаллы Ат-Турки.

Соблюдение канонов нравственности, совместное противодействие экстремизму – таковыми темами определялся круг обсуждаемых вопросов и в рамках последующих встреч высших представителей исламской Уммы и Православной Церкви. По итогам проведенных весьма значительных саммитов были достигнуты следующие результаты:

- налаживание контактов с Организацией исламского сотрудничества;
- установление диалога Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Генерального секретаря Всемирной исламской лиги Мухаммада Абдулькарима Аль Иссы;
- возникновение дружественных связей Святейшего Патриарха с Королевской семьей Иордании и Президентом Турецкой Республики Реджепом Тайипом Эрдоганом.

¹ Авдеева В.С. Исламское право: роль европейского правового универсализма в дестабилизации мусульманского мира // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 149–165. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.09.

² Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Верховным имамом шейхом университета «Аль-Азхар» Ахмадом Ат-Тайибом // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. – 12.04.2010. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/57409/> (дата обращения: 16.07.2023).

В контексте образовавшихся благоприятных тенденций, крепких взаимных отношений сотрудничества произошло становление системных связей, возникновение профессионального диалога между Московским Патриархатом Русской Православной Церкви (МП РПЦ) и Управлением по делам религий (УДР) Турции. На начальном этапе – на уровне личных встреч руководителей (2008–2009), а затем и в рамках учрежденной в 2011 г. двусторонней Рабочей группы, которая трижды (в 2012, 2014 и 2017 гг.) проводила свои заседания. Невозможно переоценить значимость и актуальность вопросов, ставших центральными при обсуждении и принятии решений на данных встречах. Среди прочего представляется важным указать следующие:

- история и теория взаимоотношений ислама и христианства;
- конфликты: пути и методы их преодоления;
- псевдорелигиозный экстремизм;
- место религии в жизни человека и общества;
- защита института семьи;
- соблюдение прав человека (в том числе на исповедание той или иной религии);
- развитие религиозного туризма и др.

В то время как подобный диалог методично и последовательно проводится Русской Православной Церковью со многими странами исламского Востока (ОАЭ, Ливан, Сирия, Катар, Кувейт, Ирак и др.) и Африки (29 декабря 2021 г. был создан Патриарший Экзархат МП РПЦ в Африке), обойти вниманием такую значительную державу региона и мира, какой является Турецкая Республика, было бы ошибочно³.

Первое заседание Рабочей группы по диалогу РПЦ и УДР Турции состоялось в Анкаре 16 декабря 2012 г. под руководством митрополита Илариона (Алфеева), на тот момент Председателя Отдела внешних церковных связей (ОВЦС МП) и Генерального директора дирекции внешних связей УДР Турции, профессора Мехмета Пачаджи.

³ Дамир Мухетдинов о диалоге Русской Православной Церкви с исламским миром. Насколько верны его оценки? // Официальный сайт Московского Патриархата. – 30.04.2021. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5804076.html> (дата обращения: 13.07.2023).

Митрополит Иларион своим докладом «Роль межрелигиозного диалога в международных отношениях» задал весьма важный вектор состоявшейся встрече, расставил приоритеты для наметившихся обсуждений, чем обеспечил живой, активный отклик сбравшихся с двух сторон экспертов. В частности, дискуссия и обмен мнениями произошли по поводу соблюдения прав религиозных меньшинств, причем не только в России и Турции, но в масштабах всего мира.

Глава турецкой делегации ознакомил членов группы с инициативами своего правительства в области законодательства, касающимися возвращения части объектов недвижимого имущества религиозным меньшинствам – резидентам Турции. По результатам обсуждения вопроса было вынесено решение об установлении сотрудничества между РПЦ и Турецкой Республикой на уровне высших учебных заведений. Примером такого сотрудничества стало взаимодействие университета Анкары и Общеперковной аспирантуры и докторантуре имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, заключивших соответствующее соглашение.

Известно, что на территории Турции находится ряд значимых для православных людей культурных и религиозных объектов, служащих духовными центрами и местами паломничества и поклонения. Именно в них, как в чистейшем чудотворном источнике, русский человек всегда черпал свои внутренние духовные силы и испокон веков сверял с ними свои «духовные часы». В числе таковых, безусловно значимых для русского и славянского сердца объектов, – бывшее место пребывания мощей (останков) свт. Николая Чудотворца в исторических Мирах Ликийских; бывшая церковь свв. Сергия и Вакха, церковь св. Ирины с почитаемыми останками царя Константина Великого (г. Стамбул), а также находящаяся в Стамбуле знаменитая Святая София (Аяя София), которая, сменив свою религиозную принадлежность, все же не перестала оставаться для души всякого православного человека «центром силы» и духовной подпитки.

Обо всем этом и в целом о состоянии дел в сфере религиозного паломничества, в том числе и к святыням, находящимся в Турции, рассказал заместитель Председателя ОВЦС МП протоиерей Николай Балашов. Ряд проблем во взаимном сотрудничестве в научной, академической сфере и пути их решения осветил

в своем докладе «РПЦ в турецких академических исследованиях» Х. Олгун, преподаватель факультета религиоведения Стамбульского университета. На первой встрече Рабочей группы участники сблизили понимание аспектов, существующих в отношениях общества и государства с религиозной сферой. Была отмечена положительная роль, которую религия играет в осуществлении различных социальных процессов, провозглашении и транслировании преимуществ, вечных ценностей мира и согласия через отдельно взятую семью на весь окружающий мир⁴.

Второе заседание Рабочей группы состоялось 8 апреля 2014 г. в Москве, в здании ОВЦС под тем же руководством. Общий ход рассуждений касался вопросов набирающего динамику в глобальных масштабах терроризма. Религиозные меньшинства, как одна из самых незащищенных страт современного общества, нуждаются в усилении мер защиты и противодействия религиозным конфликтам.

Межрелигиозные отношения в Турции имеют многовековую историю, там вырабатывался тяжелый, но бесценный в своей уникальности и полезности опыт по решению указанных задач и проблем. Данным опытом поделились в своих докладах и рассуждениях профессор Мехмет Параджи – глава турецкого отделения Рабочей группы и заведующая сектором Турции Института востоковедения РАН Н.Ю. Ульченко.

Стоит отметить, что своим уникальным опытом в области межрелигиозного сотрудничества и особым взглядом на многие протекающие в указанной сфере процессы обладает и Россия. В частности, после распада СССР и образования СНГ пришлось заново выстраивать отношения и взаимосвязи с новыми государствами, появившимися на карте, по многим направлениям, в том числе и в области религиозной политики. На второй встрече Рабочей группы высказывались экспертные мнения о возможности применения некоторых наработок, накопившихся за период становления и развития описанных взаимоотношений в двустороннем сотрудничестве России и Турции.

⁴ Состоялось заседание рабочей группы по диалогу Русской Православной Церкви с Управлением по делам религий Турции // Богослов.ру. Научно-богословский портал. – 16.12.2012. – URL: <http://bogoslov.ru/event/3008569> (дата обращения: 16.07.2023).

Темой еще одного обсуждения на заседании стало углубление ранее задекларированного межвузовского сотрудничества. К примеру, предлагалось интенсифицировать преподавательский и студенческий обмен между Стамбульским университетом и Общеперевороной аспирантурой и докторантурой имени свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия – основными флагманами межрелигиозного сотрудничества в сфере изучения теологических наук, а также академических исследований и проектов⁵. Данное предложение представляется крайне важным, поскольку именно теология, внесенная Министерством образования и науки в соответствии с общемировой теорией и практикой в перечень научных специальностей, по глубокому убеждению доктора политических наук, профессора философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Щипкова, является одной из важнейших дисциплин, влияющих на общее интеллектуальное пространство⁶.

Третье заседание совместной Рабочей группы, состоявшееся 10 июля 2017 г. в Москве, со стороны Турции возглавил глава Департамента внешних связей Управления по делам религий Селим Аргун. С российской стороны перемен в руководстве группы не произошло. Встреча традиционно прошла в теплой, дружественной атмосфере, участники констатировали единую позицию, общий взгляд на традиционную религию как на феномен, побуждающий к миротворческим тенденциям и процессам на планете. Исходя из этого, никакие проявления терроризма или экстремизма ни при каких условиях нельзя объяснять и оправдывать религиозными целями, так как не существует традиционной религии, которая учила бы убийству людей. В частности, все мусульманские лидеры однозначно выступают против терроризма и потому, по признанию российской стороны, необходимо совместно реш-

⁵ В Отделе внешних церковных связей состоялось второе заседание рабочей группы по диалогу Русской Православной Церкви с Управлением по делам религий Турецкой Республики // Официальный сайт Московского Патриархата. – 09.04.2014. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3621830.html> (дата обращения: 21.07.2023).

⁶ Щипков А.В. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2021. – С. 98.

тельно заявлять о недопустимости принятия ложной экстремистской идеологии и деструктивных террористических принципов.

Русская Православная Церковь играет в этой борьбе традиционно значимую роль. Оба государства, Россия и Турция, в последнее время столкнулись с беспрецедентными вызовами экстремизма и терроризма. На этом фоне установившийся добрососедский, взаимоуважительный диалог между религиозными общинами данных стран уже самим фактом своего существования является внятным и суровым ответом на подобные вызовы. По мнению турецкой стороны, для успешного и эффективного достижения целей по предотвращению указанных вызовов, поставленных в настоящее время перед обществом, и противодействию им необходимо решить ряд комплексных задач. Среди них следует обозначить следующие:

- интенсификация совместной работы по искоренению явлений агрессивного секуляризма;
- эффективное противоборство насаждению в обществе культа и идеологии потребительства.

Особое внимание участников заседания было обращено на необходимость дальнейшего углубления академического сотрудничества, включающего в себя:

- преподавательский, студенческий обмены;
- сотрудничество между факультетами профильных вузов;
- совместную работу с архивами, имеющими отношение к истории православия.

Следует особо отметить прозвучавшую на той встрече 10 июля 2017 г. – в тот период весьма актуальную – тему усиления дискриминации по отношению к канонической Украинской Православной Церкви со стороны госорганов Украины. О притеснении и ущемлении прав большей части населения страны решительно и обоснованно заявил в своем докладе «Миротворческая роль Православной Церкви на пространстве бывшего СССР: пример Украины» заместитель председателя ОВЦСprotoиерей Николай Балашов. В данном докладе были четко обозначены пути, по которым однозначно не следует идти во взаимоотношениях государства и общества, осуждались любые попытки легитимизации антиканонических, непризнанных сообществ, государст-

венного признания их прав в ущерб последователям традиционных религий.

Специалист УДР Омер Фарук Савуран, в свою очередь, в своей речи указал на участившиеся повсеместно случаи проявления нетерпимости к мусульманам. У многих людей, в том числе и в результате негативного воздействия отдельных СМИ, не всегда правдиво освещавших реальное положение дел в области конфессионального устройства и доктрины, сформировался стойкий ассоциативный ряд: «мусульманин – террорист» или «ислам = экстремизм». Данные идеологические конструкты и клише выдаются разного рода «религиозными экспертами» и «лидерами мнений» за истину в последней инстанции и, распространяясь с помощью новейших информационных технологий, наносят вред как отдельному человеку, так и обществу в целом.

Тем самым у общества для предотвращения и минимизации ущерба, наносимого таким грубым, бесцеремонным вмешательством в многовековые, традиционные уклады тех или иных народов, духовную культуру, верования, убеждения, самую жизнь и душу человека, появляется насущная потребность к истреблению описанных выше стереотипов и ассоциаций как не соответствующих действительности и не способствующих взаимопониманию и разрешению возникающих конфликтов.

Далее работу группы продолжило выступление тюрколога, кандидата исторических наук И.А. Свистуновой, которая привела исторические примеры взаимодействия России и Турции в культурной и религиозной сфере. В настоящий момент данные отсылки к нашей общей истории вновь обретают свою актуальность и значимость, поскольку то и дело приходится сталкиваться с негативным мнением по отношению к политике Турции в различных сферах общественной жизни. «Турция никогда особым другом для России не была» – общий посыл подобных «аналитических исследований», заранее настраивающий общественное мнение на негативное восприятие Турции как партнера и превращающий оптику, сквозь которую следовало бы рассматривать в положительном ключе наши культурные, религиозные, политические, экономические и прочие взаимоотношения, – в оптический прицел. Стоит отметить лишь некоторые, предложенные на

третьем заседании Рабочей группы, пути противостояния этим негативным тенденциям:

- 1) развитие религиозного туризма к православным святыням на территории Турции;
- 2) повышение квалификации гидов;
- 3) участие специалистов из России в восстановлении православных храмов и фресок в Турции⁷.

* * *

Патриарх Кирилл, встречаясь с руководством УДР Турецкой Республики, дал высокую оценку деятельности совместной группы. Он указал, в частности, на необходимость привлечения к такой полезной и нужной работе по осмысливанию происходящих с человеческой цивилизацией процессов большего количества ученых, а также научных, культурных и политических деятелей. «Совершенно очевидно, что западная цивилизация, современная западная культура потеряли связь с религией и западный мир уже нельзя называть христианским миром.

Религиозные ценности практически ушли из общественного пространства. Принимаются законы, которые идут в противоречие с заповедями Божиими, против традиций морали»⁸. Данное утверждение свидетельствует о наличии некоего мировоззренческого разрыва, в условиях которого уже недостаточно просто констатации факта глобального культурного отхода от религиозных начал. Назрела острая необходимость публичного, на всевозможных информационных, исследовательских и аналитических площадках, озвучивания губительных последствий такого разрыва. По этой причине взаимоотношения, как с турецкими религиозными деятелями, так и с рядовыми мусульманами Турции и всего мира, следуют всесторонне укреплять.

⁷ В ОВЦС состоялось третье заседание рабочей группы Русской Православной Церкви и Управления по делам религий Турции. Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. – 11.07.2017. – URL: <http://mospat.ru/ru/news/48340> (дата обращения: 26.07.2023).

⁸ Патриарх Кирилл встретился с председателем Управления по делам религий Турецкой Республики // Благовест-инфо – 12.12.2014. – URL: <https://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&id=60440> (дата обращения: 29.07.2023).

В качестве отрицательных результатов описываемой в настоящей статье работы совместной группы по диалогу важным представляется выделить довольно узкий охват обсуждаемой проблематики, актуальной в постоянно изменяющихся современных условиях. Многие из переживаемых в настоящий момент системных кризисов во взаимоотношениях (вызванных, в частности, решением высшего турецкого руководства об изменении статуса «Святой Софии» и неоднозначной реакцией общества на данное решение, возникновением и распространением COVID-19, СВО на Украине, так называемой «зерновой сделки», приемом новых членов в НАТО и др.) имели, безусловно, свои предпосылки и явления, послужившие их непосредственными причинами.

Во время заседаний рабочей группы на данные процессы и явления не было обращено должного внимания, что послужило их усугублению и развитию. Соответственно, отсутствие совместного мнения и путей решения по тем или иным вопросам, не затронутым регламентом мероприятия, сказалось и, возможно, еще скажется весьма негативно уже в краткосрочной перспективе. Также следует рассматривать в качестве отрицательного фактора недостаточно частое проведение подобных, остро необходимых форумов, с точки зрения сближения позиций по основным вопросам, лежащим непосредственно в плоскости компетенции участников группы (расширение межвузовского сотрудничества, богословские дискуссии, культурные связи, духовное сопровождение и наполнение светских инициатив / проектов / контактов – там, где это возможно, и др.).

Думающие, беспокоящиеся о своем будущем и будущем своих стран россияне, белорусы, турки – могут исповедовать какую-либо веру, принадлежать либо нет к различным религиозным группам, конфессиям и т.д. Однако при этом они стоят на твердых принципах нравственности и постоянно задаются вопросами, связанными с современным цивилизационным развитием, рассматривая их в том числе в духовном преломлении. Тем самым прилагаются усилия по закладыванию основы для дальнейших точек соприкосновения культур, научной и научно-богословской мысли, поисков разрешения региональных, межрегиональных, общемировых конфликтов на религиозной почве, укрепления отношений добрососедства. Своебразное начало этим значимым

процессам, некоторым образом, и было положено на заседаниях совместной Рабочей группы по диалогу между Московским Патриархатом РПЦ и УДР Турецкой Республики.

Список источников и литературы

1. Авдеева В.С. Исламское право: роль европейского правового универсализма в дестабилизации мусульманского мира // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 149–165. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.09.
2. В ОВЦС состоялось третье заседание рабочей группы Русской Православной Церкви и Управления по делам религий Турции. Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. – 11.07.2017. – URL: <http://mospat.ru/ru/news/48340> (дата обращения: 26.07.2023).
3. В Отделе внешних церковных связей состоялось второе заседание рабочей группы по диалогу Русской Православной Церкви с Управлением по делам религий Турецкой Республики // Официальный сайт Московского Патриархата. – 09.04.2014. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3621830.html> (дата обращения: 21.07.2023).
4. Дамир Мухетдинов о диалоге Русской Православной Церкви с исламским миром. Насколько верны его оценки? // Официальный сайт Московского Патриархата. – 30.04.2021. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5804076.html> (дата обращения: 13.07.2023).
5. Патриарх Кирилл встретился с председателем Управления по делам религий Турецкой Республики // Благовест-инфо – 12.12.2014. – URL: <https://blagovest-info.ru/index.php?ss=2&id=60440> (дата обращения: 29.07.2023).
6. Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Верховным имамом шейхом университета «Аль-Азхар» Ахмадом Ат-Тайибом // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. – 12.04.2010. – URL: <https://mospat.ru/ru/news/57409/> (дата обращения: 16.07.2023).
7. Состоялось заседание рабочей группы по диалогу Русской Православной Церкви с Управлением по делам религий Турции // Богослов.ру. Научно-богословский портал. – 16.12.2012. – URL: <http://bogoslov.ru/event/3008569> (дата обращения: 16.07.2023).
8. Щипков А.В. Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2021. – 464 с.

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

№ 4 (4) – 2023

Научный журнал

Оформление обложки И.А. Михеев

Техническое редактирование

и компьютерная верстка О.В. Егорова

Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 28/XII-2023 г. Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 9,4 Уч.-изд. л. 7,6

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 212

Институт научной информации по общественным наукам

Российской академии наук

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (925) 517-36-91

e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,

ул. Чернышевского, д. 88, литер У